Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Р. С. КАНУНОВА

ГОВОРЫ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Учебно-методическое пособие

Под редакцией профессора М. В. Пименовой

Владимир 2014

УДК 81.42
ББК 81.411.2-0-923
К19

Рецензенты:
Кандидат педагогических наук
проректор по информатизации
Владимирского института повышения квалификации
работников образования имени Л. И. Новиковой
В. А. Полякова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Н. В. Целикова

Печатается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Канунова, Р. С.
К19 Говоры Владимирской области : учеб.-метод. пособие / Р. С. Канунова ; под ред. проф. М. В. Пименовой. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014. – 143 с. – ISBN 978-5-9984-0506-8.

Посвящено описанию говоров Владимирской области на различных языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом) в сопоставлении с другими говорами русского языка, а также включает в себя материалы по подготовке к диалектологической практике.

Предназначено для студентов-филологов I курса, обучающихся по направлению подготовки 050100 – Педагогическое образование, профили «Русский язык», «Литература». Может быть полезно преподавателям вузов и школ, научным работникам и аспирантам.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС 3-го поколения.

Табл. 2. Библиогр. : 19 назв.

УДК 81.42
ББК 81.411.2-0-923

ISBN 978-5-9984-0506-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Алекс. – Александровский район Владимирской области
БАС – Словарь современного русского литературного языка (Большой академический словарь)
ВОС – Владимирский областной словарь
Вязн. – Вязниковский район Владимирской области
Горох. – Гороховецкий район Владимирской области
Г.-Хруст. – Гусь-Хрустальный район Владимирской области
Д. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955
Камеш. – Камешковский район Владимирской области
Кирж. – Киржачский район Владимирской области
Ковр. – Ковровский район Владимирской области
Кольч. – Кольчугинский район Владимирской области
ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров
МАС – Словарь русского языка. В 4 т. (Малый академический словарь). М., 1981 − 1988.
Мел. – Меленковский район Владимирской области
Мур. – Муромский район Владимирской области
Петуш. – Петушинский район Владимирской области
СГП – Словарь говоров Подмосковья
Селив. – Селивановский район Владимирской области
Соб. – Собинский район Владимирской области
СРНГ – Словарь русских народных говоров
ст. Ѣ – «старый» Ѣ
Суд. – Судогодский район Владимирской области
Сузд. – Суздальский район Владимирской области
Уш. – Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова
Ю.-Пол. – Юрьев-Польский район Владимирской области

РИММА СЕРГЕЕВНА КАНУНОВА: УЧЁНЫЙ-ДИАЛЕКТОЛОГ, ПЕДАГОГ, УЧИТЕЛЬ

Римма Сергеевна Канунова (Овчинникова) – незаурядная личность, чья профессиональная и человеческая значимость со временем не уменьшается, а становится всё заметнее, очевиднее. Для своих коллег и учеников Римма Сергеевна являет собою пример жизненного и научного долголетия, подвижничества, верности выбору жизненного пути.

Римма Сергеевна родилась 31 мая 1922 г. в деревне Большой Кугунур Арбажского района Кировской области в семье сельской учительницы. Перед самой войной (в 1940 г.) окончила Арбажскую среднюю школу с золотой медалью и поступила в Кировский педагогический институт, который в годы Великой Отечественной войны был эвакуирован в г. Яранск. Учёбу по выбранной специальности («русский язык и литература») надо было совмещать с работой на трудовом фронте, пришлось принять и стоически перенести все лишения этого страшного времени. В кровавой бойне войны погиб жених Риммы Сергеевны, светлые воспоминания о котором она пронесла через всю жизнь.

Мужество духа укрепило веру в собственные силы, настроило на повседневную работу. Постоянно ездила в командировки, решала трудные вопросы продпоставок, стараясь это делать по-человечески (видела обездоленных вдов, детей-сирот…). Надолго запомнились Римме Сергеевне поездки в самые отдалённые деревеньки Кировской области (в недавнем – Вятской губернии). Особенности вятского говора были предметом пристального внимания и даже, если так можно выразиться, своего рода «любования», на протяжении многих лет жизни являлись основой изучения и сопоставительного анализа других говоров.

После окончания аспирантуры в Куйбышевском пединституте Римма Сергеевна в 1947 г. начала свою педагогическую деятельность на кафедре русского языка Томского университета сначала в должности старшего преподавателя, затем стала доцентом и зав. кафедрой русского языка. В 1951 г. Римма Сергеевна успешно защитила кандидатскую диссертацию, а через два года была утверждена в учёном звании доцента. Диссертационное исследование окончательно определило сферу научных интересов – русская диалектология, в описании же вят-

ских говоров уже наметились самостоятельные пути, оригинальные идеи. Во время работы в Томском университете участвовала в организации и проведении диалектологических экспедиций по изучению сибирских говоров, тогда же разрабатывалась методологическая база описания и систематизации языковых явлений «живого» языка.

В период с 1955 по 1957 гг. Римма Сергеевна избирается зав. кафедрой русского языка Ульяновского пединститута, затем доцентом кафедры русского языка Астраханского пединститута (1957 – 1960) и Дагестанского университета (1960 – 1963).

Во Владимирском педагогическом институте/университете Римма Сергеевна работала с сентября 1963 г. по июнь 2009 г., но, даже уйдя на пенсию, продолжала участвовать в организации диалектологических экспедиций, помогала в обработке собранного материала. Многие поколения её учеников знают Римму Сергеевну как блестящего преподавателя современного русского языка и диалектологии, удачно сочетавшего научную глубину с простотой изложения материала, а также как автора программ и талантливого организатора многих спецкурсов и спецсеминаров по разным лингвистическим разделам. Эрудированность и широта взглядов неизменно вызывали большой интерес к этим занятиям у студентов.

Однако главнейшей лингвистической специальностью Риммы Сергеевны оставалась диалектология, а «базой» сбора материала – населённые пункты Владимирской области (Меленковский, Муромский, Собинский и другие районы), куда на протяжении многих лет направлялись диалектологические экспедиции студентов филологического факультета, хорошо обученных и подготовленных. Римма Сергеевна была непременным участником и непосредственным руководителем большинства таких экспедиций. Выпускники факультета до сих пор помнят, что бережному отношению к «живому» слову научила их именно она. Грамматическое освоение слова было неотделимо от смыслового, нередко не совпадающего с общепринятым либо совершенно незнакомого. Это слово, по меткому высказыванию К.Г. Паустовского, обладало и особой «выразительной силой», в нём угадывалась тайная история жизни человека, его настоящее, в нём запечатлевалась «связь времён». Вот почему студенты факультета охотно совершали эти поездки, внимательнейшим образом обрабатывали привезённые материалы − опыт такой работы давал некоторым ученикам Риммы Сергеевны возможность определиться с выбором собственных исследовательских тем.

На протяжении 46 лет работы Р.С. Кануновой во Владимире (общий трудовой стаж 62 года) постепенно, «бусинка к бусинке», составлялась бесценная по уникальности собранного материала и глубине отражённого в нём содержания «нить» многочисленных описаний лексических групп говоров средней полосы России, способных внести свой вклад в характеристику языковой системы русского языка в целом. В течение долгих лет (а с 1990 г. постоянно) обработанные материалы диалектологических экспедиций посылались в Ленинградское/Санкт-Петербургское отделение Института лингвистических исследований АН СССР/РАН для составления «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) России.

Изучение ненормативных значений слов и форм требует необыкновенной лингвистической чуткости, специальных знаний о типах коммуникативных ситуаций, умения учитывать прагматическую установку говорящих, что, в свою очередь, важно для понимания национального менталитета, национальной культуры. Это «понимание», пришедшее к ученикам Риммы Сергеевны во время работы с ней, уже не покидало их никогда, стало основой не только интеллектуального, но и духовного совершенствования.

Трудно не отметить, что в представлении многих студентов образ учёного-диалектолога, мудро воспитывающего терпение в освоении трудного, не сразу дающегося речевого материала, соединялся с высокими личностными качествами Риммы Сергеевны.

Верной своим научным интересам Р.С. Канунова остаётся и по сей день: исследованию и описанию говоров Владимирской области посвящены многочисленные курсовые и дипломные работы, выполненные студентами под её руководством, а также ряд интересных научных публикаций. В силу глубокой содержательности, систематизированности изученного материала труды Риммы Сергеевны имеют большое научно-методическое и воспитательное значение. Основные идеи исследований развиваются молодыми учёными кафедры русского языка, а также выпускниками факультета, работающими во Владимирской области и за её пределами.

Мы, её коллеги и ученики, высоко ценим научные, просветительские и организационные заслуги Риммы Сергеевны, её методические приёмы актуальны и в настоящее время, любим её как щедрого, светлого человека, замечательного педагога.

Коллектив кафедры
русского языка

Список основных научных и научно-методических работ Риммы Сергеевны Кануновой (Овчинниковой)

1951

Говор д. Большой Кугунур Кировской области: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск: ТомГу, 1951. – 20 с.

1954

Синтаксические особенности говора деревни Большой Кугунур Кировской области // Ученые записки Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. – Вып. 19. – 1954. – С. 31 − 56.

1955

К вопросу о народной основе сельскохозяйственной терминологии // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. – Т. 129. – 1955.

1963

Морфологические особенности говора деревни Большой Кугунур Кировской области // Ученые записки Дагестанского университета. – Т. XIII. – 1963.

1967

Фонетические особенности говора деревни Большой Кугунур Кировской области // Ученые записки Владимирского государственного педагогического института имени П.И. Лебедева-Полянского. – Вып. 1. – 1967.

1970

К вопросу о словообразовании в говорах русского языка // Ученые записки Владимирского государственного педагогического института имени П.И. Лебедева-Полянского. – Серия «Русский язык». – Т. 21. – 1970. – С. 3 − 13.

1976

К вопросу о синтаксических функциях постпозитивных частиц в говорах русского языка // Вопросы русского языкознания. – Куйбышев, 1976. – С. 115 – 127.

1981

Говоры Владимирской области: метод. разраб. для студентов фак. рус-яз. и лит. – Владимир: ВГПИ, 1981. – 33 с.

1999

Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области. – Вып. 1. – Владимир: ВГПУ, 1999. – 61 с.

2000

Говоры Владимирской области (фонетические особенности) // Вопросы преподавания русского языка в школе. – Вып. 2. – Владимир, 2000. – С. 5.

2001

Говоры Владимирской области: фонетические, морфологические и синтаксические особенности (краткая характеристика): учебное пособие по курсу «Русская диалектология» для студентов филологического факультета. – Владимир: ВГПУ, 2001. – 54 с.

2004

Говоры Владимирской области. Лексика: учебно-методическое пособие. – Часть II. – Владимир: ВГПУ, 2004. – 39 с.

2007

Говоры Владимирской области**:** Диалектное членение русского языка. Место владимирских говоров среди других говоров русского языка: методические рекомендации к проведению семинаров по курсу «Русская диалектология». – Ч. III. – Владимир: ВГПУ, 2007. – 35 с.

2009

Диалектологическая практика: методические указания для студентов I курса филологического факультета. – Владимир: ВГГУ, 2009. **–** 19 с.

2012

(В соавторстве). Владимирский областной словарь: Лексика природы. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. – 126 с.

2013

(В соавторстве). Лексика природы владимирских говоров: метеорологические и астрономические явления, ландшафт, растительный и животный мир: обл. слов. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2013. – 257 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей пособие посвящено говорам Владимирской области.

Говоры Владимирской области относятся к Владимирско-Поволжской группе восточных среднерусских окающих говоров, и основой их языкового комплекса являются черты, присущие северному и южному наречию, северо- и юго-восточной диалектным зонам; кроме того, эти говоры разделяют и многие особенности говоров центра[1], «…которые включают Москву и расположенные к востоку от неё территории»[2].

В пособии описываются особенности владимирских говоров на фонетическом, морфологическом, синтаксическом языковых уровнях (гл. 1), представлена лексика говоров Владимирской области (гл. 2), определяется место владимирских говоров в диалектном членении русского языка (гл. 3), анализируются наименования грибов на территории Владимирской области (гл. 4), приводятся материалы по подготовке к научно-исследовательской работе в рамках диалектологической практики (гл. 5).

Предпринятое издание позволяет собрать воедино и дополнить разрозненные материалы, публиковавшиеся на протяжении многих лет и изданные небольшим тиражом[3].

---

[1] Подробнее см. : Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. – М. : Просвещение, 1970. – 168 с.

[2] Русская диалектология / под ред. П. С. Кузнецова. – М. : Просвещение, 1973. – С. 240.

[3] Автор выражает благодарность за помощь в подготовке книги к изданию ст. преп. Е.А. Абрамовой, ст. преп. Т.В. Бурлаковой, преп. А.Н. Назаровой, преп. А.Е. Петрову, доц. З.Н. Сазоновой, ст. преп. Г.И. Столбуновой, зав. кабинетом русского языка Е.Ю. Рыкину, а также студентам авиамеханического колледжа.

Глава 1

ФОНЕТИЧЕСКИЕ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

По составу фонем, гласных и согласных, говоры Владимирской области[1] не отличаются от говоров центра: «в пределах этих говоров имеет преимущественное распространение значительное количество черт, совпадающих с литературным языком, но исконно присущих этим говорам, а не усвоенных ими из литературного языка» [3, с. 240].

Вокализм

Ударный слог

По составу гласных фонем (количеству и их качеству) владимирские говоры не отличаются от современного русского литературного языка, т. е. в них выделяется пять гласных фонем, которые различаются по подъему, лабиализации (наличию или её отсутствию), ряду.

Ряд / Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	И	(Ы)	**У**
Средний	Е[2]		**О**
Нижний		А	

Но в говорах Владимирской области есть и некоторые особенности в произношении гласных ударного слога.

[1]Примеры записи диалектной речи на территории Владимирской области см. в прил. 1.

[2]Гласная фонема /э/ обозначается буквой *Е*: так принято в записях диалектных текстов.

1. Так, еще члены Московской диалектологической комиссии (МДК), авторы первой классификации говоров русского языка (и первой карты, 1915 г.), обратили внимание на особенности произношения на месте ст. Ѣ под ударением и взяли эту черту в качестве основной при выделении групп говоров на территории северновеликорусского наречия [5, с. 45].

Характеризуя говоры Владимирско-Поволжской группы по этой особенности (произношению на месте ст. Ѣ), исследователи отмечали: «является Е и перед твердыми и перед мягкими согласными, как и в литературном языке», уточняя: «перед мягкими согласными это Е носит несколько более закрытый характер...» [5].

Но, как показали исследования последних лет, в говорах Владимирско-Поволжской группы, в том числе и во владимирских, на месте ст. Ѣ под ударением отмечается несколько вариантов произношения:

а) перед твердыми согласными − не только [е], но и [ê], даже [и] (редко): *дет, сено, белой; хлêп, дêлъ, нêт; дифки, поиш, приихали*;

б) перед мягкими − не только [ê], но и [и]; реже [е]: *дêвер', здêс', сêм'а; дивер', писни, здйс'; песни, мёсец*[1].

2. Следующая особенность, на которую обычно обращают внимание при характеристике гласных ударного слога, − произношение /е/, /о/ в позиции после мягкого согласного перед твердым (t'at).

В подавляющем большинстве русских говоров (то же в современном русском литературном языке) в данной позиции с исторической точки зрения представлен результат изменения Е (из ст. *е* и *ь*) в О, пережитого всеми русскими говорами приблизительно в XIII − XIV вв. В этих говорах представлено следующее соотношение: [о] − после мягкого согласного перед твердым; [е] − после мягкого согласного перед мягким: *с'ола − сел'ский; йолка − йел'; л'от − гололедица; вес'олый − весёл'йе; пл'отка − пл'ет'.*

Но встречаются и другие говоры, в которых отношения между фонемами /е/, /о/ в названной позиции носят иной характер: в них отсутствует результат изменения Е в О. Эта особенность характерна для южнорусского наречия, причем более последовательно она отмечает-

[1] В работе используется упрощенная транскрипция: не обозначается мягкость согласных перед гласными переднего ряда и ассимилятивная мягкость согласных.

ся не в корнях слов, а в глагольных окончаниях (глаголов I спряжения): *свекла, селы, теплый, лен; привес, несеш, несет, везет.*

По мнению Р.И. Аванесова, «…исконные южнорусские говоры находятся вне зоны изменения ’е >’о» [2, с. 96].

Изменение Е в О в позиции t’at – черта, характерная и для владимирских говоров. Но в некоторых из них отмечаются и такие примеры: *сестры, телочки, терли, денце.* Причем эта особенность встречается не только в говорах южных районов Владимирской области (что можно было бы объяснить влиянием соседних южнорусских говоров), но и в говорах других (даже северных и центральных) районов области.

3. Качество гласных ударного слога в современном русском языке (литературном и в говорах) всегда в той или иной мере зависит от качества соседних согласных, твердых или мягких. В соседстве с мягкими согласными (после мягкого перед твердым, после твердого перед мягким, а особенно между мягкими согласными) наблюдается передвижка в артикуляции гласных в более переднее и одновременно в более верхнее положение. Не все гласные в этой позиции изменяются одинаково. Наименьшим изменениям подвергается гласная фонема /и/ − верхнего подъема, переднего ряда; наибольшим /а/ − единственная гласная фонема нижнего подъема, а следовательно, имеющая наибольшие возможности для изменения. Однако в литературном русском языке и во многих говорах фонема /а/, даже в позиции t’at’, хотя и претерпевает определенные изменения (реализуется в звуке более переднего и верхнего образования), но все-таки своих основных различительных признаков не утрачивает.

В некоторых же говорах русского языка (сев., сев.-вост.) /а/ в названной позиции (t’at’) подвергается значительным изменениям: переходит в зону артикуляции /е/, иными словами, в позиции t’at’ происходит нейтрализация (совпадение) двух фонем: /а/ и /е/ и реализация их в одном и том же звуке [е].

В большинстве говоров Владимирской области нейтрализация фонем /а/ и /е/ в позиции t’at’ отсутствует − черта, по которой владимирские говоры совпадают с говорами центра и современным литературным языком.

Но наряду со сказанным в говорах Владимирской области в речи представителей старшего поколения отмечаются примеры: *сет' (сядь), взет, опет', племенник, мечик (мячик),* т. е. в этих говорах, по-видимому, можно говорить о лексикализации названной особенности.

Безударные слоги

Рассмотрим диалектные особенности говоров Владимирской области в произношении гласных безударного слога.

1. Характерной особенностью владимирских говоров является неполное оканье – черта, свойственная говорам Владимирско-Поволжской группы, в которой гласные /о/ и /а/ сохраняют свои различительные признаки только в I предударном слоге; в остальных безударных слогах (II предударном и заударных) не различаются, а совпадают в произношении в одном общем варианте − гласном звуке [ъ]. Это общая закономерность, присущая всем говорам с неполным оканьем. В говорах же Владимирской области она наблюдается не часто. Наоборот, во многих владимирских говорах /о/ и /а/ различаются не только в I предударном слоге, в заударном конечном открытом (что довольно часто встречается в говорах с неполным оканьем), но во II предударном и заударных слогах, неконечном и конечном закрытом.

Кроме того, в заударных слогах при редукции отмечаются разные варианты произношения: не только [ъ], но и [а], хотя примеров с [ъ] все-таки больше: *съмоварчик, хърошо, стърожыл*, но и *самоварчик, хорошо, старожыл*; *девъчки, тел'онък, дес'атък, кокетъчки, грохат, р'адам, ложак, жолап,* но и *девочки, тел'онок, грохот, р'адом*; *былъ, дал'окъ, богатъ, дочкь, многъ*, но и *было, дал'око, богато, бол'но, много.*

И такое произношение отмечается не только в одном и том же говоре, у одного и того же лица, но даже в одном и том же отрезке речи.

2. Характеризуя владимирские говоры, следует обратить внимание на качество [о] в I предударном слоге. Так, в позиции после губных, заднеязычных (особенно между ними) или после губных перед /л/ (реже в других положениях) в речи представителей старшего поколения в I предударном слоге отмечается [ô], [$о^у$], даже [у]: *кôрова, бôлел, пôкушайт'о, пôлезно; $по^у$года, $хо^у$рошова, пулезно, булел.* То же наблюдается во II предударном слоге: *пôгодит'о, гôреч'о, $по^у$$го^у$ворили, пугодит'о.*

3. При характеристике произношения /о/ и /а/ в I предударном слоге после твердых согласных необходимо назвать еще одну особенность, хотя не имеющую широкого распространения во владимирских

говорах, − оканье с ассимилятивным аканьем. Эта особенность встречается в некоторых говорах на границе с Московской областью, а также в говорах южных районов Владимирской области. Сущность этого вида оканья заключается в том, что гласные /о/ и /а/ сохраняют свои различительные признаки, когда под ударением находятся гласные среднего и верхнего подъема.

При наличии под ударением гласного нижнего подъема /о/ и /а/ совпадают в варианте [а].

I Под ударением
/о/ -- [о] -- /и(ы), у, о, е/
/а/ -- [а]
[а] -- /а/

Например: *вада, трава; воды, травы; ноги, совы; водой, травой; в воде, на траве.*

4. Особого замечания требует черта, характерная для говоров Владимирско-Поволжской группы (и всех владимирских), − это произношение [у] в соответствии с [о] во II (и III) предударном слоге в абсолютном начале слова: *утопри, утн'осла, угурцы, угорот, удийало, уколотили, утожм'от,* даже *укуратной.*

Такое произношение в говорах Владимирской области отмечается по преимуществу в речи представителей старшего поколения; возможен здесь (реже) и вариант [о].

5. В положении после мягких согласных в I предударном слоге наблюдается различение /’о/, /’е/, /’а/ перед твердыми согласными и частичное неразличение их перед мягкими (произносятся [е], [е], [а]) − черта, характерная для говоров Владимирско-Поволжской группы: *н'осу, в’оду, с’остра − неси, веди, сетр’онка; в лесу, нь реку, стена − лесина, реки, нъ стене; п’атак, гл’ажу, пр’аду − п’ати, гл’ади, пр’ади.*

Но во владимирских говорах, наряду с указанным, в позиции перед твердыми согласными отмечаются примеры: *в л’осу*, *п’ошком, на р'оку* (элементы ёканья); *испеку, село, весной; напреду, свезала, петак* (еканье). Правда, примеров последнего типа встречается меньше.

В позиции перед мягкими согласными в I предударном слоге преобладает в произношении [е], в том числе и на месте /а/: *чернига,*

перина, неси, нагреби; детий, лечит’, редиска, одейало; напреди, погледи, робетишки.

Кроме того, в этой же фонетической позиции отмечается [е^{и}], даже [и], особенно на месте ст. Ѣ: *де^{и}тей, ве^{и}нчаца*, *бе^{и}сетка*; *дитей*, *дивишник*, *дифч’онка, тип'ер'.*

Во II предударном слоге после мягких согласных обычно произносится [е], но отмечается [и], реже − [ь]: *вечеринка, пойеженина, дев’аносто, леб’ода, земл'анига; пирийехал, чиловек, тиливизер, роспридил'ал; пьр' горожывай, сьнокосит, пьсочку, дьревен'.*

Но встречаются и примеры типа: *с’оровно, ч’оловёк, п’атистенай.*

В заударных слогах после мягких согласных в конечном закрытом перед твердыми согласными и в конечном открытом слоге во многих владимирских говорах наблюдается ёканье: *буд’от, лопн'от, получёйот, з’ат’ом, менёйот; учён’йо, гул’ан’йо, идйт’о, покумайт’о.*

В этой же фонетической позиции, обычно в речи тех же самых лиц, отмечается и гласный [е]: *буд'ет, лопн’ет, получайет*, *менёйет; з’ат’ем; смотрите, идите*, *побеседуйте, жар’оныйе.*

В конечном закрытом слоге после мягких согласных перед твердыми встречается произношение и с гласными [а] и [ь]: *пом’ар, з’ат’ам; лезьт, будьт.*

В заударных слогах после мягких согласных перед мягкими отмечается [е], реже − [ь]: *старен’ка, т’атен’ка, девет’, десет’, синейа; старьн'ка, т’атьн’ка, десьт’, девьт’.*

Особо следует выделить произношение в заударном неконечном и конечном закрытом слоге после шипящих (недолгих) и аффрикат (в том числе и /ч/ − см. об этом в разд. «Консонантизм»). В этой позиции в ряде говоров Владимирской области отмечается [ъ] или [а], реже − [ы]: *картошъчка*, *ватрушъчки, начъли; курицъм; хлебушак, опечак, мочак; изрежыш, напишыш.*

Можно сделать следующий вывод: вариантность в произношении безударных гласных (в позиции после твердых и после мягких согласных) − характерная черта всех владимирских говоров.

Консонантизм

Обратимся к характерным особенностям владимирских говоров, связанным с произношением согласных фонем (заднеязычных, аффрикат, шипящих, интервокального /j/).

1. Всем русским говорам и литературному русскому языку известны две глухие заднеязычные согласные фонемы: /к/ − взрывная и /х/ − фрикативная, которым соответствует лишь одна звонкая заднеязычная, «но в разных говорах представленная в различном звуковом облике» [3, с. 77].

В русском литературном языке, в севернорусских и в большинстве среднерусских говоров звонкая заднеязычная − взрывная /г/, а в южнорусских говорах − фрикативная /γ/. И эту особенность, в числе наиболее существенных, по которым выделяются и противопоставляются говоры северного (северновеликорусского) и южного (южновеликорусского) наречия, называют авторы первой классификации говоров русского языка[1]; отмечается она в числе важнейших и создателями новой группировки говоров русского языка [5, с. 74, 78].

По этой особенности владимирские говоры совпадают с северным наречием, среднерусскими говорами, т. е. для них характерна следующая закономерность: фонема /г/ в сильной позиции реализуется в звуке [г], в слабой (перед глухими согласными и на конце слова) − в звуке [к]: *луга − лук; нога − нок; стога − сток.*

Но в говорах на территории южных районов Владимирской области при реализации звонкой заднеязычной фонемы наблюдаются и иные соответствия: *луга − лух; стога − стох; ногът' − нохти.*

По-видимому, эти примеры говорят о том, что когда-то в этих говорах была фонема */γ/,* которая в сильной позиции реализовалась в звуке [γ], а в слабой (перед глухими согласными и на конце слова) − в [х]. В настоящее время либо под влиянием соседних говоров, либо под влиянием литературного языка в сильной позиции звук [γ] вытеснен [г].

2.Аффрикаты /ц/ и /ч'/ различаются − черта, характерная для современного русского литературного языка, южного наречия и среднерусских говоров.

---

[1]См.: Опыт диалектологической карты русского языка в Европе (1915 г.).

Различаются аффрикаты и во владимирских говорах, но в некоторых из них (обычно в говорах южных районов Владимирской области: Меленковского, Муромского, Гусь-Хрустального) наблюдаются особенности в реализации аффрикаты /ч/ − отмечаются четыре варианта этой фонемы: [ч] – твердый, [ч’] – полумягкий, [ч^{ц}] – шепелявый и [ч’]. Первые три варианта характерны для речи представителей старшего поколения, особенно женщин. В этих же говорах встречаются и элементы твердого цоканья (обычно в рассказах стариков о прошлом, особенно при исполнении ими старинных «свадьбишных» песен): *чашка, девочка, дочка, сейчас; стул'ч’ык, внуч·аты, оч'ен’, ч·елыш; куч^{ц}ки, ч^{ц}улки, кумач^{ц} овы, овеч^{ц}ак; сецас, куцка, овецушек, цашка.*

Эти говоры, по-видимому, в прошлом были цокающими (с твердым цоканьем) [2, с. 52], о чем свидетельствует не только названная особенность в реализации /ч’/, но и воспоминания стариков о том, как говорили раньше («по-бывалошному»).

3. Щипящие.

Недолгие («краткие») шипящие /ш/ и /ж/ − твердые во всех положениях в слове, что характерно для современного русского литературного языка и для большинства русских говоров, в том числе и владимирских: *шар, жар; шум, жук; жест, шест’ (жес’, шес’); шыт’, жыт’; нош, ид’ош.*

Долгие /ш̄/ и /ж̄/ в разных говорах русского языка (северных, южных, среднерусских, особенно среднерусских окающих, в том числе и владимирско-поволжских) произносятся не одинаково: отмечаются /ш/ и /ж/ твердые и /ш'/ и /ж’/ мягкие. Эта особенность (вариантность произношения, даже в речи одного и того же лица) характеризует и владимирские говоры. Но /ж/ обычно произносится твердо: *ш’ука, йаш’ик, ш’отка,* но и *шука, йашык, шотка; вожы, дрожы, мужавел’ник, дожа.*

4. /к/ и /г/ перед гласными переднего ряда.

В большинстве говоров русского языка, как и в современном литературном языке, заднеязычные /к/ и /г/ перед гласными переднего ряда смягчаются, изменяясь в палатализованные заднеязычные или даже среднеязычные /к’/ и /г’/. (Это ассимилятивное смягчение, состоящее в передвижке артикуляции в более переднюю зону полости рта).

В некоторых говорах (к северу и северо-востоку от Москвы, а следовательно, и в говорах Владимирско-Поволжской группы) такая

передвижка артикуляции идет дальше, достигая переднеязычной зоны, в результате чего соответствующие позиционные варианты /к/, /г/ перед гласными переднего ряда сближаются с переднеязычными мягкими (палатализованными) /т'/, /д'/. Таким образом, в названных говорах на месте /к/, /г/ перед гласными переднего ряда отмечаются [т'], [д']. Эта особенность в произношении согласных характерна для всех владимирских говоров, причем отмечается она не только в речи представителей старшего поколения: *рути, тино, тислый; ноди, ден'ди.*

5. Выпадение /j/ в интервокальном (между гласными) послеударном положении с последующей ассимиляцией (уподоблением) и стяжением гласных в формах прилагательных (в ед. ч. в им. и вин. п. ж. и ср. р.; во мн. ч. в им. и вин. п.) и глаголов (2-е и 3-е л. ед. ч., 1-е л. мн. ч. настоящего и будущего простого времени изъявительного наклонения) − черта, характерная для северного наречия, восточных среднерусских окающих говоров, а следовательно, и говоров Владимирско-Поволжской группы: *молода, хороша девушка, стара изба; красно солнышко, сйн'о плат'йо; фчерашно мълоко; ф старо врем'о, в дал'ну дорогу; дал'ны пол'а, хорошы роб'аты, ф каки леса; ф стары дома; знаш, знйт, знам; делаш, делат, деделам.* Широко представлена эта особенность и во владимирских говорах. Но, характеризуя ее как черту, присущую северному наречию, следует отметить и существенные отличия в ее реализации в среднерусских окающих, а следовательно, и во владимирских говорах.

В большей части северных говоров это явление (образование стяженных форм) представлено как живой процесс, отражающий различные стадии образования названных форм: *красноjе > красное > красноо > краснō~ > красно.*

В среднерусских окающих говорах нет форм без /j/ и без стяжения и пр., т. е. нет названных промежуточных форм: явление представлено не как живой процесс, а как результат некоторого изменения, т. е. здесь отмечаются лишь конечные формы, образующиеся в результате соответствующих изменений: *молода, хороша, красно, дал'ны; знаш, знат, знам.*

В среднерусских говорах отмечается и наибольшее количество форм, отражающих разнообразные случаи сочетания гласных, подвергающихся стяжению. Так, во владимирских говорах значительно

шире представлено стяжение в глагольных формах: не только во 2-м и 3-м л. ед. ч., 1-м л. мн. ч., но и в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч.: *думу, делу, покушу, шл'опу (бъсиком); делут, думут, росажывут, пол'ажывут, просватут.*

В заключение следует добавить, что наряду с широко известными во владимирских говорах стяженными формами прилагательных и глаголов довольно распространены здесь и формы без стяжения (у прилагательных − формы ед. ч. ср. р. в им. и вин. п.; во мн. ч. в им. и вин. п.; у глаголов − 2-го и 1-го л. ед. ч., 1-го л. мн. ч.), с элементами ёканья: *бол'шо село и бол'шойо; з'имно пал'то и з'имнойо; белы и ч'орны грибы и белыйо и ч'орныйо; знаш и знайот; знат и знайот; делаш и делайош; делат и делайот; делам и делайом.*

Таким образом, характерной особенностью владимирских говоров и здесь является вариантность форм (по преимуществу в речи представителей старшего поколения).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Грамматический строй говоров русского языка отличается значительным единством. В морфологии это проявляется прежде всего в том, что говорам, как и литературному языку, свойственны одни и те же части речи, для которых характерны те же грамматические категории с соответствующими способами и средствами их выражения. Поэтому при изучении морфологии говоров (что наблюдалось и в фонетике) не характеризуется морфологическая система говоров в целом, а выделяются лишь диалектные различия, т. е. такие явления языка, по которым говоры противопоставляются друг другу и сопоставляются с современным русским литературным языком.

Большая часть диалектных различий в морфологии касается внешней стороны грамматических форм, т. е. грамматических средств, которые используются для выражения тех или иных грамматических значений. Такие различия наблюдаются:

1) в самом наборе аффиксов, с помощью которых выражаются те или иные грамматические значения;

2) аффиксы могут быть одинаковыми для всех говоров, но может быть различным распределение их по классам основ;

3) одни и те же аффиксы могут различаться по говорам своим фонемным составом.

Кроме того, при описании морфологических особенностей говоров русского языка (в том числе и владимирских) представляет большой интерес и такое явление, как вариантность форм.

Существительные. Склонение имен существительных

В говорах русского языка, как и в современном литературном языке, выделяется три основных типа склонения. Распределение существительных по типам склонения в говорах, как и в литературном языке, связано с родом имен существительных, но этот принцип связи (особенно в говорах) реализуется непоследовательно.

I тип склонения

Словарный состав этого склонения в разных говорах русского языка не одинаков и определенным образом отличается от современного русского литературного языка. Так, к I склонению во многих говорах относятся не только существительные типа: *вода, стена, земля; дядя, староста* − существительные ж. р. и некоторые существительные м. р. с окончанием *-а* в им. п. и *-у* в вин. п. ед. ч., но и слова: *ревматизма, комбайна, литра, метра, ужина, заработка* и пр. (в литературном языке и других говорах − существительные м. р.); *жизня, церква, морква, свекра, дочеря* (в литературном языке и некоторых других говорах − существительные III склонения).

Эта особенность характерна и для владимирских говоров, но отмечается она в настоящее время по преимуществу в речи представителей (представительниц) старшего поколения.

Особых замечаний требуют существительные с суффиксами *-ушк-, -ишк-* (*дедушка, батюшка, парнишка, мальчишка).*

В литературном русском языке, в южнорусском наречии и во многих среднерусских говорах эти существительные изменяются по I типу склонения, в севернорусском наречии − по II типу склонения.

Владимирские говоры по этой особенности сближаются с севернорусским наречием: существительные *дедушко, парнишко* изменяются здесь как существительные II склонения (*дедушко − дедушка − дедушку − дедушка − з дёдушком − о дедушке; парнишко − парнишка − к парнишку – парнишка − с парнишком − о парнишке*). Однако в тех

же самых говорах, в речи одних и тех же лиц (даже в одном и том же отрезке речи) можно встретить формы этих существительных, образованные по I типу склонения. Иными словами, для владимирских говоров характерной чертой является вариантность в образовании форм этих существительных.

У существительных I типа склонения в говорах русского языка особых замечаний требуют прежде всего формы род., дат. и предл. п.

В литературном языке эти формы образуются с окончаниями: в род. п. *-и(-ы);* в дат. и предл. п. − *-е* . Следовательно, по особенностям образования формы род. п. противопоставляются дат. и предл. п. (ср.: *из воды − к воде, в воде; от земли − к земле, в земле*). Эта особенность характерна и для многих говоров русского языка. Однако в образовании этих форм говорам известны и другие закономерности.

Так, в некоторых говорах русского языка формы род., дат. и предл. п. имеют одно и то же окончание (происходит совпадение по особенностям образования всех трех форм), причем в одних говорах (преимущественно − Крайнего Севера и северо-западных) единое окончание этих форм соответствует окончанию род. п. литературного языка *-и(-ы)* (*нет сестры − к сестры − о сестры; без земли − к земли − о земли*); в других говорах (обычно южнорусских) − окончанию дат. и предл. п. *-е* (*от сестре − к сестре − о сестре; без земле − к земле − о земле*). Одновременно во многих говорах наблюдается прямая зависимость употребления форм род. п. на *-е* от определенной синтаксической конструкции (ср.: *нет жены, воды,* но *от жене, у воде)* и места ударения (*без воды, от жены, но у Любе, у маме, от берёзе*).

В некоторых говорах наблюдаются и такие отношения, которые представляют собой как бы совмещение указанных выше типов. В этих говорах род. п. имеет форму, соответствующую дат. и предл. п. литературного языка, а дат. и предл. п. − форму, соответствующую род. п. литературного языка (ср.: *из воде,* но *к воды, в воды*). Эта особенность отмечается в некоторых говорах около Москвы, даже в старомосковском просторечии.

Владимирские говоры по образованию форм род., дат. и предл. п. ед. ч. существительных I склонения занимают особое место. Во-первых, характерной чертой владимирских говоров является широкое употребление в род. п. окончания *-е* (чаще в предложных конструкциях,

особенно с предлогом *у*). Следует заметить, что окончание -*е* в род. п. ед. ч. существительных I склонения во владимирских говорах отмечается не только в речи представителей старшего поколения, но и у молодежи, о чем свидетельствуют диалектные ошибки в письменной речи учащихся (см.: *у сестре, у Кат'ке; дошла до соседке; до речке Безымянке; тетрадь Ягульдиной Гале; на окраине деревне; на окраине роще* и пр.). Во-вторых, в говорах Владимирской области отмечены не только формы род. п. с окончанием -*е,* но дат. и предл. п. с окончанием -*и(ы),* т. е. здесь, как и в некоторых говорах около Москвы, наблюдается совмещение особенностей в образовании форм род., дат. и предл. п., порознь характерных северному и южному наречию (см.: *у сестре*, *от дочере; у мами; мому папы; жив'от в Москвы; в горницы, в бани* и пр.). В-третьих, во владимирских говорах распространены (причем не только в речи молодежи) и формы род. п. с окончанием -*и(-ы),* дат. и предл. п. – с окончанием -*е*, что, очевидно, можно объяснить воздействием литературного языка (через радио, телевидение, особенно в последние десятилетия) на говоры.

Творительный падеж

В тв. п. ед. ч. существительные I склонения в говорах русского языка имеют несколько вариантов окончаний: -*ой, -ойу, -ей, -ейу, -уй, -уйу* [3, с. 108 − 109], но распространены они в разных говорах не одинаково. Например, -*ой* отмечается повсеместно (в северном наречии и среднерусских говорах; в южном наречии наряду с окончанием -*ойу*). На территории северного наречия окончание -*ой* воспринимается как единственное, употребление которого в данной форме не ограничено ни ударением, ни качеством конечного согласного основы существительного (отмечается не только под ударением, но и в безударном положении; не только у существительного с основой на твердый согласный, но и на мягкий).

Эта особенность характерна и для владимирских говоров, причем употребление ее не ограничено только речью представителей старшего поколения: *водой, стеной, женой, бабой, шубой, земл'ой, торговл'ой, деревн'ой, с Вал'ой.* (В безударном (заударном) положении после мягких согласных отмечается ёканье – черта, характерная для владимирских говоров, причем наблюдается не только в речи

представителей старшего поколения, но даже молодежи. Однако в речи молодежи и представителей среднего поколения в этой позиции отмечается произношение и с гласным [е]: *с Валей, деревней*).

II тип склонения

Ко II склонению в литературном русском языке относятся существительные м. р. с нулевым окончанием в им. п. ед. ч. (*дом, стол, брат; гость, конь, нож*) и существительные ср. р. с окончаниями *-о/-е* в им. п. ед. ч. (*село, окно, море, поле*). Однако словарный состав этого типа склонения, как и I типа, в говорах полностью не совпадает с современным русским литературным языком. Наблюдаются различия:

1) часть слов, относящихся в литературном языке к этому типу склонения, в результате изменения рода (см.: *литра, комбайна, ужина* и пр. [2, с. 123 − 125]) перешла к I типу склонения;

2) и наоборот, произошло пополнение этого типа склонения за счет слов, относящихся в литературном языке к разносклоняемым (*имя, время; путь; дитя*), к несклоняемым существительным (*кино, пальто*).

Диалектные различия во II склонении касаются форм род. и предл. п. ед. ч. существительных м. р. В современном русском литературном языке существительные I склонения м. р. в род. и предл. п. имеют два окончания: род. п. − *-а(-у)* / предл. п. − *-е(-у),* где окончания *-а, -е* − основные, а *-у* − вариантное, ограниченное в своем употреблении определенными условиями.

Оба окончания известны во всех говорах русского языка, но употребляются они не одинаково. В одних говорах употребление этих окончаний (род. п. − *-а(-у);* предл. п. − *-е(-у)*) близко к сложившемуся в современном литературном языке, в других сфера употребления окончания *-у* значительно шире, чем в литературном языке. Эти различия связаны, во-первых, с синтаксическими условиями, в которых употребляются формы род. и предл. п. на *-у*, а во-вторых, и с кругом существительных, у которых возможно это окончание.

Так, в литературном языке окончание *-у* в род. п. отмечается: 1) у существительных с вещественным, собирательным и абстрактным значением (*кусок сахару, стакан чаю, много народу, наделать шуму, лишить покою* и пр.); 2) у некоторых конкретных существи-

тельных, обычно употребляемых с предлогами *с, из, от, без, до, для,* а также с частицей *ни* (*с полу, из дому, из лесу, ни шагу, ни часу* и пр.).

Окончание *-у* в предл. п. отмечается у существительных неодушевленных, односложных или содержащих полногласные сочетания, обычно употребляемых с предлогами *в* и *на* и служащих для выражения пространственных и временных отношений (*в боку, на боку, на лбу, в носу, на носу, в снегу, в саду, на веку* и т. д.).

По этой особенности (употреблению вариантного окончания *-у* в род. и предл. п.) довольно четко противопоставляются говоры северного и южного наречия.

В говорах северного наречия окончание *-у* в род. и предл. п. существительных м. р. II склонения употребляется примерно так же, как в литературном языке; в говорах же южного наречия окончание *-у* в род. и предл. п. встречается значительно шире, чем в литературном языке, и на территории северного наречия: не только у названных групп неодушевленных существительных м. р., но и одушевленных, и даже у существительных ср. р. (см.: *для сторожу, от вотчиму, у соседу, для свово сыну; с началу, от стаду, до небу, возле полю; на коню, при пастуху, при купцу*, *при сыну; в полю, на морю, на крыльцу* и пр.).

Во владимирских говорах вариантное окончание *-у* в род. и предл. п. существительных II склонения м. р. употребляется примерно так же, как в говорах северного наречия:

Род. п.: *налей чайу, купила сахару, добаф хмел'у; ис солоду, лапти из лыку, ис-пот квасу; пришло много народу; с испугу, терпен'йу не хватайот; дл'а сторожу, без делу, из училишу* и пр.

Предл. п.: *в лесу, в меду, на боку, в роту, на веку, ф прошлом веку; на жолобу, в етъм дому, в отпуску, в городу, в йетим месецу, в уголку, на кип'атку* и пр.

Однако, судя по примерам, окончание *-у* в род. и предл. п. во владимирских говорах все-таки употребляется несколько шире, чем в литературном языке и северном наречии:

1) в род. п. − не только у существительных неодушевленных м. р., но и одушевленных (редко), даже у существительных ср. р.;

2) в предл. п. − не только у существительных односложных или содержащих полногласные сочетания, но и у существительных многосложных с подвижным ударением.

III тип склонения

К III склонению в современном русском литературном языке относятся существительные ж. р. с нулевым окончанием в им. п. ед. ч. и основой на мягкий и шипящий согласный (*дверь, соль, грязь, рожь, тишь, мышь* и пр.).

Диалектные различия в III склонении в основном определяются степенью сближения его с I склонением. По мнению многих современных диалектологов, «…тенденция к объединению в одном склонении всех существительных женского рода в говорах весьма сильна. Границы между I и III типом склонения нечетки. Некоторые исследователи вообще говорят лишь о двух диалектных типах склонения» [2, с. 138].

С этим связан и вопрос об объеме (словарном составе) диалектного склонения. Разряд слов, относящихся в говорах к III склонению, значительно уже, чем в литературном языке, так как ряд слов литературного III склонения в говорах может принадлежать к I склонению (см.: *жизня, болезня, постеля, гармоня, церква, морква, свекра* и пр.). Диалектные различия в III склонении затрагивают формы дат., предл. и тв. п. ед. ч. В дат. и предл. п. существительные III склонения в говорах русского языка имеют окончание *–и*, −исконное для III склонения, или -*е*, появившееся здесь под влиянием I склонения:

Дат. п.: *к пристане, к лошаде, ко кровате, г двере, к ноче, по гр’азе, по очереде*;

Предл. п.: *на пече, на лошаде, на пристане, в горсте, ф шерсте, в грезе* и пр.

Окончание -*е* в дат. и предл. п. существительных III склонения − черта, характерная для северного наречия (вологодских, кировских говоров), восточной части южного наречия и некоторых среднерусских (восточных окающих) говоров.

В тв. п. существительные III склонения в говорах русского языка имеют либо специфическое для данного типа окончание *-йу,* либо окончания, общие с I склонением − *-ей/-ой.* (ср.: *лошад’йу, сол’йу, граз’йу; лошадей и лошад’ой, солей и сол’ой, гр’азей и гр’аз’ой*). Форма, общая с I склонением, отмечается в вологодских, кировских, псковских, тверских и смоленских говорах, а также в говорах к юго-востоку от Москвы. В части этих же говоров известны формы тв. п. с окончаниями *-йей/-йой* (*осен’йей, осен’йой*), появившиеся здесь в ре-

зультате неполного уподобления окончаний тв. п. существительных III и I склонения.

Названные особенности в образовании форм дат., предл. и тв. п. ед. ч. существительных III склонения характерны и для владимирских говоров, но отмечаются они по преимуществу в речи представителей старшего поколения, особенно женщин:

дат. п. – *г двере, ко кровате, к осене, к ноче*;

предл. п. – *на кровате, на лошаде, на пече, ф пече, в грезе, по осене, на пристане*;

тв. п. – *с сол'ой, с лошед'ой, грез'ой и грез'йой, осен'ой и осен'йой*.

Среди существительных III склонения (в литературном языке и говорах) особое место занимают существительные *мать, дочь*.

В литературном языке эти существительные от других существительных III склонения отличаются тем, что имеют разные основы в формах им., вин. п. и других: формы косвенных падежей (кроме винительного) образуются с наращением суффикса *-ер.*

В говорах отмечаются особенности в образовании форм им. п. и косвенных падежей; особых замечаний требует и вин. п. Так, в некоторых говорах русского языка (Крайнего Севера и северо-запада, а также в отдельных среднерусских) сохранились формы им. п. ед. ч. – *мати, дочи;* вин. п. – *матерь, дочерь.* Последние формы в современных говорах отмечаются и в им. п., по-видимому, под влиянием старой формы вин. п.

Итак, в говорах русского языка в образовании форм существительных *мать, дочь* отмечаются следующие особенности:

1) формы им. п. ед. ч. этих существительных в одних говорах имеют нулевое окончание (повсеместно), в других *-и* (*мати, дочи* – северное наречие, среднерусские окающие говоры);

2) основы существительных *мать, дочь* в им. и вин. п. ед. ч. в ряде говоров совпадают и образуются без суффикса *-ер,* с нулевым окончанием (повсеместно), в других говорах с суффиксом *-ер* (преимущественно в северном наречии);

3) в ряде говоров северного наречия существительные *мать, дочь* имеют архаическое окончание *-и* в им. п. ед. ч. и основах с суффиксом *-ер* – в остальных формах;

4) и наконец, существительные *мать, дочь* при образовании форм ед. ч. подчиняются общим закономерностям, присущим любым

существительным III склонения в говорах русского языка: подвергаются воздействию со стороны более продуктивного I склонения, в результате чего в дат. и предл. п. употребляются с окончанием *-е,* а в тв. п. *-ей/-ой: г дочере, к матере; о дочере, об матере; з дочерей жыв'от, с матерей.*

Владимирские говоры по особенностям образования форм существительных *мать, дочь* сближаются с говорами северного наречия, среднерусскими окающими говорами. Так, в этих говорах в им. п. ед. ч. отмечаются архаические формы с окончанием *-и: мати, дочи;* в вин. п. − *матерь, дочерь* (изредка последние формы встречаются и в им. п.): *мати накормила робетишок; дочи прийехала; матер' одна в деревне жыв'от; давно уш матер не видела; дочер' вижу ретко.*

Существительные *мать, дочь*, как и другие существительные III склонения, во владимирских говорах в дат. и предл. п. ед. ч. имеют окончание *-е;* в тв. п. − *-ей/-ой*, т. е. образуют формы по типу существительных I склонения: *пис'мо дочере, пойехала г дочере; о дочере гор'уйу; о матере беспокойус', з дочерой жыв'от.* (В говорах Владимирской области более употребительны формы существительного *дочь*; формы косвенных падежей существительного *мать* встречаются редко).

Существительное *свекровь*, принадлежавшее в древности к особому типу склонения, в современном русском языке, литературном и во многих говорах, примкнуло целиком к III склонению. Но известны и такие говоры (рязанские и некоторые другие южнорусские), где до сих пор сохранилась старая форма им. п. ед. ч. − *свекры* при окончаниях III склонения и основе *свекров* − в остальных падежах.

В других говорах это существительное относится либо к III склонению, как в литературном языке, либо к I склонению с различными по говорам основами: *свекрова, свекра, свекровья, свекровка.* (Формы, образованные от двух последних основ, наибольшее распространение имеют в северном наречии и в среднерусских окающих говорах).

Во владимирских говорах, как и в других среднерусских окающих говорах Владимирско-Поволжской группы, распространены словоформы *свекровья, свекровка,* которые по характеру основ и образованию падежных форм являются типичными существительными I склонения.

Разносклоняемые существительные

«...Наши так называемые разносклоняемые существительные представляют собой обломки не окончательно исчезнувших особых типов склонения. Наличие их в языке объясняется тем, что окончательная стабилизация норм нашего литературного языка произошла тогда, когда процесс разрушения этих типов и объединения их с теми типами склонения, которые сохранились у нас как живые и продуктивные, еще не был закончен. Различные говоры представляют в развитии этого процесса разные ступени сравнительно с говором, лежащим в основе литературного языка. В одних сохранились архаические формы, уже утраченные литературным языком, в других, напротив, некоторые из слов, в литературном языке являющихся разносклоняемыми, уже склоняются по образцу того или иного из продуктивных типов» [3, с. 95].

Существительные на *-мя* (*время, имя, семя, темя, стремя, вымя, беремя*) в современном русском литературном языке имеют отличительную черту в склонении − наращение суффикса *-ен-* в основе форм косвенных падежей. В ед. ч. существительные на *-мя* склоняются как существительные III склонения, отличаясь от него лишь формой тв. п. (с окончанием *-ем* по II склонению); во мн. ч. − как существительные ср. р. на *-о* (по II склонению).

Слова *бремя, вымя, пламя, темя* не имеют форм мн. ч. В современных русских говорах эти существительные во всех падежных формах имеют одну основу (без наращения суффикса *-ен-*) и изменяются по II склонению (как существительные ср. р. с основой на мягкий согласный. Ср.: *врем'о − врем'а − ко врем'у − врем'о − со врем'ом – о време*). Наибольшее распространение эта особенность имеет в говорах северного наречия; известна она и среднерусским окающим говорам, в том числе говорам Владимирско-Поволжской группы.

Характерна эта черта и для владимирских говоров. Однако подобные примеры наиболее последовательно отмечаются в речи представителей старшего поколения.

Существительное *путь* в современном русском литературном языке − разносклоняемое: во всех падежах, кроме тв. п. в ед. ч., имеет окончание III склонения, а в тв. п. *-ем* (II склонения).

В некоторых говорах русского языка (южнорусских, некоторых среднерусских) это существительное полностью переходит во II склонение. В других (северных, западных говорах Орловской области) меняет свой род и совпадает с существительным III склонения [2, с. 136].

Во владимирских говорах существительное *путь* в основном значении в речи местных жителей употребляется не часто: *мне с тобой по путе; счастлива тибе пут'; ид'от пут'ом-дорогойу* (в сказке); чаще это слово употребляется в другом значении: *говори пут'ом; пут'ом фс'о делай; ч'о не скажот − фс'о по путе.*

Как показали наблюдения, слово *путь* во владимирских говорах и в основном, и в переносном значении употребляется не только редко, но интересна и другая особенность: в зафиксированных примерах со словом *путь* отмечены только формы тв. и предл. п.

Существительное *дитя* в современном русском литературном языке − разносклоняемое. В формах косвенных падежей (кроме вин. п.) имеет наращение в основе (суффикс *–ят-*), склоняется как существительное III склонения, кроме тв. п., где имеет окончание *-еіі/ой* (по I склонению). Слово *дитя* в современном русском языке, литературном и в говорах, почти полностью вытеснено из употребления словом *ребенок.* Во владимирских говорах слово *дитя* также употребляется редко, в речи представителей старшего поколения: *дит'о у йой хворойо; дит'у надо ухот; ты куда под'ош с малым дит'ом.*

Множественное число существительных

Склонение существительных во мн. ч. в современном русском литературном языке и в говорах слабо связано с типами склонения, выделяемыми по формам ед. ч.

В литературном языке в трех падежах − дат., тв. и предл. − имеется по одному общему окончанию для всех типов склонения (*-ам, -ами, -ах*). В им. и род. п (и совпадающем с ними вин. п.) отмечается по нескольку окончаний, употребление же их определенным образом связано с разными типами склонения.

В говорах, как и в литературном языке, наибольший интерес по особенностям образования форм представляют им. и род. п., особых замечаний требуют дат. и тв. п., а в некоторых говорах и предл. п.

Именительный падеж

В современном русском литературном языке в им. п. мн. ч. существительные имеют окончания *-и(-ы), -а, -е.*

Широко распространенным в им. п. мн. ч. являются окончания *-и(-ы).* Они целиком охватывают существительные ж. р. I и III склонения (*стены, руки, земли; двери, лошади*), а также многие существительные м. р. II склонения (*столы, полы, шаги, кони, ножи*) и некоторые существительные ср. р. (*яблоки, плечи, уши*).

Окончание *-а* отмечается только у существительных II склонения. Оно употребляется у большинства существительных ср. р. (*слова, поля, моря, окна, письма*), у многих существительных м. р. с подвижным ударением, с переносом его с основы (в ед. ч.) на окончание (во мн. ч.), с ударным *-а* (*глаза, дома, луга, берега, учителя*); у существительных, имеющих в основе мн. ч. /у/ (*мужья, друзья, сучья*).

Окончание *-е* встречается у ограниченной группы существительных м. р. II склонения с суффиксом *-ин-* в ед. ч. (*крестьяне, горожане, южане*).

В говорах русского языка в им. п. мн. ч. существительных имеются только окончания *-и(-ы)*, *-а*, но распределяются они между существительными по говорам различно. Окончание *-е* в говорах встречается редко: ему соответствует в им. п. мн. ч. существительных в одних говорах *-и(-ы)*, в других *-а.*

Окончание *-и(-ы)* связано с наибольшим кругом основ в говорах западных областей. В отличие от литературного языка окончание *-и(-ы)* в современных русских говорах отмечается:

1) у существительных м. р. «в таких словах, в которых в литературном языке ... совершенно вышло из употребления или даже никогда не употреблялось» [2, с. 142 − 143] (*глазы, домы, лесы, луги, береги, учители* и пр. − в западных и юго-западных говорах, пограничных с белорусским языком); у существительных с суффиксом *-ин* (в ед. ч.), *-ат* (во мн. ч.) (*крестъяны, горожаны; ребяты, теляты, котяты*);

2) у существительных ср. р. (*болоты, окны, вёдры, сёлы, колёсы, письмы* и пр. − в некоторых южнорусских и среднерусских говорах).

Во владимирских говорах окончания *-и(-ы)* в им. п. мн. ч., кроме типичных и совпадающих с современным литературным языком случаев употребления их у существительных ж. р. (I и III склонения) и существительных м. р., отмечаются: 1) у существительных м. р. с

суффиксами *-ин* (в ед. ч.), *-ат* (во мн. ч.: *крест'аны, двор'аны, горожаны; реб'аты, кот'аты, ут'аты, тел'аты*); 2) у некоторых существительных ср. р. (с безударным окончанием): *в'одры, окны, с'олы, кол'осы, пис'мы*.

Окончание *-а* в говорах русского языка известно не только существительным ср. р., но значительно шире, чем в литературном языке, распространено у существительных м. р. (*фунта, процента, плуга, волоса, путя, мозга, воза, ветра* − с ударным *-а*), проникает оно, особенно в южнорусских и среднерусских говорах, и в разряд существительных ж. р., где прежде всего захватывает существительные III и в меньшей мере существительные I склонения (обычно с основой на мягкий согласный: *волостя, площадя, дочеря, степя, областя, шинеля, местностя, лошадя, деревня, яблоня, туча*).

Окончание *-а* в им. п. мн. ч. в русских говорах значительно шире, чем в литературном языке, употребляется у существительных с основой, осложненной суффиксами *-j-*, *-еj-* (*братья, сватья, кустья, колья, шубья, донья, волосья, уголья; братовья, затевья, дедовья, мужевья* − в отдельных говорах северного, южного наречия и в среднерусских говорах).

Во владимирских говорах окончание *-а* в им. п. мн. ч. шире, чем в литературном языке, отмечается у существительных м. р. (*-а* − ударное: *процента, волоса, девера, свекора, ветра*); встречается оно и у существительных ж. р. (III склонения, в меньшей мере I склонения, обычно с основой на мягкий согласный: *месност'а, дочер'а, област'а, ведомост'а, должнос'т'а, деревн'а, йаблон'а.* Безударное окончание *-а* в им. п. мн. ч. в некоторых говорах Владимирской области известно у существительных с суффиксом *-ин-* (в ед. ч.): *крест'йана, мир'ана, двор'ана*, однако чаще эти существительные во владимирских говорах употребляются с окончанием *-и(-ы)*.

Окончание *-а* во владимирских говорах, как и во многих других говорах русского языка, широко распространено у существительных с основой, осложненной суффиксами – *-j-, -овj-* (*д'ад'йа, девер'йа, сват'йа, братов'йа, дедов' йа, з'атев'йа*).

Родительный падеж

В род. п. существительные мн. ч. в современном русском литературном языке имеют три окончания *-ов/-ев, -ей* и нулевое. Их употребление у существительных разных разрядов определенным обра-

зом связано с родом и типом склонения, а также с качеством конечного согласного основы.

Окончание *-ов/-ев* имеют существительные м. р. II склонения с основой на твердые согласные и на *-j* и отдельные группы существительных ср. р. с основами на *-к, -ц* и *-j* (*столов, дубов, отцов, краев, героев; облаков, блюдцев, яблоков, платьев*); окончание *-ей* получают существительные м. и ж. р. всех типов склонения с основой на мягкие (кроме /j/) и шипящие согласные, а также некоторые существительные ср. р. (*коней, гусей, ножей, мячей, дверей, бровей, мышей, полей, морей* и пр.); с нулевым окончанием отмечаются существительные всех родов и разных типов склонения, не имеющие нулевого окончания в им. п. ед. ч. (*стен, рек, крыш, туч, яблонь, бурь, сёл, дел, ружей* и пр.), а также существительные II склонения с общей для обоих чисел основой, вследствие чего род. п. мн. ч. совпадает с им. п. ед. ч. (*человек, солдат, глаз, сапог, чулок, аршин, волос*).

Окончание *-ов/-ев, -ей* и нулевое в род. п. мн. ч. имеют существительные и в говорах русского языка, но распределение их по отдельным разрядам менее строго связано с родом, типом склонения и качеством конечного согласного основы, чем в литературном языке.

Окончание *-ов* в говорах отмечается не только у существительных м. р., но и ср. р., даже встречается у существительных ж. р., и распространено не только у существительных с основой на твердый, но и на мягкий согласный в исходе основы. В таких говорах (особенно на территории южного наречия) *-ов* имеет тенденцию стать единственным окончанием род. п. мн. ч. (*столов, отцов, солдатов, сапогов, дождёв, товарищёв, конёв; местов, делов, сретствов, болотов, озеров; тарелков, лошков, свадьбов, ягодов, песнёв, банёв*).

Во владимирских говорах окончание *-ов (-оф)* в род. п. мн. ч. существительных также широко распространено: отмечается не только у существительных м. р. с основой на твердый и мягкий согласный, но известно существительным ср. и ж. р.: *домоф, столоф, лугоф, товаришоф, дожоф, родител’оф; средствоф, пис’моф, местоф, делоф; свад’ боф, вербоф, йагодоф, песн’оф.*

Окончание *-ов(-оф)* в род. п. мн. ч. в некоторых говорах русского языка (восточных, южнорусских и среднерусских) имеет вариант *-ох.* Этот вариант встречается и в говорах южных районов Владимир-

ской области (обычно у существительных с основой на твердый согласный: *р’адох, комарох, свад’бох, делох; барышн’ох*).

Окончание *-ей* в род. п. мн. ч. во многих говорах русского языка у существительных м. и ж. р. с основой на мягкий и шипящий согласный вытеснено более продуктивным *-ов.* Однако в некоторых говорах наблюдается и обратная закономерность: шире, чем в литературном языке, употребляется окончание *-ей*. Так, существительные с основой на /ц/ в литературном языке в род. п. мн. ч. имеют окончание *-ов/-ев* (*отцов, концов, огурцов; зайцев, пальцев*); в говорах (особенно северных, с мягким цоканьем) эти существительные известны и с окончанием *-ей* (*зайцей, огурцей, пальцей*).

Во владимирских говорах окончание *-ей* в род. п. мн. ч. отмечается у существительных м. р. с основой на /ц/: *зайцей, пал’цей, огурцей,* а также у существительных: *комарей, картей, курей.*

Дательный, творительный и предложный падежи

В современном русском литературном языке существительные мн. числа в дат., тв. и предл. п. (независимо от рода и типа склонения) имеют общие для всех типов окончания *-ам, -ами, -ах.*

Эта особенность характерна и для большей части говоров русского языка. Однако в ряде говоров, кроме названных, известны и некоторые другие окончания. Так, в дат. и предл. п. мн. ч., кроме окончаний *-ам, -ах,* отмечаемых в говорах повсеместно, известны: в дат. п. *-ом;* в предл. п. *-ох, -ав(-аф).* Окончания *-ом, -ох* встречаются у существительных с основой на мягкий согласный в некоторых среднерусских и западных южнорусских говорах, особенно на территории, пограничной с белорусским языком *(лошадём − лошадёх; гостём − в гостёх* и пр.). Окончание *-ав(-аф)* в предл. п. мн. ч. распространено в ряде говоров северного наречия и в среднерусских окающих говорах (к востоку от Москвы): *в домаф, на лошад’аф* и пр.

Окончание *-ав (-аф)* как вариант окончания *-ах* в предл. п. мн. ч. отмечается и в некоторых владимирских говорах: *в домаф, ф пол’аф, на лошед’аф, на рукаф, ф стаканаф, в избаф, ф сарафанаф, ф корч’агаф.*

Творительный падеж

Творительный падеж множественного числа существительных по особенностям образования форм в говорах русского языка занима-

ет особое место: кроме окончания *-ами*, известного в говорах повсеместно и характерного для литературного языка, в ряде говоров в тв. п. мн. ч. отмечаются и иные окончания, по особенностям употребления которых довольно четко противопоставляются говоры северного и южного наречия.

Характерной чертой говоров северного наречия является совпадение форм дат и тв. п. и образование их с окончанием *-ам* (по типу дат. п.), реже − *-ами* (как в тв. п.) (ср.: *грязным ногам, сеют рукам, за коням, с граблям, за грибам; по делами ходила, по местами, к старичками* и пр.). Творительный падеж на *-ам* охватывает основные районы северных и среднерусских окающих говоров, спорадически встречается и на территории южного наречия.

В говорах Крайнего Севера и северо-запада в тв. п. мн. ч. отмечаются окончания *-амы*, реже − *-ама* (в говорах Архангельской области, в русских говорах Карелии, в некоторых говорах Пермской и Кировской областей: *за грибамы, рукамы, ногамы, деламы, годамы, за покупкамы; своима рукама, с больныма головама, за покупкама*) [см. об этом более подробно в учебных пособиях по русской диалектологии].

В говорах южного наречия в тв. п. мн. ч. наряду с окончанием *-ами* известно *-ими* (обычно у существительных с основой на заднеязычный согласный: *палкими, ложкими, чашкими, уткими, со старушкими* и пр.).

Владимирские говоры по образованию форм тв. п. мн. ч. занимают особое место: во-первых, в этих говорах отмечается различение форм дат. и тв. п., т. е. употребление дат. п. с окончанием *-ам,* тв. п. *-ами,* как в южном наречии, в среднерусских говорах, особенно в говорах Центра; во-вторых, наряду с названным во многих владимирских говорах в тв. п. мн. ч. известно окончание *-ам* (совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. и образование их с окончанием дат. п. − один из основных признаков северного наречия); в-третьих, в некоторых владимирских говорах (чаще на территории южных районов области) в тв. п. мн. ч. встречается и окончание *-ими* − черта, присущая южному наречию: *уголками, с чугунами, с робетишками, руками, ногами; пирок с йаблокам, з гр'азным ногам, не бери рукам, розделывам тесто мален'ким кил'б'ашъчкам; с ребетишкими, з девъчкими, лошкими* и пр.

Следовательно, характерной чертой владимирских говоров в образовании форм тв. п. мн. ч. существительных является вариантность форм, что обычно наблюдается в речи представителей (представительниц) старшего поколения, причем не только в одном и том же говоре, но даже в речи одного и того же лица и в одном и том же отрезке речи.

Прилагательные и неличные местоимения

Прилагательные (в полной форме) и неличные местоимения имеют общие формы словоизменения, поэтому целесообразно рассматривать их вместе.

Особых замечаний в литературном языке и говорах требуют прилагательные и неличные местоимения в формах им., род. и предл. п. ед. ч.

Прилагательные и неличные местоимения мужского рода

Именительный падеж. В литературном языке в им. п. ед. ч. прилагательные и неличные местоимения мужского рода имеют следующие окончания:

1) *-ой* − у слов с основой на твердый согласный, под ударением (исконно русское окончание); *-ый* − в безударном положении (окончание по происхождению старославянское);

2) *-ий* − у прилагательных с основой на мягкий согласный (*большой, дорогой, другой, какой; красный, зелёный; синий* и пр.).

В говорах русского языка в им. п. ед. ч. прилагательных м. р. известны окончания *-ой, -ый, -эй.* Наибольшее распространение в говорах имеет окончание *-ой,* которое во многих северных и среднерусских окающих говорах не ограничено в употреблении ни местом ударения, ни качеством конечного согласного основы: отмечается не только под ударением, но и в безударном положении; не только у прилагательных с основой на твердый, но и на мягкий согласный (*молодой, дорогой, другой, какой; старой, хорошой, знакомой, летнёй, синёй, колючёй и пр.*).

С другой стороны, известны говоры (преимущественно западные), в которых окончание *-ый* (наряду с *-ой*) известно не только в безударном положении, но и под ударением (*боевый, косый, другый, молодый*).

Окончание *-эй* (наряду с *-ой*) в им. п. ед. ч. прилагательных м. р. отмечается (независимо от качества конечного согласного основы и ударения) в северо-западных и западных говорах, граничащих с белорусским языком (*большэй, худэй, добрэй, старэй*).

Во владимирских говорах, как и в других среднерусских восточных окающих говорах (говорах Владимирско-Поволжской группы), в им. п. ед. ч. прилагательных м. р. широко распространено окончание *-ой,* причем его употребление не зависит от места ударения (отмечается и в безударном положении) и от качества конечного согласного основы (известно и у прилагательных с основой на мягкий согласный): *молодой, дорогой, луговой; хорошой, зел'оной, красной; летн'ой, син'ой, кол'уч'ой.*

Характерной чертой владимирских говоров является неполное оканье, поэтому окончание *-ой* встречается здесь в нескольких фонетических вариантах: *-ой, -ъй, -ай* (*долгой* и *долгъй, долгай; хорошой* и *хорошъй, хорошай*).

Кроме того, во владимирских говорах в безударном положении после твердых согласных наряду с окончанием *-ой* отмечается *-ый,* а после мягких согласных *-ий.* Последнее характерно для речи более молодого поколения и, по-видимому, объясняется влиянием на говоры литературного языка.

<u>Родительный падеж</u>. В современном русском литературном языке в род. п. ед. ч. прилагательные и неличные местоимения м. и ср. р. имеют окончания *-ово/-ево (-овъ, -ъво, ъвъ, -ьвъ),* орфографически − *-ого/-его.*

В говорах русского языка прилагательные и неличные местоимения м. и ср. р. в род. п. ед. ч. имеют разнообразные окончания. Это связано с различием в произношении согласных и гласных в фонетически слабой позиции. Последнее же позволяет довольно четко выделить говоры в пределах одного наречия (северного) и противопоставить их друг другу на территории северного и южного наречия.

Так, на севере в род. п. ед. ч. прилагательным и неличным местоимениям м. и ср. р. известны следующие окончания: *-ого* (с /г/ взрывным − *молодого, доброго, того* − в архангельских и некоторых карельских говорах); *-оүо* (с /γ/ фрикативным − *тоүо, красноүо, у неүо* − на территории Карелии, преимущественно в районе Онежского озера и к западу от него); *-оо* (без согласного звука − *тоо, доброо,*

красноо – в архангельских говорах и в некоторых говорах Поволжья); *-ово/-ова* (с согласным /в/ − *тово, красново* − в основной массе севернорусских говоров, кроме Крайнего Севера и северо-запада). Из двух вариантов окончания *-ово/-ова*, различающихся в окающих говорах, более распространен первый; вариант *-ова* чаще отмечается в среднерусских окающих говорах (например, новгородских и в говорах к востоку от Москвы).

На территории южного наречия наибольшее распространение в род. п. ед. ч. прилагательных и неличных местоимений м. и ср. р. имеет окончание *-оүо* (с /γ/ фрикативным − *-оүа, -аүа, -ъүа, -ъүъ: живоүа, добръүа*), реже *-ово* (с согласным /в/ − *-ова, -ава, -авъ, -ъвъ*: *старъва, таво* и пр.). По мнению ученых, исконным для южных говоров является окончание с /γ/ фрикативым. «Появление *-ово* в южнорусских говорах многие исследователи склонны считать явлением аналогического порядка, возникшим в результате влияния севернорусских говоров, старого делового языка Московской Руси, современного литературного языка» [2, с. 158].

Во владимирских говорах в род. п. ед.ч. прилагательных и неличных местоимений м. и ср. р. отмечаются окончания *-ово, -ова* (чаще): *бол'шово* и *бол'шова, красново* и *краснова, краснъвъ*; *другово* и *другова, друговъ* и пр. − наблюдается вариантность форм, обусловленная вариантностью произношения безударных гласных (см. разд. «Фонетические особенности»).

<u>Предложный падеж</u>. В литературном языке прилагательные и неличные местоимения м. и ср. р. в предл. п. ед. ч. имеют окончания *-ом* − после твердых согласных и *-ем* − после мягких.

В говорах русского языка в предл. п. ед. ч. прилагательных и неличных местоимений м. и ср. р. известны три диалектных варианта окончания: *-ом, -им(-ым), -ем.* Из них *-ом* является наиболее распространенным (отмечается повсеместно); наряду с ним широко известно окончание *-им(-ым)* (во многих говорах западных областей и в говорах к востоку от Москвы: *в бол'шым, в прошлым, в толстым, в маленьким* и пр.). В говорах к востоку от Москвы распространено и окончание *-ем,* которое здесь употребляется наряду с *-им(-ым).*

В некоторых говорах, где имеются оба окончания (*-им (~ым)* и *-ем*), *-им(-ым)* употребляется у прилагательных с основой на незадне-

язычный согласный, а *-ем* − с основой на заднеязычный (ср.: *в худым, в молодым,* но *в другем, в какем*).

Во владимирских говорах в предл. п. ед. ч. прилагательных и неличных местоимений м. и ср. р. известны все три варианта окончаний: *-ом, -им(-ым), -ем.* В речи представителей старшего поколения более употребительны *-им(-ым)* и *-ем,* причем *-ем* чаще отмечается у прилагательных и неличных местоимений с основой на заднеязычный согласный (*в молодом саду, на бол'шым базаре, ф прошлым году, в худым деле; ф какем году, в мален'кем дому, ф тонкем полушалке* и пр.).

Вариант *-ом(-ъм)* обычно употребляется в речи более молодого поколения (особенно молодежи), что, по-видимому, объясняется влиянием соседних говоров Подмосковья или современного русского литературного языка.

Прилагательные и неличные местоимения женского и среднего рода

Прилагательные и неличные местоимения ж. и ср. р. в им. и вин. п. ед. и мн. ч. в литературном языке имеют двусложное окончание с интервокальным /j/ (й): *-аjа, -уjу, -оjе* и т. п. (см.: *молодая, красивая, синяя; молодую, красивую, синюю; большое, зелёное, зимнее; молодые, красивые, зимние*).

В говорах русского языка прилагательные и неличные местоимения ж. и ср. р. в им. и вин. п. ед. и мн. ч., как и в литературном языке, также имеют двусложные окончания (повсеместно). Но наряду с ними в части говоров (северных и среднерусских окающих) двусложным окончаниям соответствуют односложные: *-а* и *-у* в им. и вин. п. ед. ч. ж. р.; *-о* − в тех же падежах ср. р.; *-и(-ы)* − в тех же падежах мн. ч. (*нова изба, в нову избу; красно солнышко, в ново поле; новы доми, сладки ягодки, в новы избы* и пр.), которые образуются в говорах в результате утраты интервокального /j/ с последующей ассимиляцией и стяжением гласных, т. е. в этих говорах образуются так называемые стяженные формы. Стяженные формы прилагательных и неличных местоимений являются характерной чертой и для большинства владимирских говоров (см. разд. «Фонетические особенности»).

Отдельных замечаний требует род. п. ед. ч. прилагательных и неличных местоимений ж. р.

В большинстве русских говоров, как и в литературном языке, в род. п. ед. ч. прилагательных и неличных местоимений ж. р. отмечается окончание *-ой* (*у молодой, нет старой дороги, от злой собаки, из толстой палки* и пр.). Однако наряду с ним некоторые говоры (северные и отдельные юго-западные) сохранили архаические окончания *-ыйе* и *-ойе* (*у молодые жены, от родимые матушки, у большое горы, от худое погоды* и пр.). Кроме того, в ряде говоров (юго-западных, в говорах около Онежского озера) в род. п., а также в дат. и предл. п. ед. ч. встречается окончание *-эй* (*у сухэй, от молодэй, у злэй собаки, от большэй дороги* и пр.).

Во владимирских говорах в род. п. ед. ч. прилагательные и неличные местоимения ж. р. отмечаются только с окончанием *-ой* (то же в дат., тв. и предл. п.), причем употребление его не зависит от ударения и от качества конечных согласных основы: *у молодой жоны, у хорошой девушки, нет новой красной кофты; син'ой, зимн'ой обуфки* и пр.

Степени сравнения прилагательных и наречий

В литературном языке формы сравнительной степени прилагательных (и наречий) образуются с помощью продуктивного суффикса *-ее-(-ей-)* и непродуктивных *-е-, -ше-* (*добрее, добрей, сильнее, сильней, краснее, красней; выше, ближе, гуще, богаче; старше, тоньше, больше, шире* и пр.).

В говорах русского языка наибольшее распространение при образовании форм сравнительной степени имеет суффикс *-ее-(-ейе-)* и его варианты – *-ей-, -ай-, -айе-*. Вариант *-ей-* (наряду с *-ейе-*) известен повсеместно (в говорах северного и южного наречий); варианты *-ай-, -айе-* отмечаются в части северных и среднерусских окающих говоров, спорадически в некоторых говорах южных областей (Рязанской, Курской).

Есть говоры, где продуктивным становится суффикс *-ше-* (вытесняет даже суффикс *-ей-*) (*тяжельше, длиньше, здоровше* и пр.).

Особый интерес в говорах русского языка представляют формы сравнительной степени типа *скоре* (с суффиксом *-е-* ударным – «вторичная форма сравнительной степени») [5, с. 156].

Исконный суффикс сравнительной степени *-е-* в русском языке всегда безударный (*хуже, плоше, слаже, тише, громче* и пр.). Возникают вопросы: 1) как образовались формы с суффиксом *-е-* (*скоре*); 2) почему их называют вторичными.

Суффикс *-е-* − ударный, по мнению ученых, − это «результат фонетических изменений, стяжение *-ейе.* Обычно образования с этим суффиксом и встречаются в говорах, знающих или знавших утрату интервокального *j* и стяжение гласных» [2, с. 168] (ср.: скоре*jе* > *скорее* > *скоре*). Этим объясняется, что словоформы типа *скоре* широко известны в говорах Владимирско-Поволжской группы (в том числе и во владимирских), для которых образование стяженных форм − характерная особенность.

Личные и возвратные местоимения

К личным местоимениям относятся местоимения 1-го и 2-го л. ед. ч. − *я* и *ты;* мн. ч. − *мы* и *вы*. К первым примыкает, образуя с ними один морфологический класс, возвратное местоимение.

Местоимения *он, она, оно, они,* которые во многих грамматиках называются местоимениями 3-го л. как по грамматическим признакам, так и по значению следует относить к неличным.

Склонение личных местоимений в говорах русского языка во многих формах совпадает с литературным языком. Так, личные местоимения мн. ч. в русских говорах и в литературном языке склоняются одинаково, не считая различий (общих для всех имен) в формах дат. и тв. п.

Гораздо значительнее диалектные различия в склонении личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. и возвратного. Диалектное многообразие в склонении личных местоимений ед. ч. и возвратного создается различиями в образовании форм род. и вин., дат. и предл. п. Остальные падежные формы не имеют диалектных различий и совпадают с литературным языком.

Формы род. и вин., дат. и предл. п. в говорах русского языка выражаются как падежными окончаниями, так и определенным видом основ.

В литературном языке личные местоимения 1-го и 2-го л. и возвратное в род. и вин. п. имеют окончание *-а* (*меня*, *тебя, себя*); а в дат. и предл. п. − *-е* (*мне, тебе, себе*).

Окончание *-а* в род. и вин. п. личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. и возвратного распространено в северных и среднерусских говорах; в южном наречии названные формы образуются с более архаичным окончанием *-е* (*у мене, у тебе, у себе; вижу тебе* и пр.).

В дат. и предл. п. личные местоимения и возвратное во всех говорах имеют окончание *-е (-и).* По отношениям между род. и вин., дат. и предл. п. можно выделить две диалектные системы падежных окончаний личных местоимений: одна из них характеризуется попарным совпадением окончаний род. и вин., дат. и предл. п., а вторая − совпадением всех этих падежей [3, с. 125].

Первая система (род. и вин. п. *-а*; дат. и предл. п. *-е (-и)*) характерна для северного наречия и среднерусских говоров, а также для наиболее восточной группы говоров южного наречия; вторая система (род. и вин., дат. и предл. п. *-е*) характерна для южного наречия и некоторых псковских говоров.

Но формы род. и вин., дат. и предл. п. личных местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного, как указывалось ранее, выражаются не только падежными окончаниями, но и определенным видом основы. Местоимение 1-го л. в большей части говоров, как и в литературном языке, имеет основы *мен-* (в род. и вин. п.) и *мн-* (в дат. и предл. п.); местоимения 2-го л. и возвратное − *теб-*, *себ-; тоб-*, *соб-; теj-*, *сеj-, тоj-, соj-* (основы на /j/ возникают в результате ослабления интервокального /б'/ и употребляются во многих говорах в качестве факультативных вариантов соответствующих основ на /б'/, т. е. *теj-* наряду с *теб'-* и пр.) [3, с. 125 − 126; 4, с. 97 − 98].

Различные сочетания каждого из вариантов основы с соответствующими вариантами окончаний род. и вин., дат. и предл. п. определяют особенности в образовании аналогичных форм в разных говорах русского языка.

Для северного наречия в род. и вин. п. характерны формы: *меня, тебя, себя* (повсеместно); *миня*, *тибя, сибя* (в некоторых поморских и псковских говорах); *мене, тебе, себе* (в части архаических архангельских говоров). В конструкциях с предлогом *у* возможны формы: *у мня, у тя, у ся.* (в вин. п. эти формы не отмечены).

Для южного наречия в род. и вин. п. обычны формы: *мене, тебе, себе*; *мяне, тябе, сябе; табе, сабе.*

В среднерусских говорах наблюдается большая пестрота в образовании форм род. и вин. п.: наряду с формами *меня, тебя, себя; мня, мни* представлены формы с выпадением [б’]: *тея, сея.*

В дат. и предл. п. в северных говорах распространены формы *мне, мене, тебе, себе; мине, тибе, сибе;* в отдельных северных говорах представлены и архаические формы *тобе, собе;* в некоторых северо-западных говорах (новгородских, тихвинских), наряду с общераспространенными формами *мне, тебе, себе*, известны формы *мни, теби, себи.*

В южных говорах в дат. и предл. п. общеупотребительны формы *мне, тебе, себе;* однако наряду с ними отмечаются повсеместно (кроме тульских говоров) и архаические образования − *табе, сабе.*

В среднерусских говорах представлены образования без /б’/ в основе: *тее, сее,* а также *мни, тие, сие.*

Владимирские говоры по особенностям в образовании форм личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. и возвратного в род. и вин. п., дат. и предл. п. совпадают со среднерусскими говорами (прежде всего с говорами Центра, а следовательно, и с современным русским литературным языком): в род. и вин. п. имеют окончание *-а*; в дат. и предл. п. − *-е* и соответствующие особенности в образовании основ местоимений: в род. и вин. п. отмечаются формы *мен’а, т'еб'а, себ’а; мин’а, тиб’а, сиб’а; у мн'а, мни;* широко распространены и формы с ослабленным интервокальным [б'] в основе местоимений: *тейа, сейа; тийа, сийа.* В дат. и предл. п. − *мне, тебе, себе; мни, тибе, сибе; тийе, сийе.*

Глагол

Глагол как часть речи обладает в русских говорах значительным единством определяющих его грамматических признаков. На этом фоне в говорах довольно четко выступают многочисленные различия, касающиеся прежде всего форм словоизменения. Среди таких различий наибольшее значение для определения характерных особенностей, отличающих говоры друг от друга и сопоставляющих их с литературным языком, имеют:

1. Различия форм 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего (и будущего простого) времени изъявительного наклонения.

В литературном языке формы 3-го л. глагола ед. и мн. ч. оканчиваются на */т/* твердое (*несет, несут; говорит, говорят*).

В говорах русского языка формы 3-го л. ед. и мн. ч. могут выступать с фонемой */т/* или */т'/* в окончании, а также без фонемы */т/* (*несёт, несут; несёть, несуть; несё, несе; говорит, говорят; говорить, говорять, говоря*).

Твердое */т/* в формах 3-го л. характеризует говоры северного наречия и среднерусские окающие говоры, мягкое */т'/* − говоры южного наречия и акающие среднерусские говоры. */т'/* отмечается и на территории северного наречия: в некоторых говорах около Онежского озера (только в формах 3-го л. мн. ч. глаголов I спряжения, т. е. там говорят: *несут', идут',* но *несёт, идёт; говорит, говорят).*

Говоры, знающие отсутствие */т/* в формах 3-го л. глаголов, расположены двумя массивами: на северо-западе (северного наречия) и юго-востоке (южного наречия); кроме того, формы без */т/* (наряду с формами с */т/* и */т'/*) спорадически отмечаются на всей территории, занимаемой русскими говорами.

Владимирские говоры по этой особенности не отличаются от других среднерусских окающих говоров, т. е. в 3-м лице ед. и мн. ч. глаголы настоящего и будущего простого времени имеют формы с фонемой */т/* в окончании (*нес'от − несут; ид'от − идут; говорит − говор'ат; л'убит − л'уб'ат*).

2. Глаголы с основой на заднеязычный согласный /г/ и /к/ в литературном языке и во многих говорах образуют формы настоящего времени с исконным чередованием *г//ж; к//ч.* Это чередование согласных наблюдается во всех лицах, кроме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч.

В других говорах у глаголов с основой на заднеязычные согласные */г/* и */к/* при образовании форм настоящего-будущего времени названное чередование отсутствует или, наоборот, обнаруживается во всех лицах, включая 1-е л. ед. ч. и 3-е л. мн. ч.

При отсутствии чередования *г//ж*, *к//ч* в некоторых говорах наблюдается сохранение твердых */к/* и */г/* во всей парадигме (*пеку − пекош − пекот* и пр.; *могу − могош − могот* и пр. − в говорах Вологодской, Кировской областей, в среднерусских восточных окающих, владимирско-поволжских говорах) либо представлена мена твердых и мягких заднеязычных *к//к'*; *г/г'* (*пеку − пек'ош − пек'от* и пр., *берегу − берег'ош − берег'от* и пр. − в говорах как северного,

так и южного наречия, а также в среднерусских говорах, особенно в западной их части).

Во владимирских говорах у глаголов настоящего-будущего времени с основой на заднеязычные согласные */к/* и */г/* отмечается несколько вариантов в образовании форм: 1) в речи представителей старшего поколения наблюдается сохранение твердых */к/* и /г/ во всей парадигме, реже мена твердых и мягких заднеязычных */к/* и /к'/ и /г/ и /*г*'/ в основе глаголов (*пеку − пекош − пекот − пеком − пекоте − пекут*; *берегу − берегот − берегом − береготе – берегут*; *пеку − пек'ош − пек'от − пек'ом* и пр.; *берегу − берег'ош − берег'от − берег'ом* и пр.); 2) в речи других представителей говора в названных формах отмечается чередование *г//ж*, *к//ч*, что, по-видимому, можно объяснить влиянием литературного языка или говоров Центра.

Формы с отсутствием чередования согласных в основе глагола возникли в говорах русского языка, по мнению ученых, как результат стремления к выравниванию парадигмы. В ряде говоров русского языка (северного, южного наречия (чаще) и среднерусских) эта особенность отмечается не только у глаголов с основой на заднеязычный, но известна у глаголов, имеющих в конце основы переднеязычный или губной согласный (см.: *колотю − колотишь; пустю − пустишь; любю − любишь* и пр.). Эта особенность встречается и в некоторых владимирских говорах (преимущественно в говорах южных районов Владимирской области), причем подобные примеры более распространены у глаголов с основой на губной согласный *(л'уб'у −л'убиш; сп'у − спиш; луп'у − лупиш* и пр.).

3. В говорах, как и в литературном языке, выделяется два основных типа спряжения глаголов − I и II, которые различаются системами своих ударных окончаний.

Что же касается глаголов с безударными окончаниями, то «место этих глаголов в системе спряжения в большей степени определяется безударным вокализмом говоров» [3, с. 153 − 154].

В северных говорах, где гласные фонемы в безударных слогах различаются, глаголы с безударными окончаниями распределяются между I и II спряжением в соответствии с этими гласными (см.: *-еш, -ет, -ем, -ете* или *-'ош, -'от, -'ом, -'оте − едеш, едет* ... или *ед'ош, ед'от* − I спряжение; *-иш, -ит, -ите − вйдиш, видит* − II спряжение).

При этом в форме 3-го л. мн. ч. в большей части северных говоров у глаголов I спряжения последовательно выступает окончание *-ут,* а у глаголов II спряжения − окончание *-ат.* Однако есть среди северных говоров и такие, где у глаголов с безударным окончанием II спряжения в форме 3-го л. мн. ч. наряду с окончанием *-ат* известно и окончание *-ут* (см.: *вид’ат* и *вид’ут; кур’ ат* и *кур’ут* и пр.).

Особое место в системе спряжения занимают глаголы с безударными окончаниями в южнорусских и некоторых среднерусских (акающих) говорах, где в заударных слогах фонемы, различающие окончания глаголов I и II спряжения (*/о/* или /е/ и */и/*), совпадают в одном звуке ([и], [а] или [ь]).

В формах 3-го л. мн. ч. в соответствии с ударными окончаниями *-ут* и *-ат* (глаголов I и II спряжения) здесь употребляется одно окончание *-ут,* т. е. оба окончания совпадают в одном, не различаются.

Владимирские говоры по особенностям образования форм глаголов I и II спряжения не отличаются от других среднерусских говоров, совмещающих черты, порознь присущие северному и южному наречию.

В большинстве владимирских говоров глаголы I и II спряжения во всех формах, независимо от наличия или отсутствия ударения на окончании, различаются. Соответственно формы 3-го л. мн. ч. глаголов I спряжения образуются с окончанием *-ут,* а II спряжения − с окончанием *-ат.* Но наряду со сказанным, даже в речи представителей старшего поколения встречаются примеры с безударным окончанием *-ут* в формах 3-го л. мн. ч. глаголов II спряжения (*ход'ут, нос’ут, л’уб’ут, прос’ут, воз’ут* и пр. − как в южном наречии и в среднерусских акающих говорах).

4. Большое разнообразие по говорам русского языка представляют возвратные формы глагола.

В литературном языке возвратные глаголы образуются с помощью суффикса (постфикса) *-ся,* который известен здесь в двух вариантах *-ся/-сь* (по старым орфоэпическим нормам с твердым [с]): *-ся* употребляется после согласных, а вариант *-сь* − после гласных. В причастиях используется только *-ся* (и после согласных, и после гласных): *мыться, мылся, моются, моешься, мойся; мылась, моюсь, мойтесь; моющийся, моющаяся, моющимся, моющимися* и пр.

В говорах русского языка известны и другие варианты этого суффикса: *-се, -сё (-с’о), -со, -си, -сы; -са.*

Варианты *-се, -с’о, -со* распространены в северной части северного наречия, а также изредка встречаются в говорах Новгородской области (*боюсе, воротилсе, дралисе, родилсё, сошлисе, испужаласе, боиссё, дерёмсё, боиццо, дерутцо* и пр.).

Вариант *-си* характерен для всей полосы среднерусских и южнорусских говоров. На территории северного наречия эти формы встречаются в говорах Прионежья (*ударилси, боимси, ни ругайси, осталси, кормимси, жалуйси, ушибси, нарядилси* и пр.).

Формы с суффиксом *-сы* употребляются редко: встречаются в окающих говорах Новгородской области и в единичных случаях в полосе акающих (калужских, курских) говоров (*кататцы*, *гретцы, вертитсы, дралсы, охотилсы, напилсы, радилсы, лажилсы, апустилсы* и пр.).

Возвратные формы с суффиксом *-ся(-са)* распространены в говорах повсеместно, но все-таки шире отмечаются они в говорах северного наречия. В отличие от литературного языка, где употребление этого суффикса является нормой, суффикс *-с'а* в говорах северного наречия отмечается не только в словоформах, оканчивающихся на согласный, но и в словоформах на гласный (*купалс’а* и *купалис’а, одевалс’а* и *одевалас’а, умывайс’а* и *умы вайус’а, смейалас’а* и пр.).

Возвратные формы глагола, образованные с суффиксами *-са, -с* (с твердым согласным в суффиксе), характерны для восточных среднерусских говоров, окающих и акающих, для говоров Владимирско-Поволжской группы.

Владимирские говоры по особенностям в образовании форм возвратных глаголов в основном не отличаются от других среднерусских восточных окающих говоров. Однако в говорах Владимирской области, кроме суффиксов *-са, -с* (с твердым согласным), при образовании возвратных глаголов довольно широко употребляются и суффиксы *-с’а, -с’* (с мягким согласным). В настоящее время трудно объяснить наличие последней особенности во владимирских говорах. По-видимому, определенную роль в становлении её (варианта *-с’а*) сыграли говоры северного наречия. Такое объяснение было бы понятно, если бы формы с суффиксами *-с’а/-с’* встречались только (или преимущественно) в речи представителей старшего поколения. В говорах

же Владимирской области возвратные глаголы с суффиксами *-с'а/-с'* чаще отмечаются в речи молодежи. Поэтому в данном случае, по-видимому, более обоснованно другое объяснение: влияние на говоры литературного языка в его письменной форме.

5. Одной из характерных особенностей, по которым говоры русского языка противопоставляются друг другу и сопоставляются с литературным языком, является образование стяженных форм прилагательных и глаголов. Эти формы распространены в северных и средне-русских восточных окающих говорах, говорах Владимирско-Поволжской группы. Широко употребляются стяженные формы и во владимирских говорах, причем особенно интересны глагольные формы (см. разд. «Фонетические особенности»).

6. Особых замечаний требуют и деепричастия. В говорах они представляют интерес и с точки зрения образования форм, и с точки зрения синтаксической функции.

В литературном языке деепричастия составляют два ряда форм: 1) деепричастия с суффиксами *-а-; -учи-* (от единичных глаголов), образованные от основы настоящего времени глаголов несовершенного вида; 2) деепричастия с суффиксами *-в-, -вши-, -ши-,* образованные от основы прошедшего времени глаголов совершенного вида.

В говорах деепричастные формы также образуются от основ настоящего и прошедшего времени глаголов, но принципиально отличаются от соответствующих образований литературного языка как по основному грамматическому значению, так и по особенностям их употребления.

Деепричастия с суффиксами *-а-, -учи-* в говорах встречаются редко и, как и в литературном языке, они легко переходят в наречия (*лёжа, крадучи, живучи* и пр.). Деепричастия, образованные от основ глаголов прошедшего времени, употребляются в говорах довольно широко. При образовании этих деепричастий в говорах используются следующие суффиксы: а) от основы на согласный − *-ши-* (*привыкши, принёсши, сказавши, прокисши* и пр.); б) от основы на гласный − *-вши-, -мши-, -тши-, -лши-* (*уставши, устамши, устатши, усталши; одевши, одемши, одетши, оделши* и пр.). Суффиксы *-ши-* и *-еши-* не имеют территориальных ограничений: отмечаются повсеместно (суффикс *-вши-* особенно продуктивен в говорах северного наречия). Каждый из остальных трех суффиксов характерен для определенной части го-

воров, где он употребляется наряду с суффиксом *-вши-*. Так, деепричастия с суффиксом *-мши-* (*раздемши, разумши, согнумши, наемши, закрымши* и пр.) характерны для большей части говоров южного наречия и восточных среднерусских окающих говоров; изредка отмечаются в некоторых северных говорах (преимущественно в костромских); суффикс - *тши- (-тшы-)* (*остатши, согнутши, обутши, одетши, сваритши* и пр.) встречается в некоторых говорах Владимирско-Поволжской группы (по соседству с говорами Рязанской Мещеры) и спорадически отмечается в разных говорах северного наречия; *-лши- (-лшы-)* (*осталши, согнулши, сварилши, обулши, оделши* и пр.) употребляется в некоторых среднерусских говорах (в основном на территории Великолукской области).

Во владимирских говорах формы деепричастий, образованные от основ глаголов прошедшего времени, известны с двумя суффиксами: *-вши- (-фшы-)* и *-мши- (-мшы-)*. Формы деепричастий с суффиксом *-вши- (-фшы-)* отмечаются в речи всех носителей говора (представителей старшего поколения и молодежи), что, по-видимому, объясняется не только влиянием литературного языка, но и говоров северного наречия, для которых эти формы обычны. Формы с суффиксом *-мши- (-мшы-)* встречаются в речи представителей старшего поколения, обычно женщин, в говорах южных районов Владимирской области. На остальной территории Владимирской области с суффиксом *-мши- (-мшы-)* известны отдельные примеры: *роздемшы, розумшы, не йемшы.*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Синтаксический строй русского языка в его говорах характеризуется еще большим единством, чем его морфологический и фонетический строй. Выделяются, прежде всего, синтаксические структуры, общие для всех русских говоров и свойственные также просторечию и литературному языку, общерусские. Удельный вес диалектных различий в синтаксической системе русских говоров невелик и не является определяющим. Последнее особенно четко прослеживается при анализе среднерусских говоров.

Владимирские говоры, как и многие другие среднерусские говоры, по синтаксическим особенностям мало чем отличаются от большинства говоров и современного русского литературного языка. По-

этому при описании синтаксических особенностей, присущих владимирским говорам, остановимся лишь на некоторых, наиболее характерных, по которым анализируемые говоры выделяются и сопоставляются с литературным языком.

1. Одной из наиболее интересных синтаксических особенностей, по которым говоры русского языка противопоставляются друг другу и сопоставляются с литературным языком, является употребление (функция) деепричастия в предложении.

В литературном языке деепричастия подчинены глаголу-сказуемому и в предложении обычно выступают в качестве второстепенных членов − обстоятельств (времени, образа действия, причины, условия). (См.: *Синея, блещут небеса* (П.); *Встав с постели, Аркадий раскрыл окно* (Т.); *Я отошел в сторону, не зная, что делать* (М. Г.) и пр.).

В говорах русского языка деепричастие известно в предикативной функции − сказуемого двусоставного предложения. Такие деепричастные формы, обычно образованные от непереходных глаголов совершенного вида, употребляются в предложении без вспомогательного глагола или с формами вспомогательного глагола *быть* и выражают состояние предмета как результат совершенного ранее действия, т. е. употребляются в значении перфекта (см.: *не беспокой'са, мы уш поефшы; она поступифшы* в *бол'ницу; мы отстафы были; один был прибекшы в деревн'у; фсо будет засохшы* и пр.) [1, с. 192 − 193; 2, с. 224 − 225].

Употребление деепричастий в функции сказуемого двусоставного предложения − характерная черта западных и северо-западных говоров (говоров Новгородской и Псковской областей, западной части Карелии). В говорах за пределами названной территории в функции сказуемого двусоставного предложения чаще всего отмечаются деепричастия − *одевши, раздевши, обувши, разувши, покрывши, раскрывши, (не) евши;* повсеместно распространено деепричастие *выпивши.*

Названная особенность в целом для владимирских говоров не характерна. Однако некоторые примеры употребления форм деепричастия в функции сказуемого двусоставного предложения отмечаются и в наших говорах: *он выпифшы* − повсеместно; *разумшы, раздемшы, не йемшы* − последние примеры чаще встречаются в речи

представителей старшего поколения в говорах южных районов Владимирской области.

2. Особенности согласования сказуемого с подлежащим, выраженным собирательным существительным.

Собирательные − особый разряд существительных, обозначающих совокупность однородных предметов или лиц как одно неделимое целое и употребляющихся только в единственном числе. Уже в самом определении этих существительных отражается их двойственная природа: обозначают совокупность предметов, лиц (множество), а имеют только форму ед. ч., т. е. семантические и грамматические признаки этого разряда существительных как бы противостоят друг другу. И эти свойства собирательных существительных находят свое отражение в особенностях употребления их в предложении в русском языке, литературном и в говорах.

Так, глагол-сказуемое в современном русском литературном языке при подлежащем, выраженном собирательным существительным, употребляется только в форме ед. ч., т. е. наблюдается согласование по форме, что является нормой современного русского литературного языка (см.: *молодежь собралась, студенчество отдыхает, учительство приехало на конференцию, листва падает* и пр.).

В говорах в подобных конструкциях (при подлежащем, выраженном существительным с собирательным значением) глагол-сказуемое употребляется в форме мн. ч., т. е. отмечается согласование не по форме, а по значению, по смыслу (см.: *Нарот фсе собралис'; убралис' нарот с хлебом-ту; бриүада работайут' на таку; молод'ош собралис'; правлен'йо собралис'; актиф ч'о-то некто не выступайут* и пр.). И эта особенность до сих пор в говорах известна повсеместно: отмечается в говорах северного и южного наречия, в полосе среднерусских говоров и не только в речи представителей старшего поколения, но даже молодежи.

Такой способ согласования сказуемого с подлежащим − собирательным существительным − черта не новая, а зафиксированная еще в древнерусских письменных памятниках (см.: *дружина сему смѣятися начнуть.* − Лавр. лет.) и отмечается вплоть до XVII в. Согласование по смыслу глагола-сказуемого с подлежащим, выраженным существительным с собирательным значением, − черта, характерная и для владимирских говоров, отмечается здесь повсеместно (на всей терри-

тории Владимирской области), причем не только в речи представителей старшего поколения, но и молодежи. (Зафиксирована она даже как довольно распространенная диалектная ошибка в письменных работах учащихся на всей территории области). (См.: *нарот пришли; родн'а прийехали; ворон'йо налетели; молод'ош фс'е уйехали в горот* и пр.).

3. Некоторых замечаний требуют словосочетания.

В говорах русского языка наблюдаются интересные диалектные различия в структуре словосочетаний, что характерно в основном для северного наречия и не находит отражения в среднерусских говорах, в том числе и в говорах Владимирско-Поволжской группы, а следовательно, и владимирских [3, с. 179 − 185].

Но, помимо диалектных различий в структуре словосочетаний, «...говорам присущи и такие различия, которые связаны с их функционированием и заключаются в том, что словосочетания одной и той же структуры в разных говорах служат для выражения неодинакового круга смысловых отношений» [3, с. 186 − 187]. Это глагольные словосочетания с зависимой частью существительным в вин. п. с предлогом *по.* Такие словосочетания во всех говорах, как и в литературном языке, могут выражать пространственные и временные отношения (*стоять по праву сторону; прожитъ по 20-е число* и пр.), а в некоторых говорах также и объектно-целевые.

Словосочетания, выражающие разные смысловые отношения, различаются семантическим кругом слов как в главной, так и в зависимой части словосочетания. Например, в словосочетание, выражающее временные отношения, входит глагол со значением бытия или какого-либо конкретного действия и существительные, называющие временной отрезок; в объектно-целевую конструкцию − глагол целенаправленного движения и имя, называющее предмет, способный быть объектом этого движения. Словосочетания, выражающие объектно-целевые отношения, употребляются в значительной части говоров северного наречия. Говоры со словосочетаниями этого типа различаются между собой в зависимости от круга слов, включающихся в эту конструкцию.

В одних говорах (северо-восточных и юго-западной части Брянской области) с предлогом *по* в зависимой части словосочетания употребляются любые существительные (неодушевленные и одушевлен-

ные) за исключением тех, которые не подходят по семантике в конструкциях со значением целенаправленного движения (см.: *по короф надо итти; по очча збегай; сходй по бабушку; збёгай по притседател'а; по теба пришла; по малину ходили; по воду сама бегайу* и пр.).

В других говорах в эту конструкцию входят только неодушевленные существительные, причем чаще всего слова определенной семантической группы − слова, обозначающие предметы, которые можно заготовить, собрать, запасти впрок (ягоды, грибы, дрова, хворост, веники, мох, орехи и пр.). В третьих говорах в данную конструкцию могут входить лишь единичные слова названной семантической группы (ягоды, грибы и их видовые названия, реже − дрова). И почти повсеместно распространено словосочетание − *пойти по воду.*

Владимирские говоры по этой особенности ближе стоят к третьей группе говоров, хотя круг слов, употребляемых в зависимой части таких словосочетаний, здесь все-таки шире, чем в третьей группе говоров. Последнее, возможно, объясняется тем, что такие конструкции распространены здесь не только в диалектной речи, но широко употребляются и в городском просторечии.

4. Наиболее интересной синтаксической особенностью, по которой говоры выделяются и противопоставляются литературному языку, является употребление постпозитивной частицы *то.*

В литературном языке постпозитивная частица *то* известна: она употребляется для выделения в речи отдельных слов, для усиления, подчеркивания их значения и характерна для разговорно-бытовой речи (см.: *Зачем ты книгу-то взял?*).

Говоры по употреблению постпозитивных частиц делятся на две группы: одни говоры по этой особенности совпадают с литературным языком, другие от него отличаются, причем отличия идут по двум направлениям: есть говоры, где постпозитивная усилительно-выделительная частица вообще не употребляется (говоры юго-западных областей − на территории, примыкающей к украинскому и белорусскому языку); и есть говоры, где постпозитивная частица употребляется широко и выступает в нескольких вариантах, грамматических или фонетических: *то, та, от, ту, ти, те.* Такие говоры в свою очередь «делятся на две основные части в зависимости от того, какой принцип лежит в основе сочетаемости разных вариантов частиц с разными формами имени: в одних говорах употребление соответ-

ствующих вариантов *ту, ти, та* и пр. вызывается стремлением к созвучию гласных в частице и в окончании имени: например, вариант *ту* появляется при любых формах имени, оканчивающихся на *–у* (*в избу-ту, на берегу-ту, сахару-ту*), а варианты *ти, ты* выступают после форм имени, оканчивающихся на *-и, -ы (без соли-ти, мужики-ти, на печи-ти);* «в других говорах сочетание частиц с именем определяется грамматическим принципом: имеются специальные частицы (точнее грамматические варианты) для форм И. и В., в ед. ч. различающиеся в зависимости от рода существительного» [3, с. 196] (см.: *стол-от, окно-то, изба-та, печь-та; крышу-ту; столы-ти* и *столы-те, окна-ти* и *окна-те* и пр.).

Употребление постпозитивных частиц, сочетающихся с именем по грамматическому принципу, − черта, присущая северному наречию и большинству среднерусских восточных окающих говоров. Употребление постпозитивных частиц в результате стремления к созвучию гласной в частице и окончании существительного характерно для среднерусских окающих говоров (к юго-востоку от Москвы, говоров Новгородской области).

В южнорусских и среднерусских акающих говорах постпозитивная частица *то* выступает в вариантах *тъ* и *та* (чаще) и употребляется примерно так же, как и в литературном языке.

Владимирские говоры по употреблению постпозитивных частиц среди говоров русского языка занимают особое место. По широте употребления они ничем не отличаются от говоров северного наречия. Однако наблюдаются существенные различия в реализации принципов сочетаемости этих частиц с именами. Анализ примеров показывает, что для владимирских говоров характерны оба принципа сочетаемости частиц с именами (грамматический и фонетический − по созвучию), но трудно сказать, как эти принципы реализуются во владимирских говорах: равноправны они по употреблению или один из них (какой?) преобладает над другим.

Во владимирских говорах известны следующие варианты постпозитивной частицы *то: от(ат), та, то, тъ, ту, ти, те.* Пронаблюдаем их употребление:

1) *от (ат)* употребляется только при существительных м. р. в форме им. п. ед. ч.: *мужык-от(ат); делектур-ат; брат-ат, дом-от, м'од-от(ат)*;

2) *та* − преимущественно при существительных ж. р. I склонения в им. п. ед. ч.: *вода-та, старушка-та, крупа-та, изба-та, девушка-та,* но отмечаются и примеры типа: *сена-та, пис’ма-та, у брата-та* (с существительными, оканчивающимися на *-а*, по созвучию) и даже такие: *пет'-та, утак-та* и др.;

3) *то* − при существительных с окончанием *-о,* причем не только существительных ср. р., но любых, оканчивающихся на *-о*: *сено-то, пис’мо-то, окошко-то, плат’йо-то;* но и *бат’ушко-то, ф сем’оново-то* и др.;

4) *ту* − обычно отмечается при существительных в форме косвенных падежей, особенно при существительных I склонения в форме вин. п. ед. ч., но и при любых существительных, оканчивающихся на *-у*: *пенсийу-ту, простоквашу-ту, мочку-ту, избу-ту, сахару-ту, на берегу-ту.*

Что же касается других вариантов этой частицы (*тъ, ти, те*), то они употребляются довольно беспорядочно и трудно связать их по употреблению с какой-либо определенной словоформой (наиболее распространенным из них является вариант *ти*):

тъ: *братец-тъ, пойасница-тъ, грибоф-тъ, овечок-тъ, до горковъ-тъ, на земличке-тъ, сперва-тъ, сечас-тъ* и пр.;

те: *короф-те, деревен'-те, в луга-те, ф пол’ах-те, за садами-те, кат ’ке-те, дочере-те* (чаще с существительными в форме мн. ч.);

ти: *мужыки-ти, суконки-ти, ноги-ти, ученики-ти, ученикоф-ти, с робатишками-ти; воды-ти, корове-ти, пит’йа-ти, в Москве-ти, ф софхозе-ти, дла скотины-ти, ф сем’онофки-ти, ч’орны-ти, ран’ше-ти* и пр.

Вариант *ти* чаще употребляется при существительных мн. ч. (не только в форме им. п.), но известен и при существительных ед. ч., обычно оканчивающихся на *-и* или *-е,* независимо от рода и падежа [6].

Библиографические ссылки

1. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М. : Наука, 1965. 306 с.

2. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М. : Высш. шк., 1972. 302 с.

3. Русская диалектология / под ред. П. С. Кузнецова. М. : Просвещение,1973. 279 с.

4. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М. : Просвещение, 1989. 224 с.

5. *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М. : Просвещение, 1970. 168 с.

6. *Овчинникова Р. С.* К вопросу о синтаксических функциях постпозитивных частиц в говорах русского языка // Вопросы русского языкознания : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Русский язык и его диалекты / отв. ред. Е. С. Скобликова. Куйбышев : КГУ, 1976. С. 115 − 127.

Глава 2

ЛЕКСИКА ГОВОРОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Словарный состав диалектов русского языка

Лексика (словарный состав) − это «вся совокупность слов, входящих в состав какого-либо языка или диалекта» [1, с. 214].

Каков же словарный состав диалекта, территориального диалекта?

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, уместно вспомнить определение понятий «диалект», «территориальный диалект».

Диалект – «разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте» [1, с. 13].

«Под ***территориальными диалектами*** (курсив наш. − *Р. К.*), наречиями и говорами какого-либо языка, в частности русского, понимают разновидности данного языка на определенной части территории, занятой этим языком, характеризующиеся, помимо черт, свойственных всему языку в целом, также некоторыми своими специфическими чертами» [2, с. 5].

Исходя из сказанного, в словарном составе территориальных диалектов традиционно выделяют две основные части:

1) большую часть, как подчеркивают исследователи, составляют слова общенародные, которые известны и диалекту, и литературному языку;

2) меньшую часть – слова диалектные, или областные, употребляющиеся только в диалекте и неизвестные литературному языку.

Называют и третью, промежуточную группу между этими основными частями лексики диалектов, – слова, имеющие в словарях литературного языка помету «просторечное» (см.: *брюхо*, *девка*, *брехать* – «лгать», *кажись* и пр.). Эти слова также не имеют территориальных ограничений: входят в словарный состав как говоров, так и литературного языка. Но в литературном языке употребление этих слов ограничено: они допускаются лишь в качестве ненормативных

эмоционально окрашенных синонимов, несущих определенную стилистическую нагрузку. В диалектах подобные слова – общеупотребительная лексика, нейтральная в стилистическом отношении.

Несколько иное членение лексики диалекта предлагает О.И. Блинова:

«…В лексике диалекта, если рассматривать ее с точки зрения соотношения с основными формами национального языка, объективно вычленяются три категории слов…»:

1. «Слова общенародные, составляющие общерусский лексический фонд и одновременно основу словарного состава любого территориального диалекта <…>.

2. Слова диалектно-просторечные, входящие в систему как диалекта, так и просторечия, но не употребляемые в нормированном литературном языке…» [3, с. 32 − 33].

Многие из этих слов в толковых словарях литературного языка сопровождаются пометой прост. и обл., или в одном из словарей – прост., в другом – обл. (см.: *тенёт* − «паутина» (МАС − прост. и обл.); *вздув**а**ть* − «разжигать огонь» (Уш. – обл., БАС – прост.); *вчист**у**ю* – «совсем, окончательно» (Уш. − обл., БАС – прост.) и пр.).

3. «Слова собственно диалектные, бытующие только в системе диалекта» [3, с. 33] (см.: *лон**и*** – «в прошлом году, *пр**а**льник* − «валек для выколачивания белья при стирке на реке» и пр.) [3, с. 32].

Однако и предложенное членение лексики диалекта, по мнению О.И. Блиновой, «является условным (в немалой степени)» [3, с. 34].

Условность же вычленения в лексике диалекта общенародных и диалектно-просторечных слов объясняется тем, что слова литературного языка и просторечия в сфере диалекта нередко обладают определенной спецификой в звучании, ударении, составе фонем (*с**о**сна*, *вьюг**а***, *грязн**ой***, *л**е**вень*, *сус**е**д*, *ув**а**ль* и пр.), грамматической характеристике (*к**е**дра*, *ж**и**зня*, *ц**е**рква* и пр.), значении (*изб**а*** − 1) крестьянский жилой дом; 2) часть дома – *дом**а**-ти строили в две изб**ы***) и пр.

В связи с этим в системе диалекта возникает необходимость в более точном определении понятия ***«общенародное слово»***.

Называют два основных условия, которым должны удовлетворять лексические единицы, определяемые как общенародное слово: 1) они должны быть тождественны друг другу, т. е. не выходить за рамки «одного и того же слова»; 2) они должны употребляться в каждой из основных разновидностей национального языка.

С позиции этой теории, как подчеркивает О.И. Блинова, в словарном составе диалекта можно выделить две категории слов: общенародные слова и диалектные варианты общенародных слов.

«***Общенародные слова*** (курсив наш. − *Р. К.*) составляют такие лексические единицы говора и литературного языка, которые полностью совпадают (по фонемному составу, ударению, значению и т. д.).

Среди них большую часть составляют незнаменательные слова: союзы, предлоги, междометия, частицы; почти все числительные, местоимения, огромное количество существительных, прилагательных, глаголов, наречий» (см.: *а*, *и*, *да*, *но*; *ой*, *де*; *один*, *два*, *сто*; *я*, *мой*, *тот*; *вода*, *рука*, *лес*; *молодой*, *дорогой*; *делать*, *вязать*; *надо*, *ясно* и др.).

«***Диалектные варианты общенародных слов*** (курсив наш. − *Р. К.*) составляют такие лексические единицы говора, которые при совпадении с лексической единицей литературного языка отличаются от нее отдельными элементами или формальной, или смысловой стороны в пределах, допустимых границами тождества слова», т. е. это могут быть отличия или в месте ударения, или в качестве и количестве отдельных фонем звуковой оболочки слова, или в лексико-грамматической характеристике и т. п.

Вторая категория слов – ***диалектно-просторечных*** – до сих пор остается почти неизученной. Внимание исследователей при анализе этих слов привлекает отсутствие у них в системе диалекта той стилистической окраски, которую они имеют в сфере разговорной разновидности литературного языка.

В говоре такие слова (см.: *бед****о****вый* – «бойкий»; *брех****а****ть* – «лгать, лаять»; *тутошний* и пр.), как правило, входят в состав нейтральной, общеупотребительной лексики, выполняющей номинативную функцию.

Третья категория слов — слова ***собственно диалектные*** – является наиболее изученной в составе лексики диалекта.

«Диалектные слова – это такие лексические единицы, которые как целое принадлежат только диалектной системе (отсутствуют в литературном языке и городском просторечии) и характеризуются изоглоссой на территориальной карте русского языка. Это, во-первых, слова с диалектными или общенародными корнями, не имеющие аналогий в литературном языке в фонемном составе (*б****а****ско* – «хорошо»),

во-вторых, слова омонимичные соответствующим по звучанию словам литературного языка (*губы* – «грибы»)» [3, с. 41].

Каково же ***количественное соотношение*** этих трех категорий слов в системе диалекта?

В общем плане на поставленный вопрос мы уже ответили, когда выделяли основные компоненты словарного состава диалекта: большую часть в лексике диалекта составляют общенародные слова, меньшую – диалектные.

Но если отвечать на поставленный вопрос конкретно, то однозначного ответа он не имеет, потому что последнее непосредственно связано с историей формирования каждого диалекта. Например, в среднерусских говорах Подмосковья, сыгравших огромную роль в формировании современного русского литературного языка, процент общенародных слов выше, чем в говорах северных и южных районов страны, отдаленных от центра, испытывающих меньшее влияние литературного языка.

Работ, определяющих количественное соотношение этих трех выделенных категорий слов (собственно общенародных, диалектных вариантов общенародных слов и собственно диалектных) в системе диалекта, пока что мало.

Имеющиеся в этом плане исследования обычно проводились с учетом двух групп слов: общенародных и диалектных, причем обычно не раскрывалось значение понятий «общенародное» и «диалектное слово» в системе диалекта. Поэтому большой интерес представляют выводы, к которым пришли исследователи при анализе лексики, представленной в СРНГ (на буквы *А* и *Б*) [3, с. 43].

Как показал анализ, на 550 слов словника общенародная лексика (собственно общенародная) составляет 41,8 %, вместе с диалектными вариантами общенародных слов − 85,6 %. И только 14,4 % собственно диалектных слов.

Каков же ***словарный состав лексики владимирских говоров***?

Как и в большинстве говоров русского языка (особенно показательны материалы по говорам Центра, с которыми владимирские говоры связаны исторически), основной пласт лексики владимирских говоров составляет лексика общенародная, в которой особенно интересны диалектные варианты общенародных слов. И на этом фоне процент собственно диалектных слов невелик.

Приведенные ниже таблицы (табл. 1 − 2) отражают количественное соотношение основных категорий слов (собственно общенародных, диалектных вариантов общенародных слов, собственно диалектных) в лексике говоров на территории Владимирской области[1].

Таблица 1

Лексика природы. Метеорологические явления (Собинский район)

Категория слов / Словник	Общенародные слова	Диалектные варианты общенародных слов			Диалектные слова
		Лексико-семантические варианты	Лексико-морфологические варианты	Лексико-фонетические варианты	
260 (100 %)	135 (52 %)	54 (21 %)	20 (8 %)	14 (5 %)	37 (14 %)
−	Итого: 223 (86 %)				−

Таблица 2

Лексика природы. Растительный мир (Судогодский район)

Категория слов / Словник	Общенародные слова	Диалектные варианты общенародных слов			Диалектные слова
		Лексико-семантические варианты	Лексико-морфологические варианты	Лексико-фонетические варианты	
316	53,2 %	5,4 %	17,1 %	8,2 %	16,1 %
−	Итого: 83,9 %				−

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

Диалектная лексика − это лексика, имеющая ограниченную территорию распространения и не входящая в словарный состав литературного языка.

Диалектная лексика представляет собой определенную систему, минимальной единицей которой является диалектное слово.

Диалектное слово − это 1) «слово, бытующее только в одном или нескольких диалектах данного языка и неизвестное в его литера-

[1] См. дипломные работы, написанные на основе анализа материалов, собранных для ЛАРНГ, студентами Н. Акимовой и С. Борейко и др.

турном образце; 2) территориальная разновидность слова (территориальный вариант слова), которая может отличаться от литературного его образца в фонетическом, морфологическом и семантическом отношениях» [1, с. 132].

Основным признаком диалектного слова является его употребление на ограниченной территории, иначе говоря, «наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык». «…Диалектным словом является слово, имеющее *локальное* (курсив наш − *Р. К.*) распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)» [4, с. 20].

Исходя из сказанного, нельзя относить к диалектной лексике слова, обозначающие специфические явления старой крестьянской жизни (этнографизмы) или местной природы, искаженные варианты иностранных слов, вошедшие в речь носителей говоров и пр., т. е. слова, не ограниченные локально в своем употреблении, не связанные с определенными группами говоров.

Классификация диалектной лексики

Типы диалектных лексических различий

Современная диалектология при изучении диалектов (выделении и противопоставлении их друг другу, сопоставлении с современным литературным языком) на всех языковых уровнях оперирует понятием (и термином) ***«диалектное различие»***.

«Диалектное различие есть такой элемент структуры языка, который в отдельных диалектных микросистемах (говорах, группах говоров и пр.) выступает в разных своих соотносительных вариантах, в разных своих членах» [5, с. 11].

Или об этом же проще: диалектное различие – «…такое явление языка, которое в отдельных говорах выступает в различных вариантах» [6, с. 6].

Выделяют два типа диалектных различий: 1) непротивопоставленные (НДР) и 2) противопоставленные (ПДР).

Непротивопоставленные диалектные различия – это «явления, существующие лишь в одном говоре или группе говоров… и отсутствующие во всех других говорах и в литературном языке» [6, с. 6].

По словам О.И. Блиновой, «непротивопоставленные лексические различия образуют такие «соответственные явления», второй компонент которых равен нулю (по терминологии В.П. Филина, «нулевые», или «отрицательные», диалектизмы)» [3, с. 178].

Противопоставленные диалектные различия «…представляют собой такие явления, которым в других говорах или в литературном языке соответствуют какие-либо иные аналогичные явления». Например, оканье в северном наречии противопоставляется аканью в южном наречии и в большинстве среднерусских говоров.

Противопоставленные диалектные различия наблюдаются в фонетике, грамматике и лексике (на всех языковых уровнях).

Непротивопоставленные диалектные различия в наибольшей степени известны в лексике.

Непротивопоставленные диалектные лексические различия

«Суть их заключается в том, что в одной из диалектных микросистем (термин «микросистема» употребляется в значении «говор», «группа говоров») имеется данное слово с его определенным значением, в то время как в других микросистемах отсутствует не только данное слово, но и другие слова в качестве его непосредственных эквивалентов» [5, с. 11].

Непротивопоставленные диалектные различия в лексике имеют свою обусловленность. Причины, их порождающие, по мнению О.И. Блиновой, «группируются в два разряда – “неязыковые” и “языковые”» [3, с. 178].

1. «Возникновение и функционирование одних непротивопоставленных лексем связано с внеязыковой действительностью, с необходимостью обозначить специфические предметы быта, экономики определенной местности, обозначить обычаи и обряды, предметно-климатические явления, характерные для определенных мест и областей страны» [3, с. 180].

Например, в говорах районов с развитыми промыслами и ремеслами имеется богатая местная терминология, которая отсутствует в других говорах (см.: *лисовать* – «охотиться на лис», *соболевать*, *белковать* и пр. − в местах с развитой охотой); говоры лесных областей страны располагают большим количеством слов, обозначающих раз-

личные участки леса, отдельные виды деревьев и пр. (см.: *урман* – «тайга, хвойный лес»; *болотняк* – «лес, выросший на болоте» и пр.).

2. «Возникновение и функционирование других слов, составляющих непротивопоставленные различия, невозможно объяснить воздействием внеязыковой среды, поскольку такие лексемы обозначают общерусские, повсеместно распространенные реалии (в широком смысле этого слова) и соответствующие понятия о них известны всем (или почти всем) носителям диалекта». (см.: *волна* – «овечья шерсть»; *страда* – «время уборки урожая»; *годовать* − «существовать в течение года» и пр.). Среди таких слов заметное место занимают эмоционально окрашенные (см.: *абыз* – «сердитый человек»; *вошкаться* – «продолжительно заниматься чем-либо» и пр.).

Характеризуя эту группу слов, О.Н. Мораховская замечает: «Для выражения понятия в одних говорах есть специальное слово, в других такое слово отсутствует, а соответствующее понятие передается свободным сочетанием слов или описательно» [2, с. 217].

Чем же вызвано появление таких слов в говорах?

По словам О.И. Блиновой, «трудно сказать, почему в одних говорах русского языка возникают обозначения общерусских реалий, а в других – нет. <…> И если в одном из диалектов возникает непротивопоставленная лексема, то ее появление продиктовано, очевидно, какими-то языковыми причинами, языковыми тенденциями (тенденцией к лаконизму, тенденцией к экспрессивности и т. д.)» [3, с. 180 − 181].

Непротивопоставленные диалектные различия занимают определенное место и в диалектной лексике говоров Владимирской области.

I группа НДР. Причины появления этих лексем – «неязыковые», связаны с внеязыковой действительностью:

китайка – сарафан особого покроя;

терас, *тераска* – старинная женская кофта особого покроя;

ступни – вид женской обуви, сплетенной из лыка («вроде ваших тапочек»);

кулиманы − вид местного печеного изделия («печива»), приготовляемого из пшеничной муки и солода;

бережник, *прибрежник* – лес, выросший на берегу реки, озера;

болотняк – лес, выросший на болоте;

*вискорн**я**к* – дерево, вырванное с корнем;

*бук**е**ря* – грибной нарост на дереве;

*иг**о**льник*, *хвойн**я**к* − хвойный лес;

*мел**я**тник* – молодой лес;

*з**а**ростель*, *кустар**а***, *чап**ы**га* – густые заросли кустарника;

*чап**ы**жник* – мелкий, низкорослый кустарник;

*брев**е**нник* – строевой лес;

*дровн**я**к* – нестроевой лес;

*ур**ё**ма* – густой, непроходимый лес;

*мш**а**ра* – болото, поросшее мхом;

*кочк**а**рник* – болото, покрытое кочками;

*лящ**и**на*, *щеред**а*** – трава, выросшая на болоте;

*кок**е**шка* – шишка хвойного дерева;

*ляхт**и**на*, *ял**а**нь* – поляна в лесу.

II группа НДР. Причины появления лексем этой группы − «языковые», отражают тенденцию к лаконизму, экспрессивности:

испёка – засушливая погода, засуха;

*нег**а**за* – плохая погода;

*нег**о**да* – ненастный день;

*дубн**я**к* – холодная погода;

*н**а**волок* – пасмурная погода;

*завол**о**ка* – пасмурное небо;

*обл**о**жник* – большая дождевая туча;

*дребн**я*** − снег с дождем;

*дрязг**а*** – мокрый снег с дождем;

*лепн**я*** – мокрый снег;

*з**а**мерки*, *перв**а**к*, *н**а**земь* – первый снег;

*з**а**дуль* – небольшой сугроб;

*зал**ы**сок*, *голь* – не покрытое снегом место;

сирён, *сир**е**на* – первый непрочный наст;

*об**о**чень* – боковой ветер;

*встречн**я**к* – встречный ветер;

*путн**я**к* – попутный ветер;

*тепл**я**к* – южный ветер;

*непт**у**н* – холодный, северный ветер;

*бураг**а**н* – сильный ветер;

*молод**о**к* – молодой месяц;

*работ**у**н* − работящий человек;

носуля − человек с большим носом;
мордан – человек с круглым лицом;
гаметь – говорить громко, неприятно;
ротовать – много, неприятно говорить (сплетничать) о ком-либо.

В заключение следует сказать, что названные две группы лексем практически разграничить довольно трудно (точнее, трудно отделить первую группу от второй), потому что, как показывают наблюдения, причины появления этих лексем работают комплексно: реализуется необходимость назвать какое-то местное природно-климатическое явление и это осуществляется не описательно, не в виде свободного словосочетания, а одним словом, емким по значению и экспрессии.

Противопоставленные диалектные различия

Типология противопоставленных диалектных лексических различий, первоначально представленная в работах Р.И. Аванесова, Л.П. Жиковской, получила дальнейшее развитие в исследованиях многих ученых. Большой интерес в этом отношении представляют работы томских диалектологов (см. работы О.И. Блиновой, Ф.П. Ивановой, В.В. Палагиной и др.). Классификацию ПДР одного из представителей этой школы, О.И. Блиновой, автор и использует в своей работе.

Эта классификация основана на строгом и последовательном *разграничении противопоставлений разных слов и вариантов одного и того же слова*; принцип материального и семантического тождества носит подчиненный характер.

Противопоставленные лексические различия, исходя из этого принципа, делятся на собственно лексические и вариантные.

Собственно лексические диалектные различия

«Собственно лексические диалектные различия основаны на противопоставлении разных слов − лексем, имеющих или тождественную семантику при отсутствии общности в звуковой оболочке, или тождественную звуковую оболочку при отсутствии общности в семантике» [3, с. 182].

Различия первого рода (противопоставления на основе семантического тождества) составляют слова, являющиеся разнодиалектными дублетами (абсолютными синонимами) (см.: *волк – бирюк*, *больной − хворый*, *говорить – баять*, *красиво – баско* и т. д.).

Различия второго рода (противопоставления на основе материального тождества) составляют слова, являющиеся разнодиалектными омонимами (см.: *пахать* – «обрабатывать землю плугом» и *пахать* – «подметать пол»; *бачить* – «смотреть» и *бачить* – «говорить» и т. д.).

Эти две группы собственно лексических диалектных различий представлены и во владимирских говорах.

1. ***Лексические дублеты***[1] (литературно-диалектные, разнодиалектные), или абсолютные синонимы:

баклуша – яма;

баять – *бахорить* – говорить;

букля – старица;

буярак – овраг;

дикуша – гречиха;

жаровник – противень;

испёка – засуха;

кулижка – *лахтина* – *ялань* – поляна;

лещина – орешник;

обыдёнки – будни, сутки;

волчий табак – *дедушкин табак* – *пастуший табак* – *чертов табак* – *медвежьи бани* – *шапок* – *пылевик* – *пухлянка* – *дымовик* – гриб-дождевик;

губатка – волнушка;

дарьины губы – *матрёнины губы* – *дунька* – *дуня* – *матрёшка* – свинушка;

жагра – гриб-трутовик;

козлятый гриб – *сосновяга* – *лупленник* – *сопливик* – масленок;

коровяк – *луговик* – *ореховик* – белый гриб;

красик – *челыш* – *красный челыш* – подосиновик;

лубянка – сыроежка;

обабок – подберезовик;

поросячий гриб – *собачий гриб* – поганка.

[1] Дублеты – это «двойная разновидность данной языковой единицы…» [8, с. 102].

2. ***Омонимы*** **(**литературно-диалектные и разнодиалектные):

*бел**я**к*
– вид зайца (МАС)
– белый гриб (Г.-Хруст.)

*был**и**на*
– русская народная эпическая песня о богатырях (МАС)
– полынь (Соб.)

*вис**ю**лька*
– подвеска, небольшая висячая вещица (МАС)
– сосулька (Соб.)

*вешн**и**ка*
– овечья шерсть первой стрижки (СРНГ)
– клюква, перезимовавшая под снегом (Г.-Хруст.)

*гол**у**бка*
– самка голубя (МАС)
– василек (Г.-Хруст.)

*г**у**бы*
– края рта у человека (МАС)
– общее название всех видов съедобных грибов (Д., – сев.)
– несъедобные грибы (Г.-Хруст.)

*гр**и**бница*
– похлебка из грибов (МАС)
– грибное место (Г.-Хруст.)

*дик**а**рка*
– жен. к *дикарь* (МАС)
– дикая лесная яблоня (Г.-Хруст.)

*желт**я**к*
– переспелый, желтого цвета огурец (МАС)
– белый гриб (Суд., Мел., Г.-Хруст.)

*зар**я**нка*
– малиновка (птица) (МАС)
– первая вечерняя звезда (Соб.)

*зм**е**йка*
– уменьш. к *змея* (МАС)
– поземка (Соб.)

игольник – подушечка или коробочка для хранения иголок (МАС)
– хвойный лес (Г.-Хруст., Соб.)

кубышка − глиняный сосуд с узким горлом и широкими боками (МАС)
− валуй (Мел.)

кулак – кисть руки со сжатыми пальцами (МАС)
– валуй (Селив., Мур., Ковр., Камеш.)

кутерьма – беспорядок, сумятица (МАС)
– метель, вьюга (Соб.)

лесина – (прост.) срубленное дерево (МАС)
− плод дикой яблони (Камеш.)

маслёна − маслобойка (СГП)
− масленок (Г.-Хруст.)

матрёшка – деревянная кукла (МАС)
− свинушка (Г.-Хруст.)

навозник – название жука, живущего в навозе (МАС)
− поганка (Г.-Хруст.)

осинка − молодая осина (МАС)
− подосиновик (Соб., Селив., Г.-Хруст., Вязн.)

столбунцы − мошка (Д.)
− щавель (Г.-Хруст.)

Вариантные диалектные различия

Вариантные диалектные различия основаны на противопоставлении вариантных образований одного и того же слова.

«*Вариант слова* (курсив наш. − *Р. К.*) − это регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами (суффиксами, флексиями)» [3, с. 38].

Вариантные диалектные различия делятся на две группы в зависимости от того, что лежит в основе противопоставления вариантов слов: семантическое тождество или тождество материальное, звуковое.

На основе фонетического тождества при некотором различии в значении противопоставляются разнодиалектные ***лексико-семантические варианты слова***:

*кошен**и**на* − скошенная трава
− луг после покоса;

*стол**е**шница* – крышка стола
− скатерть;

*взрев**е**ть* – закричать
– позвать кого-либо с близкого расстояния.

Следовательно, лексико-семантическое варьирование слова является реализацией его многозначности, т. е. способности слова в живой речи употребляться не с одним, а с несколькими значениями при обозначении предметов и явлений окружающей действительности.

Лексико-семантические варианты довольно широко представлены и во владимирских говорах:

*изб**а*** – крестьянский деревянный дом (МАС)
− часть крестьянского дома, комната в доме (*Д**о**м-от у мен’**а** в две изб**ы**.*) (Г.-Хруст.)

*иг**о**льник* – мелкий хвойный лес (Д.; СРНГ)
– хвойный лес (Г.-Хруст.)

*бол**о**тина*
– болотистое место (МАС)
– трава, растущая на болоте (Г.-Хруст.)

*вал**е**жник*
– сухие листья и сучья, упавшие с дерева (МАС)
– сухое упавшее дерево (Г.-Хруст., Камеш.)

*г**а**рь*
– выгоревшее или выжженное место в лесу (МАС)
– лес, выросший на пожарище (Камеш.)

*г**у**бы*
– грибы, особенно съедобные (Д.)
– грибы всякого рода (СРНГ)
– несъедобные грибы (Г.-Хруст.)

*желт**я**к*
– разновидность белого гриба (Суд., Мел.)
– старый белый гриб (Мел., Селив., Г.-Хруст., Ковр.)

*зарост**е**ль*
– место, заросшее кустарником (Д.)
– густые заросли кустарника (Г.-Хруст.)

*лугов**и**ще*
– луг над рекой (СРНГ)
– луг, богатый травами (Г.-Хруст.)

*малол**е**сье*
– недостаточное количество леса (МАС)
– небольшой лесок, роща (Г.-Хруст.)

*п**о**руб*
– рана от рубки, разруба, особенно топором (Д.)
– место, образовавшееся после вырубки леса (Г.-Хруст.)

*хм**ы**з*
– хворост (Д.)
– куча хвороста (Г.-Хруст.)

*чел**ы**ш*
– круглый грибок, молодой крепкий гриб (Д.)
– подберезовик (Соб., Сузд., Селив., Мел., Мур., Г.-Хруст., Вязн., Ковр., Горох., Кирж. и др.)
– подосиновик (Соб., Сузд., Мур., Г.-Хруст.)

– лесная чаща (Д.)
чащура
– густые заросли кустарника (Г.-Хруст.)

На основе семантического тождества при некотором различии в фонетической и морфологической характеристике противопоставляются ***фоно-морфологические варианты слова***, которые представлены фонетическими и морфологическими вариантными образованиями.

Фонетические варианты слова − это такие лексические единицы (лексемы), которые при морфемном и семантическом тождестве различаются или звуковым составом корневой морфемы, или местом ударения. В связи с этим фонетические варианты слова делятся на: 1) ***фонематические***, различающиеся качеством отдельных фонем, количеством их или порядком следования фонем (см.: *ливень – левень*; *сосед – суседд*; *бомба – бонба* и пр.), и 2) ***акцентологические***, различающиеся местом ударения (см.: *мормыш – мормыш*, *верба – верба*, *страшно – страшно* и пр.).

Фонетические варианты слова представлены и во владимирских говорах.

1. Фонематические:

аржаной – ржаной (хлеб);

балуй – валуй (гриб);

буерак – боярак (овраг);

брусниэжник – брусничник;

волганка – волжанка (волнушка);

вострый – острый;

глыбь – глубь;

ёлха (йолха) – ольха;

желдь – жолудь;

жерзди – жерди;

зелепуга – зелепупа − зелепуха (незрелая ягода);

калбуки − каблуки;

мужжавельник – можжевельник;

павук – паук;

сабоги (собоги) – сапоги;

страм – срам;

сыроега (сыройега) – сыровега;

уваль – вуаль;

щереда – череда (трава, растущая на болоте);

ялань (йалан’) − елань (йелан’) (поляна в лесу).

2. Акцентологические:

арбуз – арбуз;

волжанка – волжанка – волнушка (гриб);

жарить – жарить;

засуха – засуха;

камбала – камбала;

красик – красик (гриб-подосиновик);

пена − пена;

призыв – призыв;

сосна – сосна;

туча – туча;

дерно – дёрно (дёрн);

глыбокий – глыбокий.

Морфологические варианты слова

Морфологическими вариантами слова являются однокорневые лексемы с тождественным лексическим значением, различающиеся либо аффиксальными морфемами, либо грамматическими показателями, либо тем и другим одновременно.

Морфологические варианты слова, в свою очередь, подразделяются на: а) грамматические, различающиеся грамматическими характеристиками, и б) лексико-морфологические, или словообразовательные, различающиеся словообразовательными аффиксами.

Грамматические варианты слова составляют такие однокорневые лексемы, которые при тождестве основы и лексического значения различаются грамматическими показателями, специфичными для каждой части речи. Например, у имен существительных грамматические вариантные образования слова противопоставляются по родовому значению,

по форме числа, по типу склонения (см.: *кедр − кедра*, *исток – истока*, *полотенце – полотенец*, *церковь – церква*, *жизнь – жизня* и пр.). У имен прилагательных грамматические варианты слова противопоставляются за счет принадлежности их к мягкой или твердой разновидности склонения (см.: *дальний – дальный*, *летошний – летошный* и пр.).

В глагольной лексике противопоставляются грамматические варианты слов, различающиеся разными формообразующими аффиксами (см.: *идти – идтить*, *висеть – висеться* и пр.).

Грамматические варианты слова известны и в говорах Владимирской области:

*л**и**тра*, *м**е**тра*, *полуш**а**лка*, ***у**жина*, *ревмат**и**зма* – ж. р.;

зверь, *л**и**вень* – ж. р.;

мыш – м. р.;

серён (м. р.) – *сирен**а*** (ж. р.) – первый, непрочный наст;

*берест**о*** (ср. р.) – *бер**е**ста* (ж. р.);

*дерн**о*** – *дёрно* (ср. р.) – *дерн* (м. р.);

опёнок – опёнка;

опёныш – опёшка;

церква, *морква*, *жизня*, *болезня*, *свекра (свекрова)* – изменяются по I склонению;

*вр**е**мё*, *им**ё*** – изменяются по II склонению;

*пальт**о***, *кин**о*** – изменяемые, склоняются по II склонению;

*б**у**дня*, *б**у**день* (ед. ч.) – будни;

*идт**и**ть* – *идти*; *вис**е**ться* – *висеть*.

Лексико-морфологические (словообразовательные варианты слова)

Лексико-морфологические (или словообразовательные) варианты слова составляют такие однокорневые лексемы, которые при тождестве лексического и грамматического значения различаются словообразовательными аффиксами.

Словообразовательные варианты слова также специфичны для каждой части речи, что связано с набором аффиксов и структурно-семантических моделей, свойственных каждой части речи. Например, у

существительных преобладают варианты суффиксального типа (см.: *пряха – прялья – пряльня – прялка*; *голубика – голубига – голубица – голубника – голубянка* и пр.). У глаголов значительную часть составляют префиксальные словообразовательные варианты (см.: *приломать – переломать*, *признакомиться – познакомиться*, *зачинать – начинать* и пр.).

Словообразовательные варианты слова в говорах Владимирской области представлены широко:

березник – березняк;

ельник – ельняк;

хвойник – хвойняк – хвойный лес;

буреломник – бурелом – поваленные бурей деревья;

ветровальник – ветровал – поваленный бурей лес;

жерздянник – жердняк – жердинник – тонкий высокий лес;

иглишник – игольник – опавшая хвоя;

безлесина – безлесица – отсутствие лесов;

молодятник – молодняк – молодой лес;

окрайка – окраина – опушка леса;

вырубок – вырубка;

чащора – чащара – чащура – чаща;

черёмаха – черёмуха;

брусница – брусника – брусёна;

земляница – земляника – землянка;

гонобоб – гонобобель – голубика;

дуванчик – одуванчик;

репиха – репейник;

луговище – луговина – луг, богатый травами.

Особенно много словообразовательных вариантов слова в названиях разных видов грибов [10]:

берёзовик – подберёзовик;

волганица – волганка – волжанка – волженка – волнушка;

еловенник – еловик – груздь;

дождевик – поддождевик – гриб-дождевик;

желтуха – желтушка — лисичка;
козлёнок – козляк – масленок;
коровик – коровяк – белый гриб;
краснушка – краснуха – сыроежка;
маслёвик – маслей – маслёныш – маслюк – масляк – маслёнок;
мухояд – мухомор;
осинник – осиновик – подосиновик;
свинка – свинуха – свинарь – свинушка;
челыш – челышник – подосиновик.

В заключение по этому разделу следует отметить, что вариантные лексемы, как видно из примеров, во владимирских говорах чаще выделяются не по какому-то одному признаку (ударению, фонемному составу, грамматической характеристике, особенностям словообразования), а сразу по целому их комплексу.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ПО ТЕРРИТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ (В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ)

При описании диалектной лексики особого внимания заслуживает характеристика ее с точки зрения территории распространения (в ареальном аспекте).

«…Территория употребления слова» может иметь «широкий ареал, узкий ареал, точечный ареал» (т. е. слово может быть отмечено лишь в каких-то отдельных говорах русского языка) [3, с. 69].

В первом случае территорию употребления слова характеризуют с точки зрения его закрепленности за отдельным наречием русского языка (северным или южным) или за той или иной группой говоров.

Например, слова *квашня*, *ухват*, *ковш*, *сковородник*, *зыбка*, *озимь* и пр. известны на территории северного наречия; а слова *дяжа*, *рачач*, *чапля* (*чапельник*), *карец*, *люлька*, *зеленя* и пр. бытуют в южном наречии; слова *туес* − сосуд для жидкости, сделанный из бересты; *назём* − навоз; *кадца* – ручка цепа; *долонь* – площадка для молотьбы; *сеголеток* – жеребенок до одного года и др. отмечаются в говорах Вологодской группы северного наречия; слова *рачач* – ухват; *чапля* – сковородник; *запон* – фартук; *городьба* (*үърад’ба*) – изгородь; *воло-*

чить – бороновать; *к**о**чет* – петух; *гут**о**рить* (γуторит') – разговаривать; *добр**е*** – очень и пр. встречаются в говорах Восточной (Рязанской) группы южного наречия.

«Точечный ареал» – когда слово отмечено в отдельных говорах русского языка. Например, в лексике некоторых говоров Владимирской области известны слова: *бугров**и**к* [10] – белый гриб (Мур.), *глух**а**рь* – белый гриб (Кольч.); *коров**я**к* – белый гриб (Соб., Киржач.); *дедушкин таб**а**к* – гриб-дождевик (Вязн., Петуш., Г.-Хруст.); *нег**а**за* – плохая погода (Соб.) и пр.

И наконец, при характеристике диалектной лексики в ареальном аспекте некоторые исследователи выделяют и так называемую ***интердиалектную лексику***. Встает вопрос: что это такое? Единого ответа не существует.

По словам О.Н. Мораховской, интердиалектная лексика «представлена словами, входящими в различные наиболее древние ремесленно-промысловые терминологии, такие как ткачество, плотничье ремесло, рыболовство и др.» [7, с. 154].

Подобное определение интердиалектной лексики находим и в работе О.И. Блиновой: «Существуют и диалектные слова, не имеющие изоглоссы: это так называемые интердиалектные лексемы, обнаруженные в составе производственно-промысловой терминологии, в составе предметно-бытовой лексики и других словарных группах» [3, с. 68].

Однако при таком определении интердиалектной лексики встает вопрос: можно ли включать названные лексемы вообще в разряд диалектной лексики? Например, в словаре-справочнике Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой дано следующее определение понятия диалектное слово: «Решающим признаком принадлежности слова к диалектной лексике является *локальная ограниченность его употребления* (курсив наш. − *Р. К.*), т. е. наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык» [8, с. 20].

Исходя из этого, неверно относить к диалектной лексике слова, означающие специфические явления старой крестьянской жизни (этнографизмы) или местной природы.

Но, как считают некоторые лингвисты, диалектная лексика по своему составу неоднородна: «Среди лексических диалектизмов вы-

деляются две основные группы: диалектизмы этнографические и диалектизмы собственно лексические. <…>

Этнографические диалектизмы (курсив наш. − *Р. К.*) − это слова, называющие предметы, характерные для быта, хозяйства данной территории, данной местности. … Этнографический диалектизм – это местное название местной вещи. <…>

…*собственно лексические диалектизмы* (курсив наш. − *Р. К.*) – это местные названия общенародных вещей, явлений, понятий» [9, с. 126].

И такое членение диалектной лексики, на наш взгляд, вполне оправданно.

Исходя из сказанного, становится понятным и дополнение, сделанное О.И. Блиновой при определении понятия интердиалектная лексика:

«В составе собственно диалектной лексики выявлены так называемые «интердиалектные слова», зафиксированные в основных диалектных группах русского языка и характеризующиеся широким ареалом, например, *буздать* и его однокорневые *бузгать*, *buzd**о**нить*, *бузд**ы**кнуть*… в значениях: 1. «бить», 2. есть что-либо жидкое, хлебать» и пр.» [3, с. 177].

Следовательно, по словам О.И. Блиновой, к интердиалектной лексике следует относить не только «лексемы, обнаруженные в составе производственно-промысловой терминологии, в составе предметно-бытовой лексики…» [3, с. 68] и пр., но и любые диалектные слова, «характеризующиеся широким ареалом».

Диалектная лексика владимирских говоров при характеристике ее по территории распространения (в ареальном аспекте) представляет собой весьма сложное и многообразное явление. Последнее объясняется прежде всего особым местом, которое занимают владимирские говоры среди других говоров русского языка.

Владимирские говоры входят во Владимирско-Поволжскую группу говоров, которая по классификации МДК (карта 1915 года) является частью северновеликорусского наречия; по второй классификации (карта 1965 года) принадлежат к среднерусским восточным окающим говорам. Основой их языкового комплекса являются черты, присущие северному и южному наречию, северо- и юго-восточной диалектным зонам; кроме того, эти говоры разделяют и многие особенности говоров центра, с которыми тесно связаны исторически.

Исходя из сказанного, в ***диалектной лексике владимирских говоров*** выделяется:

1. Лексика северного наречия:

*б**а**бка* – малая укладка снопов в поле;

*б**а**ять* – говорить;

*баск**о**й* – красивый, хороший;

*борон**и**ть, боронов**а**ть* – разрыхлять бороной вспаханную землю в поле;

*г**у**бы* – общее название грибов (обычно съедобных);

*з**ы**бка* – колыбель, подвешиваемая к потолку;

*изб**а*** – деревянный крестьянский дом;

*квашн**я**, кваш**о**нка* – посуда для приготовления теста;

*ковш, к**о**вшик* – сосуд, которым черпают воду;

*молот**и**ло* – ручное орудие для молотьбы (цеп);

мост – помещение между жилой частью крестьянского дома и крыльцом;

*мураш**и*** – муравьи;

***о**зимь* – всходы ржи;

*сковор**о**дник* – приспособление для вынимания сковороды из печи;

*сусл**о**н* – малая укладка снопов в поле;

***у**повод* – период работы без перерыва;

***у**хват* – «род железных вил, которыми ставят в печь и достают горшки, чугуны» [4] и пр.

2. Лексика южного наречия:

брать – теребить лен;

*зелен**я*** – всходы ржи;

*к**о**чет* – петух;

*крест**е**ц* – малая укладка снопов в поле;

*л**ю**лька* – колыбель;

*од**е**нье*	– большая укладка снопов в поле;
*скор**о**дить*	– обрабатывать вспаханную землю бороной;
*стриг**у**н, стриг**а**н*	– жеребенок по второму году;
*треть**я**к*	– жеребенок по третьему году;
ток	– площадка для молотьбы;
цеп	– ручное орудие для молотьбы и пр.

3. Лексика, известная в среднерусских восточных окающих и акающих говорах (в том числе и в говорах Владимирско-Поволжской группы):

*бурел**о**м, бурел**о**мник, валеж*	– лес, поваленный бурей;
*взв**о**дистый лес*	– высокий лес с большими деревьями;
*дровн**я**к, дров**я**ник*	– нестроевой лес, идущий на дрова;
*ел**о**шник, елшн**я**к*	– ольховый лес;
*ел**а**нь, ял**а**нь*	– поляна в лесу;
*иг**о**льник*	– хвойный лес;
*корь**я**жник*	– кора ивы;
*лугов**и**ще*	– луг, богатый травами;
*мел**я**тник*	– мелкий лес, мелколесье;
*сосн**я**г*	– сосновый лес;
хмыз	– хворост, куча хвороста;
*чап**ы**га, чап**ы**жник, чащ**а**ра*	– густые заросли кустарника;
*брусёна, брусн**и**га*	– брусника;
*гоноб**о**б, гоноб**о**бель, голуб**и**га*	– голубика;
*грыж**о**вник*	– крыжовник;

*глух**а**рь, дубов**и**к, желт**я**к, коров**и**к, коров**я**к*	– белый гриб;
*бал**у**й, хол**у**й, холу**я**н*	– валуй;
*бер**ё**зовик, об**а**бок, чел**ы**ш*	– подберезовик;
*в**о**льенка, воль**я**нка, волг**а**нка, волг**а**ница, волж**а**нка, в**о**лженка, моч**у**жка*	– волнушка;
*желт**у**ха, желт**у**шка, зайч**у**шки, петушки*	– лисички;
*борови**и**к, ос**и**новик, кр**а**сик, красич**о**к, красноголо**в**ик*	– подосиновик;
*красн**у**ха, красн**у**шка, син**ю**ха, син**ю**шка, сыро**е**га, сыров**е**га, сыров**е**жка*	– сыроежка;
*д**а**рьины губы, дарь**ю**шка, дун**я**шка, д**у**ня, кор**о**вьи губы, матр**е**нины губы, руб**е**на, свин**а**рь, свин**у**ха*	– свинушка и пр.

4. Владимирская диалектная лексика:

*бук**е**ря*	– грибной нарост на дереве;
бревенник	– строевой лес;
*вискорн**я**к*	– дерево, вырванное с корнем;
*жерзд**я**нник*	– тонкий высокий лес;
*зарост**е**ль, куст**а**ра, мель**ё***	– мелкий низкорослый кустарник;
*кочк**а**ры, болотн**я**к*	– лес, растущий на болоте;

прибрежник, бережник	– лес, растущий по берегам рек;
лахтина	– поляна в лесу;
саранка	– дерево с сухой вершиной;
урёма	– густой, непроходимый лес;
кочкарник	– болото, покрытое кочками;
мшара	– болото, поросшее мхом;
лящина, щереда	– трава, выросшая на болоте;
репиха	– репей;
черемаха	– черемуха;
черёма	– ягода черемухи;
шипига	– плод шиповника;
бугровик	– белый гриб;
балуй, кубышка, кулак, собачий гриб, холуй, холуян	– валуй;
волчий табак, дедушкин табак, пастуший табак, медвежьи бани, белоснежка, дымовик, пылевик, пухлянка, шапок	– гриб-дождевик;
маслевик, маслей, маслёна, масленыш, маслюк, масляк, лупленник, сопливик, сосновик, сосновяга	– масленок;
могильник, молоканка, поросячий гриб, собачий гриб, дурной гриб, поганец, поганыш	– поганка;

*мухо**я**д, мухотр**а**вка*	– мухомор;
*ос**и**нка, ос**и**нник, красн**у**шка, чел**ы**ш, красный чел**ы**ш*	– подосиновик;
*бер**е**зовый гриб, громов**и**к, ж**а**гра, трут, тр**у**тень, ч**а**га*	– гриб-трутовик;
*г**у**бы, нав**о**зные г**у**бы, шепиён, шпи**о**н*	– шампиньон;
*исп**е**ка*	– засуха;
*нег**а**за*	– плохая погода;
*дрязг**а***	– мокрый снег с дождем;
*лепн**я***	– мокрый снег;
*молод**о**к*	– молодой месяц;
*зар**я**нка*	– первая звезда;
*з**а**мерки, перв**а**к*	– первый снег;
*об**о**чень*	– боковой ветер;
*встречн**я**к*	– встречный ветер;
*путн**я**к*	– попутный ветер;
*нept**у**н*	– холодный, северный ветер;
*бураг**а**н*	– сильный ветер;
*гам**е**ть*	– говорить громко;
*ротов**а**ть*	– много, неприятно говорить и пр.

5. Интердиалектная лексика.

Выделение интердиалектной лексики в составе диалектной лексики любого говора − задача непростая. Это прежде всего связано с тем, что для решения ее нужна соответствующая материальная база: областные словари, в которых была бы отражена лексика основных диалектных групп русского языка.

К сожалению, в настоящее время мы располагаем лишь некоторыми из нужных нам словарей, что совершенно недостаточно для решения поставленной задачи.

Кроме того, к настоящему времени автором изучена лишь лексика, собранная для ЛАРНГ по теме «Природа» («Растительный мир», «Животный мир», «Ландшафт», «Метеорологические явления»).

Поэтому, выделяя интердиалектную лексику, мы называем лишь некоторые примеры:

*колд**о**бина* (яма, впадина на дороге)	– Орл., Ворон., Брян., Пенз., Ряз., Тул., Калуж., Смол., Пск., Твер., Костр., Яросл., Свердл.
*боч**а**г* (глубокое место в реке)	– Моск., Твер., Яросл., Нижег., Волог., Калуж., Костр., Ворон.

Библиографические ссылки

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966. 608 с.

2. Русская диалектология / под ред. П. С. Кузнецова. М. : Просвещение, 1973. 279 с.

3. *Блинова О. И*. Введение в современную региональную лексикологию : материалы для спецкурса. 2-е изд., испр. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. 258 с.

4. *Филин Ф. П*. Проект словаря русских народных говоров. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 198 с.

5. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. 2-е изд., стер. М. : Наука, 1965. 306 с.

6. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М. : Высш. шк., 1972. 302 с.

7. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М. : Просвещение, 1989. 224 с.

8. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1976. 399 с.

9. *Калинин А. В.* Лексика русского языка. М. : Изд-во МГУ, 1971. 231 с.

Глава 3

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА. МЕСТО ВЛАДИМИРСКИХ ГОВОРОВ СРЕДИ ДРУГИХ ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

ДВЕ КЛАССИФИКАЦИИ ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

«Вопрос о диалектном членении языка, т. е. об установлении группировки или классификации его говоров, может не один раз подниматься в истории диалектологии данного языка, так как принципы и методы членения диалектов самым непосредственным образом связаны с уровнем разработки диалектных данных» [1, с. 7]. Этим объясняется, что и русская диалектология в настоящее время располагает двумя классификациями говоров русского языка.

До 1960-х годов во всех работах по русской диалектологии использовалось то деление русского языка на наречия и группы, которое впервые было предложено в 1915 году в «***Опыте диалектологической карты русского языка в Европе***», составленном членами Московской диалектологической комиссии [2].

В 1930 − 40-е годы, особенно в послевоенный период, нашими диалектологами была проведена большая работа по обследованию говоров русского языка на территории европейской части СССР с целью накопления материалов для диалектологического атласа русского языка. Обработка собранных материалов и их картографирование дали возможность нашим ученым-диалектологам разработать новую классификацию говоров русского языка, точнее − новое диалектное членение русского языка [1, с. 18], в результате чего в 1965 году появилась «***Диалектологическая карта русского языка***».

Сравним эти классификации говоров русского языка и соответственно две карты, отражающие диалектное членение русского языка: «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (1915) и «Диалектологическую карту русского языка» (1965).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «ОПЫТА ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЕВРОПЕ» (КАРТА 1915 г.) И СОВРЕМЕННОГО ЧЛЕНЕНИЯ ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (КАРТА 1965 г.)

Сведения об исходных материалах, использованных при разработке сравниваемых карт

«Одной из важнейших предпосылок, во многом определяющих различия между рассматриваемыми картами, является разница в том исходном материале, который имели в своем распоряжении составители той и другой карты. <…> Материалом при составлении «Опыта...» послужили ответы на программы (анкеты − *Р. К.*), собранные Московской диалектологической комиссией в начале XX века» [1, с. 26 − 27; 3]. Материалы поступали «…преимущественно от корреспондентов-неспециалистов, чаще всего от представителей различных слоев сельской интеллигенции − учителей, врачей, духовенства» [1, с. 27].

Ответы на анкеты после их соответствующей обработки и некоторых контрольных экспедиций, совершенных членами МДК, и стали основой для составления «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе».

«Для собирания материалов не была предусмотрена какая-либо определенная сетка населенных пунктов, в связи с чем и сложилось такое положение, что, как писали авторы «Опыта...», «есть местности, о говорах которых мы ничего или почти ничего не знаем, тогда как из других имеется надежный и обильный материал» [1, с. 27].

Основой для карты 1965 года послужили атласы русских народных говоров, в которых представлены результаты изучения диалектных различий русского языка методами лингвистической географии.

Сбор материалов для атласов производился по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» специалистами-филологами.

Материалы, собранные по новой программе, обрабатывались в Институте русского языка Академии Наук СССР применительно к каждому соответствующему явлению. «Программа…» предусматривала методику собирания материала путем организации непосред-

ственных наблюдений над повседневной речью типичных представителей данного говора и обследование населенных пунктов по определенной сетке с радиусом между населенными пунктами в 18 − 20 км, причем такая сетка была разработана в одном центре − в Институте русского языка, где осуществлялся и отбор населенных пунктов, говор которых предстояло изучать: выбирались деревни и села, исконные на данной территории, население которых не являлось пришлым. «Таким образом, при подготовке карты 1965 года имелась возможность опираться на данные о говорах русского языка, собранные систематически и изученные методами лингвистической географии» [1, с. 29].

Охват территории распространения говоров русского языка при установлении его диалектного членения. Говоры раннего и позднего формирования. Границы с близкородственными языками

В «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» на карту были нанесены границы современных восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского) и показано членение каждого из них на наречия и группы говоров. Украинский и белорусский языки, в соответствии со взглядами того времени, были представлены на карте в виде наречий русского языка.

На территории, занимаемой русским языком, были выделены два основных русских (великорусских − по старой терминологии) наречия − северновеликорусское и южновеликорусское, между которыми была намечена полоса переходных говоров − средневеликорусских. Наречия в свою очередь делились на группы говоров.

Таким образом, авторы этой карты картографировали не отдельные языковые явления, а целые языки, наречия и говоры, т. е. они, по существу, выполнили задачу, поставленную И.И. Срезневским за 65 лет до выхода карты.

На карте 1965 года представлено членение говоров только на территории центральных областей европейской части СССР. Это объясняется тем, что при изучении говоров русского языка методами лингвистической географии в распоряжении ученых оказались данные, свидетельствующие о разной природе говоров центральных областей сравнительно с говорами восточных и северных территорий

Восточной Европы. Карты атласов показывают, что определенность очертаний ареалов (зон, в которых распространено изучаемое явление) и размещения изоглосс (линий, которые соединяют на карте точки с одинаковыми языковыми явлениями или очерчивают эти явления) наблюдается лишь в центральных областях территории европейской части СССР (где восточнославянское население исконно), сменяясь в восточном и юго-восточном направлениях, примерно по нижнему течению рек Волги и Дона (где это население сложилось лишь в XVI − XVII веках), пестротой в размещении мелких ареалов, а также наличием разорванных или образующих замкнутые кривые изоглосс.

По мнению современных исследователей, такой характер размещения языковых явлений не случаен, а объясняется историей сложения диалектов русского языка. Диалекты русского языка как его устойчивые территориальные разновидности складывались в довольно ранний период, еще до заселения названных выше восточных территорий. Здесь, на исконной территории, где русское население образует сплошной массив, сложились и развились те языковые явления, которые находят свое выражение на картах диалектологических атласов в виде определенно очерченных ареалов и изоглосс. Этого не наблюдается в говорах на территории более позднего заселения: там преимущественно повторяются черты тех диалектов, с территории которых вышли носители данных говоров. Исходя из всего сказанного, авторы карты 1965 года считали «целесообразным и внутренне оправданным установить основную группировку говоров русского языка применительно к той территории, на которой первоначально, в основном еще до XV века, складывались русские диалекты и где современные говоры в наибольшей степени связаны с диалектными объединениями предшествующего периода, а вопрос о членении или классификации говоров позднего формирования решать особо» [1, с. 31].

Выделение основных единиц диалектного членения при подготовке сравниваемых карт

Авторы «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» (1915) «…не формулируют специально своего отношения к синхронному и генетическому подходу при установлении диалектно-

го членения языка. Однако изучение предлагаемого ими членения показывает, «что фактически при выделении диалектных объединений они преимущественно опирались на характер распространения отдельных, по разным соображениям избираемых ими языковых черт и лишь в одном случае, а именно при выделении средневеликорусских говоров, привлекали соображения генетического характера» [1, с. 36].

Авторы «Диалектологической карты русского языка» (1965) при выделении диалектных объединений и установлении границ между ними основывались на систематическом изучении всех фактов лингвистического ландшафта (под ***лингвистическим ландшафтом*** понимается вся совокупность известных для данного языка изоглосс и характер их расположения на территории языка) русского языка и на систематизации этих фактов соответственно с выявившимися закономерностями распространения языковых явлений, причем при выделении единиц диалектного членения последовательно выдерживался синхронный подход. Проведенное на основе современных данных изучение закономерностей лингвистического ландшафта русского языка привело к установлению диалектного членения, отличающегося в ряде отношений от того, которое представлено на карте 1915 года.

«Существенно, что такие различия, − как указывают К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова, − касаются прежде всего самого принципа выделения диалектных объединений. Наблюдаются отличия и в общей номенклатуре выделенных величин диалектного членения, и в определении пределов территориального распространения тех объединений, которые в общем имеются на обеих картах, а также различия в составе языковых комплексов тех объединений, которые могут быть сопоставлены при сравнении обеих карт» [1, с. 36 − 37].

Принципы выделения наречий и групп говоров. Различия в охвате ими территории

Наречия северновеликорусское и южновеликорусское на карте 1915 года и севернорусское и южнорусское на карте 1965 года, а также средневеликорусские или среднерусские говоры имеются на обеих сравниваемых картах, но принципы их выделения и охват ими территории не одинаковы.

В «Опыте...» в основу классификации были положены прежде всего некоторые фонетические черты с добавлением отдельных морфологических особенностей. Это объяснялось, во-первых, тем, что синтаксис и лексика говоров в прошлом были изучены слабо, а во-вторых, и тем, что русский язык представляет собой очень тесное единство и говоры его гораздо ближе друг к другу и к литературному языку, чем, например, говоры любого западноевропейского языка. Поэтому при изучении говоров русского языка в первую очередь и выделялись именно фонетические различия.

При определении двух основных наречий русского языка, северновеликорусского и южновеликорусского, первоначально учитывались три основные (опорные) черты: две из них фонетические (одна − в области гласных, другая − в области согласных) и одна морфологическая − это произношение /о/ в неударном слоге, произношение /г/ и наличие твердого или мягкого /т/ в окончании глаголов 3-го л. настоящего или будущего (простого) времени глаголов.

Так, северновеликорусское наречие было выделено на основании оканья, смычно-взрывного образования /г/ и твердого /т/ в окончании 3-го л. глаголов; южновеликорусское наречие − на основании аканья, фрикативного образования /γ/, мягкого /т̕/ в 3-м л. глаголов; средневеликорусские говоры определялись как совмещающие признаки того и другого наречия: сочетающие аканье с употреблением /г/ смычно-взрывного образования и твердого /т/ в окончании глаголов 3-го л.

К этим опорным чертам авторы «Опыта...» в дальнейшем присоединили некоторые другие, в основном также фонетические, с некоторым добавлением морфологических, образующих в сочетании с опорными характеристики того или другого из названных диалектных объединений [4, с. 142, 148 − 149].

Что же касается выделения групп говоров в пределах каждого из наречий, то оно производилось, как и при вычленении наречий, на основе отдельных, избираемых авторами «Опыта...» для этой цели языковых черт. Так, группы говоров в пределах северновеликорусского наречия выделялись на основе учета различий в судьбе ст. Ѣ, а членение южновеликорусского наречия основывалось на различных типах яканья в I предударном слоге.

На карте 1965 года наречия − самые крупные величины в системе диалектного членения − связаны с попарным делением территории русского языка на основе сочетаний ареалов (областей распространения) диалектных явлений, выделяющих две наиболее значительные территориальные величины: одну − на севере, другую − на юге, в пределах европейской части СССР. Территория каждого из наречий выделяется в той части северного и южного подразделений, где совмещаются ареалы всех диалектных явлений северной и южной локализации. Граница каждого из наречий как раз и проводится по линии такого совмещения.

Таким образом, «территории наречий определяются как такие, на которых совмещаются основные части ареалов всех характерных для данного наречия явлений и на которых исключено распространение членов соответственных явлений, характерных для противоположного наречия. Тем самым отрицается возможность проведения границ наречий по какой-либо отдельно взятой черте. В качестве границы наречия принимается та условная и неизбежно огрубляемая при ее проведении линия, за пределы которой ареалы одних характерных для наречий явлений не выходят вовсе, а окраинные части ареалов других явлений распространены в разной степени» [1, с. 40].

Говоры же, расположенные в пределах выделяющейся таким образом между наречиями территории, характеризующейся взаимоналожением изоглосс, определяются как среднерусские именно на основании принципиально обязательного соединения в их системах черт наречий.

Существенно, что в пределах среднерусских говоров распространены говоры, находящиеся в разной степени близости к каждому из наречий. Но разнородность среднерусских говоров, сложившихся на территории наиболее оживленных и давних междиалектных контактов в пределах данного языка, как раз и является характерной и органически присущей им чертой.

При таком подходе к определению территории наречий и среднерусских говоров практически сужается территория северного наречия, а расширяется (ср. с картой 1915 года) территория среднерусских говоров в северном и северо-западном направлении. Это объясняется тем, что часть окающих, ранее северновеликорусских, говоров, на территории которых известны черты южных диалектных объединений, включается в число среднерусских.

Именно этими чертами отличаются говоры Владимирско-Поволжской и Западной групп, которые на карте 1915 года были отнесены к северновеликорусскому наречию, а на карте 1965 года включены в состав среднерусских говоров.

Территория южного наречия на карте 1965 года больше, чем территория южновеликорусского наречия на карте 1915 года (многие говоры, определяемые в «Опыте...» как белорусские или как «переходные от белорусских к южновеликорусским», на карте 1965 года включены в состав южного наречия).

Выделение основных групп говоров в пределах наречий на карте 1965 года проводилось по наличию достаточно определенных и далее нечленимых сочетаний ареалов собственно местных явлений, часть из которых являлась структурными разновидностями явлений, свойственных в общем виде наречию или диалектной зоне.

В связи с этими различиями в подходе к выявлению групп говоров и сам состав групп говоров на сравниваемых картах оказался различным (ср. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (1915) с «Диалектологической картой русского языка» (1965)).

Однако авторы карты 1965 года не стремились создавать новые названия групп говоров в тех случаях, когда выделившиеся группы оказывались примерно на сходных территориях, «хотя совпадение названий отдельных групп не свидетельствует о том, что положение этих групп в системе членения или самые характеристики их языковых комплексов являются идентичными» [1, с. 45 − 46].

Диалектные зоны

Основными единицами диалектного членения как в классификации 1915 года, так и 1965 года являются наречия и группы говоров. Однако в новой классификации, кроме этих основных диалектных объединений, выделены вспомогательные − диалектные зоны.

Диалектные зоны, как и наречия, ***связаны с членением территории языка в целом***. Они выделяются на основе таких сочетаний ареалов, которые охватывают значительные части территории безотносительно к ее разделению на наречия и среднерусские говоры, при этом большая часть сочетаний ареалов, выделяющих каждую из основных зон, остается в пределах наречий, лишь частично охватывая территорию среднерусских говоров [1, с. 22 − 24, 82 − 108].

Оценка первой и второй классификаций

Основные недостатки «Опыта...» − ее значительная условность, неполнота, недостаточная обоснованность выделения некоторых групп говоров − были замечены лингвистами сразу же после ее опубликования. Однако эти недостатки в тот период были неизбежны, так как «объяснялись общим уровнем диалектологических изучений того времени, предоставляющих в распоряжение авторов материалы, собранные неспециалистами, недостаточные для суждения о характере распространения каждого отдельно взятого явления и его разновидностей, и, что весьма существенно, неравномерные: из одних местностей – значительные, из других − скудные» [1, с. 8 − 9].

Следует также учесть, что к моменту составления «Опыта...» лишь ограниченное количество диалектных явлений было изучено с точки зрения их территориального распространения. Этим объясняется, что классификация была построена на очень небольшом числе диалектных (по преимуществу фонетических) признаков. По существу, карта 1915 года отражала не столько границы наречий и говоров, названных авторами, сколько границы отмеченных ими фонетических явлений.

Кроме недостатка материалов, в «Опыте...» отражено и отсутствие внутренне единого подхода к выделению диалектных объединений: в ряде случаев наблюдается смешение синхронной и исторической точек зрения, стремление к установлению отправной точки и направления развития, совершаемого теми или иными группами говоров, особенно при характеристике переходных говоров.

Сами авторы «Опыта...» свою работу считали предварительной «...попыткой установить известные диалектические группы русских говоров и картографировать их», об этом свидетельствует и название выпущенного ими труда («Опыт...») [1, с. 7]. Однако, несмотря на все перечисленные недостатки, положительное значение «Опыта...» очень велико. Имевшаяся в «Опыте...» группировка говоров давала ориентировку в главнейших территориальных разновидностях русского языка, и поэтому не случайно на протяжении длительного периода она была основой последующих диалектологических изучений и построения курсов русской диалектологии.

Необходимо подчеркнуть также и то, что «авторы «Опыта...» осуществили диалектное членение русского языка по собственно язы-

ковым признакам [1, с. 8], причем сам состав предложенных ими диалектных единиц – «наречия, разделенные на группы говоров, а также средневеликорусские говоры с их подразделениями – был намечен в «Опыте...» с должным основанием» [1, с. 7 – 8].

«Не следует забывать также, – читаем мы в работе К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, – что «Опыт...» вышел в тот период, когда в западноевропейской лингвистике распространилось отрицательное отношение к самому существованию диалектных объединений, доказывалось, что существуют только границы отдельных языковых явлений – изоглоссы, а сочетание изоглосс образует своего рода хаос.

В «Опыте...» было показано диалектное членение русского языка и та иерархия, которая существует между отдельными единицами в пределах этого членения» [1, с. 8].

Новая классификация (точнее, диалектное членение, группировка) говоров русского языка построена на принципиально новых по своему характеру материалах, полученных в результате проведенного во второй половине XX века систематического изучения говоров русского языка методами лингвистической географии.

Данные лингвистической географии дали возможность выявить объективные закономерности территориального распространения диалектных различий, определяющие систему противопоставления территориальных величин, и применить внутренне единый принцип к характеристике любых компонентов, образующих структуру говоров русского языка. Территориальные объединения говоров различаются по наличию в каждом из них характерного целостного языкового комплекса, включающего явления, относящиеся к разным сторонам языка (фонетике, грамматике, лексике) и имеющие разную значимость в его структуре [7, с. 242 – 246].

Однако, несмотря на все преимущества новой классификации (группировки) говоров перед старой (1915), и эта классификация имеет ряд недостатков. Самый существенный из них связан с охватом территории при установлении диалектного членения: авторы новой классификации ограничивают ареалы исследуемых говоров, рассматривая лишь те из них, которые отнесены ими к так называемому «раннему» формированию (образовались в период до XV в.). Говоры же, которые квалифицируются как говоры «позднего» формирования,

вовсе не вошли в новую классификацию (говоры Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Нижнего Придонья, Северного Кавказа и др.).

Таким образом, одной из важнейших задач для наших диалектологов по-прежнему остается составление точной классификации русских говоров, в которой нашли бы отражение диалекты − распространенные на всей территории, занимаемой русским языком в европейской и азиатской частях России.

МЕСТО ВЛАДИМИРСКИХ ГОВОРОВ СРЕДИ ДРУГИХ ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА ПО СТАРОЙ И НОВОЙ КЛАССИФИКАЦИЯМ

По старой классификации по наличию оканья, взятого во всех его разновидностях, выделялись говоры северновеликорусского наречия в его «чистом» виде, а по наличию фрикативного /γ/ − говоры южновеликорусского наречия; говоры средневеликорусские определялись как сочетающие аканье с употреблением /г/ смычно-взрывного образования. На основе этого владимирские говоры (говоры окающие, с произношением смычно-взрывного /г/) были отнесены к северновеликорусскому наречию и выделены (по особенностям произношения на месте ст. Ѣ) во Владимирско-Поволжскую группу говоров.

По новой классификации говоры Владимирско-Поволжской группы (в том числе и владимирские) стали относить к среднерусским говорам. Это объясняется прежде всего тем, что в современной лингвистической науке изменилось само понятие «среднерусские говоры», а вместе с этим и охват территории ими.

«Среднерусскими, по мнению современных исследователей, являются говоры той территории, на которой совмещаются окраинные части ареалов явлений, порознь характерных для наречий русского языка» [7, с. 265 − 266].

Иными словами, среднерусские говоры выделяются на территории, расположенной между наречиями, где сосуществуют черты северного и южного наречия.

Именно сосуществованием в их системах разнодиалектных элементов, вступающих на разных частях территории, занимаемой этими говорами, в самые разнообразные сочетания, и определяется их специфика.

В связи с этим при определении говоров как среднерусских не отдается предпочтения сочетанию отдельных черт наречий, распространенных в их пределах, как это имело место в «Опыте...», где средневеликорусскими считались лишь говоры, соединяющие аканье с произношением /г/ смычно-взрывного образования. К среднерусским в настоящее время относятся и окающие говоры, которым свойственен ряд черт южного наречия, и акающие говоры, в которых встречаются черты северного наречия.

Из числа черт наречий лишь немногие охватывают сплошь всю территорию среднерусских говоров. Укажем эти черты:

1) смычно-взрывное образование заднеязычной фонемы /г/ и ее чередование с /к/ в конце слова и слога: *но[г]а − но[к]* (черта северного наречия);

2) совпадение гласных неверхнего подъема /а/, /о/ в одном звуке типа [а] или [ъ] во втором предударном слоге и в заударных слогах: *г[ъ]лова, з[ъ]болел; гор[ъ]д, выд[ъ]л; над[ъ], дом[ъ]* (черта южного наречия);

3) явления, касающиеся звукового выражения флексий определенных морфологических категорий:

а) безударное окончание *-ы* у существительных ср. р. в форме им. п. мн. ч.: *п'атн[ы], окн[ы]* и т. п.;

б) склонение существительных «дедушка», «мальчишка» по типу существительных I склонения;

в) возможность совпадения безударных окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжения: *паш[у]т, прос'[ут]* и т. п. (черты южного наречия);

4) распространение некоторых слов из числа характерных для северного наречия: *квашня − квашонка* (сосуд, в котором приготавливают тесто), *ухват* (приспособление для доставания горшков из печи), *ягнилась, янилась, яннилась* (оягнилась − об овце), *погода* (в значении «плохая погода») и т.п.

По новой классификации (карта 1965 года) среднерусские говоры прежде всего делятся на западные и восточные (деление на карте − по вертикали).

Деление среднерусских говоров на западные и восточные определяется тем, что на территории каждой из этих частей распространен характерный именно для нее круг черт из числа присущих северному

и южному наречиям, а также тем, что на их территории распространены черты разных диалектных зон [1, с. 152 − 154]: на территории западных среднерусских говоров − западной, северо-западной и юго-западной, а на территории восточных − восточной, северо-восточной и юго-восточной диалектных зон, а также явлений, свойственных центральным говорам.

Владимирские говоры относят к восточным среднерусским говорам. Наиболее общими отличительными чертами языкового комплекса восточных среднерусских говоров, взятых в целом, является иной состав черт северного и южного наречий, чем в западных среднерусских говорах; распространение (хотя и в различной степени) окраинных частей ареалов юго-восточной зоны; наличие многих явлений, характерных для говоров центрального типа. Вот некоторые ***разнодиалектные черты***, сочетающиеся в пределах распространения восточных среднерусских говоров:

1) наличие сочетания [бм] (южное наречие);

2) наличие конечного сочетания [ст] (южное наречие);

3) особенности в произношении отдельных слов: возможность произношения со вставным гласным слов *п/ъ/шеница* (южное наречие), *с/ъ/мородина*, *п/ъ/шено* (юго-восточная зона);

4) различение форм дат. и тв. п. мн. ч. прилагательных и существительных (южное наречие);

5) образование форм тв. п. мн. ч. существительных с окончанием *-ми* в случаях типа *гру/д'ми/, сле/з'ми/* и под. (юго-восточная зона);

6) распространение форм мн. ч. кратких прилагательных с окончанием *-и*: *сыти* и др. (юго-восточная зона);

7) распространение стяженных форм прилагательных и глаголов: *молода, красна; молоду, красну; молоды, красны; делат*, *знат* и т. п. (северное наречие);

8) распространение форм им. п. мн. ч. существительных *волк, вор* с ударением на основе: *в**о**лки, в**о**ры* (северное наречие);

9) наличие следующих форм ед. ч. личных и возвратного местоимений: род. − вин. п. − *мен'/а/, теб'/а/, себ'/а/* наряду с *те/йа/, се/йа/;* дат. − предл. п. − *мн'/е/, теб'/е/, себ'/е/* (северное наречие).

10) распространение следующих слов: *мост* − «сени» (северо-восточная зона); *стриган, стригун* − «жеребенок по второму году», *третьяк* − «жеребенок по третьему году» (юго-восточная зона);

брать − «теребить» (о льне) (южное наречие); *брезговать* − в том же значении, что и в литературном языке (северное наречие); *баять* − «разговаривать» (северное наречие) и т. д.

Второе весьма существенное членение среднерусских говоров по новой классификации − это разделение их (деление на карте 1965 года по горизонтали) на акающие и окающие на основе очертаний изоглосс различения и неразличения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге. В соответствии с этим делением владимирские говоры относят к восточным среднерусским окающим говорам.

Среднерусские говоры, расположенные на разных частях занимаемой ими территории, различаются также по степени оформленности, организованности их системы. «Это зависит от моментов исторического характера, от времени сложения данных говоров, от того, в какой мере разнодиалектные по происхождению черты подвергались в них трансформации, и от того, имеются ли на территории рассматриваемой части среднерусских говоров только ей присущие черты, обязанные своим возникновением междиалектному взаимодействию, и каков круг этих черт.

На основе этого рода предпосылок в пределах среднерусских говоров выделяется несколько достаточно определенных по наличию характерного для них языкового комплекса групп говоров» [1, с. 81].

Специфический комплекс языковых черт имеется на территории восточных среднерусских окающих говоров. Его распространение позволяет всю территорию этих говоров рассматривать как одну Владимирско-Поволжскую группу, в которую входят и наши владимирские говоры.

ВЛАДИМИРСКО-ПОВОЛЖСКАЯ ГРУППА ГОВОРОВ

Владимирские говоры по старой классификации (карта 1915 года) были отнесены к северновеликорусскому наречию и выделены во Владимирско-Поволжскую группу говоров, которая охватывает южную часть северновеликорусского наречия. В восточной части, а именно за нижней Волгой, говоры этой группы заходят далеко на юг.

В ***фонетическом отношении*** эти говоры характеризуются следующими чертами [4, с. 146 − 147]:

1. На месте ст. /Ѣ/ под ударением является /е/ и перед твердыми, и перед мягкими согласными, как в литературном языке (перед мяг-

кими согласными это /е/ носит несколько более закрытый характер, как и /е/ на месте старого /е/, что вообще обычно и для литературного языка). Впрочем, исследования последнего времени показали, что на территории Владимирско-Поволжской группы встречаются говоры и с /ê/-закрытым на месте /Ђ/, и говоры с /и/ на месте /Ђ/ в положении перед мягкими согласными (известны здесь и такие говоры, где перед мягкими согласными /и/ является не только на месте /Ђ/, но и старого /е/, а также старого /ь/, например: */д'ин'/* – «день», */арт'ил'/* – «артель» и т. д.).

2. В большинстве говоров этой группы в предударном слоге на месте /е/ и /Ђ/ перед твердыми согласными является /о/ после мягкого согласного, например: */н'осу/, /п'отух/.* Но встречаются здесь и такие говоры, где ст. /е/ и старое /Ђ/ в этих условиях различаются: на месте старого /е/ произносится /о/, а на месте ст. /Ђ/ – /е/, говорят, например, */н'осу/*, но */п'етух/.*

3. В части говоров /а/ между мягкими согласными изменяется в /е/, в части же говоров сохраняется.

4. В одной части говоров распространено цоканье, но в другой /ц/ и /ч/ различаются, причем твердое /ц/ в различных положениях сохраняется без изменения.

5. В морфологическом отношении в части говоров наблюдается совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных в форме с окончанием -*ам*, в части же говоров тв. п. образуется с окончанием -*ами*, как в литературном языке.

6. Род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений м. и ср. р. имеет окончания -*ово*, -*ова*.

В значительной части владимирско-поволжских говоров наблюдается так называемое ***неполное оканье***, т. е. гласные /о/ и /а/ отчетливо различаются, помимо ударного положения, лишь в первом предударном слоге, в остальных же слогах в большинстве случаев на месте /о/ и /а/ является редуцированный гласный.

В начале слова во II предударном слоге (и еще далее от ударения) на месте /о/ в этих говорах наблюдается /у/, т. е. говорят */угорот/* – «огород», */утопри/* – «отопри» и т. д. [4, с. 146 – 147].

Эти говоры в старой лингвистической литературе принято называть говорами с намечающейся переходностью, так как в прежнее время лингвисты считали, что редукция в безударных слогах, кроме

I предударного, проникает в эти говоры под влиянием соседних акающих говоров. Однако, как показали последующие наблюдения, редукция в этих говорах в указанных условиях могла развиться и независимо от воздействия акающих говоров.

Владимирские говоры по новой классификации (карта 1965 года) также выделяются во Владимирско-Поволжскую группу говоров, но она относится уже не к севернорусскому наречию, а к среднерусским говорам (восточным среднерусским окающим говорам).

Основой языкового комплекса Владимирско-Поволжской группы говоров являются черты, характерные для всех среднерусских говоров, всех восточных среднерусских говоров, а также некоторые черты, присущие северному и южному наречию, северо- и юго-восточной зонам; кроме того, говоры Владимирско-Поволжской группы разделяют все особенности говоров центрального типа.

В состав языкового комплекса, характерного для говоров Владимирско-Поволжской группы, входят следующие ***черты***:

1. Неполное оканье, т. е. четкое различение /о/ и /а/ в I предударном слоге и возможность неразличения гласных во II предударном и заударных слогах после твердых согласных: */мълоко/, /дъл 'око/, /в горъде/, /горът/* или */горат/*; */надъ/* или */нада/.*

2. Полное различение гласных /а/, /о/, /е/ в I предударном слоге после мягких согласных перед твердыми: */н 'осу/, /река/, /пр'аду/* и частичное неразличение их в положении перед мягкими согласными: */неси/*, */к реке/, /пр'ади/*.

3. Результаты последовательного перехода е > о после мягких согласных перед следующими твердыми согласными: */л'от/, /ов'ос/, /бер'оза/, /йолка/, /кот'ол/*, */нес'ом/, /вед'ом/.*

4. Произношение /у/ в соответствии с /о/ во II предударном слоге в абсолютном начале слов: */утопри/, /угурцы/, /утн'ала/.*

5. Смычно-взрывное образование заднеязычной звонкой фонемы /г/ и ее чередование с /к/ в конце слова и слога: */нога/ − /нок/, /луга/ − /лук/, /нокти/.*

6. Различение аффрикат */ч'/* и /ц/: */ч'асто/, /чисто/, /часы/; /отец/, /мълодец/, /целъй/, /цена/,* но встречаются и элементы твердого цоканья.

7. Наличие долгих мягких шипящих /*ж'*/ и /*ш'*/, но встречаются и /*ж*/, /*ш*/: */ш'ука/, /йаш'ик, /ш'отка/, /вожи/,* но и */шука/, /йашык/, /шотка/, /вож¯ы/.*

8. Произношение /т' − д'/ в соответствии с /к' − г'/ перед гласными переднего ряда как в корнях, так и на стыках морфем: */рути/, /ноди/, /тисел'/*, /*ден'ди*/.

9. Формы род. п. ед. ч. с окончанием *-е* у существительных ж. р. I склонения с основой на твердый согласный: */у жене/, /у сестре/.*

10. Склонение существительных «дедушка», «мальчишка» по типу существительных I склонения.

11. Безударное окончание *-ы* у существительных ср. р. в форме им. п. мн. ч.: */п'атны/, /окны/.*

12. Формы род. п. мн. ч. с окончанием *-ей* от существительных «палец», «заяц»: */пал'цей/, /зайцей/.*

13. Различение форм дат. и тв. п. мн. ч. прилагательных и существительных.

14. Совпадение форм тв. и предл. п. прилагательных и притяжательных местоимений в форме с окончанием *-им (-ым)*: */с худым/, /в худым/; /с моим /, /в моим/* или в форме с окончанием *-ем*: */с худем/, /в худем/; /с мойем/, /в мойем/.*

15. Стяженные формы прилагательных и глаголов, отражающие конечный результат утраты / j / в интервокальном положении с последующей ассимиляцией и стяжением гласных: */молода/, /красна/, /молоду/, /красну/, /молоды/, /красны/; /делат/, /знат/, /делаш/, /знаш/.*

16. Формы род. − вин. п. ед. ч. личных местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного: */мен'а/, /теб'а/, /себ'а/* наряду с /*тейа/, /сейа/.*

17. /т/ в окончании глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего и будущего простого времени изъявительного наклонения: /*ид'от/, /идут*/, */нес'от/, /несут/.*

18. Возможность совпадения безударных окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжения: */пишут/ − /прос'ут/.*

19. Парадигмы настоящего времени глаголов с основой на заднеязычный с чередованием заднеязычного и шипящего согласных: */п'оку/ − /печеш/,* но отмечены и формы типа */могош/, /могот/, /могут/, /пекош/, /некот/, /пекут/.*

20. Твердость согласного /с/ в возвратной частицей глаголов: */бойус/, /бойуса/, /бойалса/.*

21. Употребление согласуемых постпозитивных частиц: */в **ы**збу-ту/, /с**а**хару-ту/, /мужык**у**-ту/; /д**е**фки-ти/, /с**о**ли-ти/, /у сестр**ы**-ти/.*

22. Названия ягод с суффиксом -*иг*-: */земл'анига/, /чернига/.*

23. Наличие определенных лексических элементов. Распространение таких слов, как *квашня − квашонка; ухват; ягнилась, погода* (в значении «плохая погода»), *сковородник, мост* − «сени», *стриган, стригун* − «жеребенок по первому году», *третьяк* − «жеребенок по третьему году», *брезговать, баять* − «разговаривать», *петь* − в том же значении, что и в литературном языке [1, с. 154 − 158].

ГОВОРЫ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ (КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Говоры Владимирской области относятся к Владимирско-Поволжской группе восточных окающих среднерусских говоров и, естественно, основой их языкового комплекса являются черты, присущие этой группе говоров в соединении с некоторыми особенностями, распространенными только на территории Владимирской области.

Специфическими для владимирских говоров являются следующие черты:

1. Неполное оканье − черта, характерная для Владимирско-Поволжской группы говоров. Но есть и существенные отличия.

Отмечается различение гласных /о/ и /а/ не только в I предударном и в конечном открытом слогах, но даже во II предударном. И такое произношение может встретиться у одного и того же лица и даже в одном и том же отрезке речи. Кроме того, в заударном неконечном и конечном закрытом слогах при редукции отмечается совпадение /о/ и /а/ не только в общем варианте [ъ], но и [а], хотя примеров с [ъ] все-таки больше:

зъроботали, стърожыл, съмоварчык, хърошо, но и *заработали, самоварчык, хорошо;*

девъчки, тел'онък, дес'атък, кокетъчка;

грохот, р'адам, ложак, жолап, но и *девочки, тел'онок, грохот, р'адом;*

быль, дал'окъ, богатъ, но и *было, дал'око, бол'но, много, дочка, гречнева.*

Таким образом, вариантность в произношении /о/ и /а/ во II предударном и заударных слогах после твердого согласного является характерной чертой владимирских говоров.

2. Полное различение гласных /о/, /е/, /а/ в I предударном слоге после мягкого согласного перед твердым и частичное неразличение их перед мягким согласным (обычно произносится [е], [е], [а]) − черта, характерная для говоров Владимирско-Поволжской группы. Но наряду с указанным в позиции перед твердым согласным отмечается произношение типа: *в л'осу, п'ошком, на р'оку; испеку, село, весной; напреду, свезала, петак* (последних примеров немного); перед мягким согласным преобладает в произношении гласный [е] (в том числе и на месте /а/): *чернига, перина, неси, нагреб'ом; детей, лечит', редиска; непреди, погледи*, *пет'орка, ребетишки;* кроме того, в этой же фонетической позиции отмечается [е^{и}], даже [и], особенно на месте ст. /Ѣ/: *де^{и}тей, ве^{и}нчаца, бе^{и}сетка'; типер', воскрисен'йо, риб'ата, сичас; дитей, дивишник, бисетка, дифч'онки, удийала.* Встречаются интересные случаи произношения с гласным [е] на месте /и/ в словах: *мезенец, стерат', налеват'.*

Во II предударном слоге после мягкого согласного обычно произносится [е], но отмечается и [и], реже [ь]:

*вечеринка, пойеженина, дев'аносто, леб'од*а, *земл'анига, деревен', десетина;*

пирийехала, чиловек, тиливизер, роспридил'ал; п'ьргорожынай, с'ьнокосит, п'ьсочку.

Но встречаются и примеры типа: *с'оровно, ч'оловек, п'атистеннай.* В заударных слогах после мягкого согласного в конечном закрытом перед твердым согласным и в конечном открытом слоге во многих владимирских говорах распространено ёканье: *учен'йо, гул'ан'йо, идит'о, покушайт'о; буд'ом, лопн'от, получайот, ме н'айот, з з'ат'ом;* но и в этой же фонетической позиции, обычно в речи тех же самых лиц, отмечается и гласный [е]: *смотрите, идите, побеседуйте, белыйе, жароныйе; будем, з з'атем* (перед следующими /ш/, /ц/, а также на месте ст. /Ѣ/ в конечном открытом слоге только [е]: *братец, колодец, колодешники; на стул'чыке, ф софхозе, сил 'нейе*).

В конечном закрытом слоге перед твердым согласным встречается произношение и с гласными [а], [ь]: *пом'ар, з з'ат'ам; лез'ьт, буд'ът.*

В заударных слогах в позиции после мягкого согласного перед мягким отмечается [е], реже [ь]: *старен'ка, т'атен'ка, синейа, девет', десет'; девьт', десьт'.*

3. На месте ст. /Ѣ/ под ударением перед твердым согласным произносится /е/, перед мягким /ê/ − черта, по которой выделялись го-

воры Владимирско-Поволжской группы по классификации 1915 года. Однако, как показывают материалы современных исследований, во владимирских говорах на месте ст. Ѣ под ударением отмечаются и другие варианты произношения: перед твердым согласным не только /е/, но и /ê/, даже /и/ (редко); перед мягким не только /ê/, но и /и/, реже /е/, причем разные варианты произношения возможны в одном и том же говоре и даже в речи одного и того же лица:

летъс', прийехал, лес, делъ, нет;

лêтъ, прийêдут, лес, дело, нет;

прийихали, дифки, поиш;

пêс'ни, дêвер', здêс', сйêз'дим; пис'ни, дивер', здис', издили; пес'ни, клет', месец, дети.

4. Наблюдаются результаты последовательного перехода е > о перед следующим твердым согласным под ударением − черта, присущая большинству русских говоров, в том числе и владимирско-поволжским. Во владимирских говорах наряду с указанным отмечаются и примеры типа: *телочки, сестры, звезды, денце, кружечками.*

5. Аффрикаты /ц/ и /ч'/ различаются − черта, характерная для южнорусского наречия, среднерусских говоров, в том числе и владимирско-поволжских. Различаются аффрикаты и во владимирских говорах, но в некоторых из них (говорах южных районов, например: Меленковского, Муромского и Гусь-Хрустального) наблюдаются особенности в произношении аффрикаты /ч/: отмечаются четыре варианта произношения − [ц^ч], [ч] твердое, [ч˙] полумягкое (в речи представителей старшего поколения), [ч']. В этих же говорах встречаются и элементы цоканья (твердого) (обычно в рассказах стариков о прошлом, а особенно при исполнении старинных обрядовых, «свадьбишных» песен): *чашки, девочки, дочка, сечас, стул'чык, роскулачыли, внуч'аты, оч'ен', куц^{ч}ки, ц^{ч}улки, кумац^{ч}овы, овец^{ч}ак; куцка, овецушки.*

Названные говоры, по-видимому, в прошлом были цокающими, с твердым цоканьем, о чем свидетельствует наличие указанных вариантов произношения, а также воспоминания стариков о том, как говорили раньше, «по-бывалошному».

6. Существительные III склонения в дат., тв. и предл. п. образуют формы по типу существительных I склонения − черта, характерная для севернорусского наречия: *к кровате, пис'мо дочере; з дочерей жыв'от, с солей картошка-та, на кровате, ф пече.*

7. Существительные «дедушка», «батюшка» склоняются по типу существительных I склонения − черта, характерная для среднерусских говоров. Однако в некоторых владимирских говорах названные существительные склоняются как существительные II склонения.

8. Различение форм дат. и тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных − черта, характерная для южного наречия и среднерусских говоров. Наряду с указанным в некоторых владимирских говорах в тв. п. мн. ч. отмечаются варианты окончаний: *-ам* (формы тв. п. совпадают с дат. п. − черта, присущая северному наречию) и *-ими* (у существительных с основой на заднеязычный согласный − как в южном наречии): *уголками, с чугунами, с робетишками, садами; пирок с йаблокам, розваливам мален'ким кучкам; с роб'атишкими, з девъчкими.*

9. Наличие стяженных форм прилагательных и глаголов − черта, присущая севернорусскому наречию и восточным среднерусским говорам.

Во владимирских говорах особенно интересны и разнообразны стяженные формы глаголов. Так, в говорах Меленковского, Муромского и некоторых других районов они отмечаются не только во 2-м и 3-м л. ед. ч. и 1-м л. мн. ч., но и в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч.:

знаш, делаш, думаш, укуташ; знат, делат, думат, работат;

бегат, прыгат; наливам, делам, бегам, вешам, закладывам; думу, делу, наделу, покушу, бъсиком, *шл 'опу*;

делут, россажывут, откладывут, *пол'ажывут, просватут, складывут.*

Все названные глагольные формы в речи тех же лиц, правда, значительно реже могут употребляться и без стяжения.

Такая же особенность наблюдается и в употреблении форм прилагательных. Но прилагательные ср. р. в им. и вин. п. ед. ч. и в им. п. мн. ч. чаще употребляются с окончаниями *-ойо*, *-ыйо* (*-ийо*) (без утраты /j/ в интервокальном положении, с элементами «ёканья»):

бол'шо село, но и *бол'шойо; зимно пал'то,* но и *зимнойо; белы* и *чорны грибы* и *белыйо* и *чорныйо;*

зимни и *летни пал'ты* и *зимнийо* и *летнийо, брезентовы бахилы* и *брезентовыйо.*

10. Употребление согласуемых постпозитивных частиц − черта, характерная для севернорусского наречия и восточных среднерусских говоров.

Во владимирских говорах постпозитивные частицы встречаются в следующих фонетико-грамматических вариантах: *-ат*, *-та*, *-то*, *-тъ*, *-ту*, *-ти*, *-те*. Употребление того или иного варианта определяется либо грамматическим принципом (зависит от рода, числа и падежа существительного), либо стремлением к созвучию гласных в частице и окончании имени: *дом-ат, дилектур-ат, брат-ат, вода-та*, *крупа-та, старушка-та, пис'ма-та; сено-то, пис'мо-то, бат'ушко-то; братец-тъ, грибоф-тъ, пойасница-та; простоквашу-ту, по снопу-ту, г дому-ту; воды-ти, ведра-ти, суконки-ти, в Москве-ти, мужыки-ти, ноги-ти, с реб'атишками-ти; годы-те, сыновйя-те, за садами-те, короф-те.*

Указанные закономерности в употреблении частиц довольно четко выдерживаются для *-ат, -та, -то, -ту*; остальные варианты употребляются довольно беспорядочно (подробно см. [4], [5]).

Библиографические ссылки

1. *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М. : Просвещение, 1970. 168 с.

2. *Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 5. М. : Синод. тип., 1915. 140 с.

3. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южновеликорусские говоры // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 2. М. : Синод. тип., 1910 ; Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 3. М. : Синод. тип., 1914.

4. *Кузнецов П. С.* Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1960. 156 с.

5. *Канунова Р. С.* Говоры Владимирской области: фонетические, морфологические и синтаксические особенности (краткая характеристика) : учеб. пособие по курсу «Русская диалектология» для студентов филол. фак. Владимир : ВГПУ, 2001. 54 с.

6. Говоры Владимирской области. Лексика : учеб.-метод. пособие. Ч. II. Владимир: ВГПУ, 2004. 39 с.

7. Русская диалектология / под ред. П. С. Кузнецова. М. : Просвещение, 1973. 279 с.

Глава 4

НАЗВАНИЯ ГРИБОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Лексика владимирских говоров богата и разнообразна. В этом легко можно убедиться, анализируя лексику, собранную по специальной программе [1, с. 25 − 26] на территории Владимирской области по теме «Природа» – «Растительный мир» («Грибы»).

Проанализируем названия следующих грибов: белый гриб, подосиновик, маслёнок, свинушка, гриб-дождевик.

Белый гриб. На территории Владимирской области отмечается 20 названий (слов и вариантов слова) белого гриба: ***бе'лый гриб, белови'к, беля'к, борови'к, борово'й гриб, бугрови'к, глуха'рь, долово'й гриб, дубови'к, дубово'й гриб, дубня'к, ело'венник, же'лтик, желтя'к, коро'вик, коровя́к, лугови'к, лугово'й гриб, мохово'й гриб, оре'ховый гриб, сосно'вый гриб, черноголо'вый гриб*** (ср.: [2, с. 25]).

Слова ***бе'лый гриб***, ***борови'к*** (***борово'й гриб***) общенародные[1] и самые распространенные на всей территории Владимирской области.

Некоторых замечаний по особенностям употребления в говорах Владимирской области требует слово ***борови'к*** (см. также [3, с. 12 − 13]).

1. ***Борови'к*** – 'белый гриб'. *Бърови'к*[2] *– бе'лай гри'п пъ сосно'въму бо'ру рост'о'т.* Соб. (Федурново, Колокша), Суд. (Головино), Сузд. (Спасское, Тарабаево, Зернёво), Селив. (Захарово), Мел. (Злобино), Г.-Хруст. (Добрятино), Ковр. (Шевинская), Киржач. (Новосёлка), Петуш. (Болдино), Ю.-Пол. (Невежино).

2. ***Борови'к*** – 'подберёзовик'. *Борови'к, пъдбер'о'зъвик, как нъзов'о'ш, в бору' рост'о'т.* Селив. (Драчёво).

3. ***Борови'к*** – 'подосиновик'. *Пъдоси'новик, бърови'к – фс'а'ко гъвор'ат*. Кирж. (Хмелёво).

4. ***Борови'к*** – 'рыжик'. *Ры'жык, кото'рай рос'т'о'т пъ сосно'въму бо'ру, нъзыва'йут бърови'к.* Суд. (Головино), Селив. (Кр. Горбатка).

---

[1] МАС. Т. 1. – С. 78, 108.

[2] Здесь и далее примеры даются в упрощенной транскрипции: не обозначается мягкость согласных перед гласными переднего ряда и ассимилятивная мягкость согласных.

Как видно из примеров, слово ***борови'к*** во владимирских говорах – четырехкратный внутридиалектный омоним, различающийся на территории Владимирской области по особенностям употребления.

Остальные названия белого гриба относятся к диалектной лексике и имеют более узкую территорию распространения (даже «точечный ареал») и обычно употребляются наряду (даже вместе) с привычным, широко распространенным – ***бе'лый гриб*** (реже – ***борови'к***).

Все названия белого гриба (кроме ***коро'вик, коровя'к; глуха'рь***) мотивированные. Принцип мотивации – традиционный: название предмету (грибу) дается по характерному признаку, по которому он выделяется из ряда подобных. Для гриба это цвет и форма шляпки, место, где (рельеф местности или около чего – каких деревьев, растений) он произрастает.

1. Номинация по цвету шляпки гриба.

Бе'лый гриб, белови'к, беля'к. *Бе'лай – он как пшени'снай, у бе'лъва шл'а'пка бе'лъйа.*

С названием ***белый гриб***, по нашим наблюдениям, связан не только признак цвета шляпки гриба, но и качества – 'самый лучший'. *Са'мы хоро'шы грибы' – бе'лы. Так и зову'т – бе'лай грип.* Соб., Суд., Сузд., Селив., Мел., Мур., Г.-Хруст., Ковр., Кирж., Кольч., Петуш., Горох., Ю.-Пол., Вязн., Алекс.

Белови'к – бе'лай грип. Ковр. (Новосёлка).

Бе'лай грип, а кто бел'а'к ска'жот. Г.-Хруст. (Поповичи).

Жёлтик, желтя'к[1]***.*** *Желт'ак – етъ бе'лай грип, но он фкусне'йе бе'льва. Бе'лай – он бе'лай, а е'тът жо'лтен'кай. Бе'лайи грибы' быва'йут ра'зныйь: у бе'лъва нис бе'лай, а у жълтика' нис шл'а'пки жо'лтай.* Суд. (Головино), Мел. (Папулино).

Черноголо'вый *– етъ бе'лай грип, шл'а'пкъ у н'о'во така'йа ч'орнова'тъйа.* Соб. (Брызгуново).

2. Номинация по месту (где, рядом с чем встречается данный гриб).

---

[1] Слово ***желт'ак*** во владимирских говорах употребляется в двух значениях: 1) особый вид (разновидность) белого гриба; 2) старый, переросший белый гриб. *Желт'а'к – старый уш грип, него'днай, переро'сшай.* Селив. (Кр. Горбатка), Мел. (Н.-Николаевское), Г.-Хруст. (Добрятино, Поповичи), Ковр. (Шевинская).

Бугрови’к. *Бе’лыйь грибы’ быва’йут ра’зныйь. У жо’лтика нис шл’а’пки жо’лтай, а у бе’лъва – бе’лай, а у бугръвика’ шл’а’пкъ бардо’въйа. Бугровики’ по бугру’ росту’т.* Мел. (Папулино).

Дулово’й гри’б. *Когда бе’лай гри’п на ни’ских места’х рост’о’т, зовут дълово’й грип.* Суд. (Головино, Каменец), Г.-Хруст. (Парахино).

Дубови’к, дубо’вый гриб, дубня’к. *Бе’лаи грибы’ кто как назов’о’т: кто бъровико’м, а кто дубъвико’м.* Суд. (Головино), Мур. (Молотицы), Ковр. (Шевинская), Кольч. (Новосёлка). *Дубо’вай гри’п ча’ш’ш’е в дубн’аку’ рост’о’т, а то и так, где хо’ш, про’стъ та’к нъзову’т.* Селив. (Захарово), Мур. (Панфилово). *Дубн’а’к пътому’ – о’кълъ дубо’ф рост’о’т.* Мел. (Папулино).

Ело’венник. *Ело’венник по йе’л’нику рост’о’т. Кто йело’венник, кто бе’лай зов’о’т.* Ковр. (Шевинская).

Лугови’к, лугово’й гриб. *Бърови’к – бе’лай грип пъ сосно’въму ле’су рост’о’т, а лугови’к, лугово’й грип по луга’м рост’о’т.* Суд. (Головино), Ковр. (Шевинская).

Мохово’й гриб. *Бе’лайи – они ра’зны быва’йут. Бе’лайи они как пшени’сныйь, а вот мъховы’йи, они во мху’ росту’т, они жо’лтыйи.* Суд. (Головино).

Оре’ховый гриб. *Оре’ховый – он в орешнике рост’о’т, са’мый лу’ччий, лу’чче бърово’въ.* Соб. (Федурново, Колокша), Суд. (Головино), Селив. (Захарово), Г.-Хруст. (Поповичи), Ковр. (Ст. Заря).

Сосно’вый гриб. *Сосно’вай гри’п ф сосн’агу’ рост’о’т.* Селив. (Захарово).

Кроме охарактеризованных, следует выделить еще два названия белого гриба: ***коро’вик, коровя’к*** (в двух словообразовательных вариантах) и ***глуха’рь***. Оба названия немотивированные. Некоторые исследователи [4, с. 117] слово ***коро’вик*** (и его производные) соотносят со словами *корова-кормилица*. На наш взгляд, более интересно осмысление значений слов ***коро’вик, коровя’к***, сделанное самими носителями говоров Владимирской области. *Коро’вик – еть бе’лай ста’рай переро’сшай грип.* Камеш. (Берково, Серебряково). *Когда’ бе’лай гри’п кру’пнай, йово’ зовут коров’а’к.* Соб. (Колокша), Кирж. (Новосёлка).

Глуха’рь. *Глухар’, а кто бе’лай нъзов’о’т, пофс’а’цки.* Кольч. (Новосёлка).

Подосиновик. В говорах Владимирской области отмечается 16 названий (слов и вариантов слова) гриба-подосиновика: ***борови'к, дубови'к, кра'сик, (краси'к), краси'ш, красны'ш, красови'к, красичо'к, красну'шка, красноголо'вик, оси'нка, оси'нник, оси'новик, оси'новый гриб, челы'ш, красный челы'ш.***

Из них слова ***борови'к, оси'новик, подоси'новик*** относятся к общенародной лексике; по характеру же употребления в говорах Владимирской области они не равнозначны: наиболее распространенным является слово ***подоси'новик***.

В оси'нкъх пъдоси'нъвик иска'т' на'дъ. Соб., Суд., Сузд., Селив., Мел., Мур., Г.-Хруст., Вязн., Ковр., Киржж., Ю.-Пол., Петуш., Горох. *Оси'нъвик, подоси'новик, как нъзов'о'ш.* Мур. (Молотицы), Г.-Хруст. (Добрятино). *Оси'нъвы то'къ ма'нен'ки хоро'шы, а бол'шы' и и'с' н'е бу'д'ош.* Селив. (Кр. Горбатка), Мел. (Злобино, Папулино), Г.-Хруст. (Добрятино), Горох. (Рассвет). *Пъдоси'нъвик, борови'к – фс'а'ко гъвор'а'т.* Кирж. (Хмелёво).

Слова ***оси'нка, оси'нник*** являются омонимичными образованиями к слову литературного языка – ***оси'новик***. Однако, на наш взгляд, эти слова правильнее характеризовать не как литературно-диалектные омонимы, а как словообразовательные варианты к слову ***оси'новик***.

Сево'дне оси'нък ма'лъ нашла'. Соб. (Перебор), Селив. (Ивановская), Г.-Хруст. (Добрятино), Вязн. (Стёпанцево). *Оси'нн'ик, пъдоси'нъвик, как нъзов'о'ш.* Ковр. (Ст. Заря).

Употребляются эти слова в говорах Владимирской области значительно реже, чем предыдущие и чаще всего вместе со словом ***пъдоси'новик.***

Слова ***дубови'к, кра'сик*** (***краси'к***)***, краси'ш, красны'ш, красови'к, красичо'к, красну'шка, красноголо'вик*** – диалектные; по значению – мотивированные: название дано по месту произрастания (***дубови'к***) или по цвету шляпки гриба (все остальные слова).

Все названные слова – внутридиалектные (словообразовательные, грамматические, фонетические) владимирские варианты общенародной лексики.

Зову'т оси'нъвик и дубови'к, кто как ска'жот. Г.-Хруст. (Поранино). *Вот он кра'сик-ат рост'о'т. У йово' шл'а'пкъ кра'сненкъ. Кра'сик издал'а' ви'днъ. Пъдоси'нъвик, красичо'к.* Соб. (Брызгалово, Перебор, Колокша), Петуш. (Болдино), Камеш. (Берково). *У красиша'*

шл’а’пка кра’снъйа. Суд. (Головино). *Мы их пъдоси’нъвиками не зва’ли, а зва’ли краснышы’*. Суд. (Головино). *Красну’шкъ сех лу’чче, сех сла’ш’ш’е*. Суд. (Головино). *Кръсовики’ бо’л’ше в мълоды’х оси’нкъх росту’т*. Соб. (Колокша), Ковр. (Ручей, Шевинская), Камеш. (Камешково, Берково). *Пъдоси’новик, краснъголо’вик.* Кольч. (Новосёлка).

Употребляются названные слова на территории Владимирской области очень неравномерно и обычно наряду со словом ***подоси’новик.***

Особого замечания требует слово ***челыш*** – ‘подосиновик’, собственно диалектное, немотивированное по значению. *Челыше’й в оси’ннике много. Ша’пъчка у йово’ кра’снъйа, етъ йово’ и назва’ли кра’снай челы’ш*. Соб. (Бузаково, Алфёрово), Суд. (Зерново), Мур. (Молотицы), Г.-Хруст. (Поповичи). Не объясняют значение этого слова и местные жители. Интересно другое: слово ***челыш*** в говорах Владимирской области известно в двух значениях (‘подосиновик’ и ‘подберезовик’), т. е. для говоров Владимирской области слово ***челыш*** является внутридиалектным омонимом[1].

Слово ***челы’ш***[1] (‘подберезовик’) в говорах Владимирской области употребляется довольно широко (примерно так же, как общенародное слово *подберёзовик*); слово ***челы’ш***[2] (‘подосиновик’) встречается значительно реже, лишь в отдельных говорах и с определением ***кра’сный челы’ш***.

Любопытно, что в словаре В.И. Даля слово ***челыш*** представлено в трех словарных статьях: 1) «**грибъ**, … *челышъ, цѣлышъ, коровятикъ, березовикъ, желти’къ*»[2] 2) «**цѣлый**, неповрежденный, неиспорченный; // непочатой, неубавленный, цѣльный … ***Цѣлы’шъ,*** *цѣло’къ*, что либо цѣльное и неповрежденное, непочатое … *Цѣлышъ* (или это *челышъ*?) грибъ желтикъ; масленикъ // березовикъ»[3]; 3) «**чело**, лобъ, часть головы, отъ темени до бровей; … ***челышъ****, че-*

---

[1] В тех говорах, где слово ***челы’ш*** известно в двух значениях, оно для различения значений употребляется с определениями (***черный челыш*** – ‘подберезовик’, ***красный челыш*** – ‘подосиновик’).

[2] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. − М., 1955. − С. 394.

[3] Там же. Т. 4. − С. 577.

лышекъ влд. круглый грибок, молодой и крѣпкий грибъ; влд. подосиновикъ, съ пухлой красной шляпкой …»[1].

Опираясь на материалы Словаря В.И. Даля, можно предполагать, что слово ***челыш*** первоначально употреблялось для обозначения чего-то крепкого, цельного, неповрежденного. Во владимирских говорах (и говорах Подмосковья) слово ***челыш*** получило более узкое значение – стало употребляться для обозначения молодого, крепкого гриба – подберёзовика, реже подосиновика. По-видимому, анализируемое слово первоначально звучало как ***целыш*** (‘цельный, крепкий, неповрежденный’). Возникает вопрос: как появилось слово ***челыш*** (с /ч/) во владимирских говорах? Как известно, неразличение аффрикат /ц/ и /ч/ (и чоканье как частный случай цоканья) – черта, присущая восточной части северного наречия и совершенно несвойственная среднерусским, владимирско-поволжским, а следовательно, и владимирским говорам.

Маслёнок. Во владимирских говорах известно 15 наименований (слов и вариантов слова) гриба маслёнка: ***козлёвик, козлёнок, козля’к, ли’ственница, лупле’нник, маслёвик, масле’й, маслёна, маслёнок, маслёныш, маслю’к, масля’к, сопли’вик, сосновя’га***.

Из них слово ***маслёнок*** – общенародное и наиболее употребляемое во всех говорах Владимирской области. Например: *У масл’о’нкъ ве’рх-ат сли’зистай. Масл’о’нъчек зов’о’ццъ, пътому’ шл’а’пкъ у йово скли’скъйа, бу’тто ма’слицъм сма’зъна*. Соб., Суд., Сузд., Селив., Мел., Мур., Г.-Хруст., Вязн., Ковр., Кольч., Петуш., Горох.

Слова ***маслёвик, масле’й, маслёна, маслёныш, маслю’к, масля’к*** – диалектные варианты (словообразовательные и морфологические) общенародной лексики. В говорах Владимирской области употребляются они сравнительно редко и всегда наряду (а иногда и вместе) со словом ***маслёнок***. ***Масл’о’вик****. Пошто’ та’к зову’т? Наве’рнъ пътому’ штъ ма’сл’анай*. Мел. (Злобино). ***Масле’й,*** *масл’о’нък*. Селив. (Драчево). ***Масл’о’н****-тъ како’й го’т полно’ быва’йот*. Сузд. (Тарабаево). ***Масл’о’ныш****, масл’а’ты*. Мел. (Приклон). ***Масл’у’к****, масл’у’ки*. Соб. (Колокша). ***Масл’а’к*** *сопли’вай бо’л’нъ, и не очи’стиш йово’ нека’к*. Селив. (Драчево), Мел. (Папулино).

[1] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. − М., 1955. − С. 587.

Остальные слова – диалектные, лексические дублеты (абсолютные синонимы): ***лупле'нник, сосно'вик, сосновя'га*** и литературно-диалектные омонимы*:* ***ли'ственница, сопли'вик***.

Масл'о'нък у нас ***лупле'нникъм*** *зову'т. У йово' шку'ркъ-тъ скли'скъ, лупи'т' йейо' на'дъ*. Камеш. (Камешково), Селив. (Кр. Горбатка). ***Сосно'вик*** *– ли'пкий гри'п. Сосно'вики реткъ фстреча'йуцца, они път сосно'й росту'т*. Суд. (Головино), Кирж. (Хмелево). *Масл'а'ты ф сосн'а'ге бо'л'ше росту'т,* ***соснов'а'ги*** *называ'йут*. Г.-Хруст. (Добрятино, Поповичи). *Ли'ственницъ как с'оровно масл'о'нъ, то'жо йово чи'ст'ат*. Суд. (Головино). ***Сопли'вик*** *– етъ масл'о'нък. У йово шку'ркъ така'йа сопли'въйа*. Соб. (Федурково), Суд. (Головино).

Значения всех названных слов мотивированы: 1) гриб называется по типичному месту произрастания (***сосно'вик, сосновя'га, ли'ственница*** – растет под листьями, возле листьев каких-нибудь деревьев); 2) по характерным особенностям (признакам) шляпки гриба (покрыта слизью, похожей на выделения из носа), по способу обработки шляпки гриба (***сопли'вик, лупле'нник***).

Все названные слова на территории Владимирской области употребляются редко, лишь в отдельных говорах, причем почти всегда со словом *маслёнок*.

Особых замечаний требуют слова ***козлёнок, козля'к*** (отмечаются и в говорах Подмосковья), ***козлёвик***. ***Козл'о'нък*** *– грип осо'бъ хоро'шай. Масл'о'нък, козл'о'нък, козл'а'ты, как нъзов'о'ш.* Петуш. (Болдино). ***Козл'а'к****, мъхови'к, масл'а'к.* Селив. (Захарово), Мел. (Злобино). ***Козл'о'вик****, масл'о'нък.* Мел. (Злобино). Во владимирских говорах эти названия встречаются редко и, на наш взгляд, связаны они с обозначением особой разновидности гриба, по внешнему виду похожего на всем известный гриб – масленок.

Свинушка. Во владимирских говорах известно 18 названий (слов и вариантов слова) гриба свинушки: ***гу'ба, да'рьины гу'бы, дарью'шка, ду'ня, дуня'шка, ду'нька, ду'шка, коро'вьи гу'бы, матрёнины гу'бы, рубе'на, свина'я гу'ба, свина'рь, сви'нка, свину'ха, свину'шка, черну'ха, черну'шка, шушля'нка.***

Из них слова ***свину'шка (свину'ха), черну'шка*** ('вид съедобного гриба'[1] – общенародные и наиболее распространенные во всех гово-

[1] МАС. Т. 4. – С. 50, 667.

рах Владимирской области. ***Свину’шкъ*** *ал’ да’р’йины гу’бы – фс’о одно’. Свину’шки по луга’м росту’т.* Соб., Суд., Сузд., Селив., Мел., Г.-Хруст., Петуш. *В йе’тъм году’* ***свину’х*** *бы’лъ мно’гъ, их у нас по-ра’знъму зову’т.* Соб., Вязн., Кольч., Горох. *Свину’шкъ,* ***черну’шкъ***. Селив. (Захарово).

Слова ***свина’рь, сви’нка*** – литературно-диалектные омонимы[1].

Однако, по нашему мнению, слова ***свина’рь, сви’нка*** более обоснованно ставить в один ряд со словами ***свину’шка, свину’ха*** и характеризовать как словообразовательные варианты этих слов, а не соотносить их со словами *свинарь, свинка* в их основном значении.

Свину’шка, ***свина’р’****, как ска’жош.* Кольч. (Новосёлка). ***Сви’нкъ****, свину’шкъ*. Г.-Хруст. (Поповичи), Соб. (Астафьево).

Все остальные слова − ***гу’ба, да’рьины гу’бы, коро’вьи гу’бы, матрёнины гу’бы, свина’я гу’ба, дарью’шка, ду’ня, дуня’шка, ду’нька, ду’шка, рубе’на, шушля’нка*** – относятся к диалектной лексике. Среди них выделяется довольно большое количество *омонимов* (литературно-диалектных): ***гу’ба, да’рьины гу’бы, коро’вьи гу’бы, матрёнины гу’бы, свина’я гу’ба, ду’шка (душа’), дарью’шка, ду’ня, дуня’шка, ду’нька*** и небольшая группа лексических внутридиалектных дублетов (абсолютных синонимов): ***рубе’на, шушля’нка***.

Свину’шки у нас про’сто ***гу’бы*** *зову’т*. Мел. (Лехтово). *Ны’нче в лес ходи’ла. Одны’х да’р’йиных гу’п принесла’. Свину’шкъ – да’р’йинъ гу’ба.* Соб. (Бузаково, Федурново, Колокша), Суд. (Головино), Сузд. (Порецкое, Зернёво), Ю.-Пол. (Невежино). *Свину’шки,* ***коро’в’йи гу’бы***. Селив. (Захарово), Мел. (Б. Прихино). ***Матр’о’ниных гуп*** *у нас мно’гъ рост’о’т, а мы иих ма’ло бер’о’м. Матр’о’нины гу’бы пло’хъ б’ору’т, бр’е’куйут*. Соб. (Колокша), Мел. (Злобино, Н.-Николаевское, Б. Приклон). ***Свина’йа гу’ба****, свину’шкъ.* Ковр. (Шевинская). *Свину’шкъ, да’р’ины гу’бы,* ***дар’йу’шкъ***. Соб. (Колокша), Петуш. (Болдино). ***Ду’ни*** *у нас не беру’т. Свину’шкъ зов’о’м и ду’н’а.* Суд. (Головино), Сузд. (Спасское, Зернёво), Мур. (Булатниково), Г.-Хруст. (Добрятино, Паранино), Ковр. (Шевинская). ***Дун’а’шки*** *на’дъ бра’т’ то’ко ма’хон’ки*. Селив. (Кр. Горбатка). ***Ду’н’ки*** *то’жо хоро’шы грибы’. В е’тъм году’ свину’х былъ мно’гъ. Их у нас по-ра’знъму зову’т: свину’шкъ, ду’н’а, ал’ ду’н’къ.* Соб. (Колокша), Сузд. (Спасское), Селив.

[1] МАС. Т. 4. − С. 49.

(Ивановское, Драчево), Мур. (Молотицы), Вязн. (Стёпанцево), Ковр. (Шевинская), Кольч. (Новосёлка), Камеш. (Берково, Сереброво).

Все названные слова (известны они и в говорах Подмосковья) в говорах Владимирской области употребляются довольно широко, но почти всегда вместе со словами ***свину'ха, свину'шка***.

Названия – ***да'рьины гу'бы, коро'вьи гу'бы, матрёнины гу'бы, свина'я гу'ба*** – безусловно мотивированные. В самом деле, шляпки больших, переросших, старых свинушек, действительно, по внешнему виду похожи на большие, оттопыренные губы (старой женщины – Матрены, Дарьи или коровы, свиньи). Интересно, что названия эти обычно употребляются в форме мн. ч., что также, на наш взгляд, важно для общего вывода.

Слово ***гу'бы*** ('грибы') не исконно владимирское (даже не среднерусское), а заимствованное из говоров северных областей, где оно известно как обычное название любых съедобных грибов и употребляется обычно в форме мн. ч. (ср.: *В лесу у нас гу'п-ту мно'го. Ны'нче гу'бы хоро'шы, ни одной гу'бенки черви'вой не принесла'* – Кировская обл., Арбажский р-н, д. Большой Кугунур). Интересны в кировских говорах и другие образования с корневой морфемой *губ-* в этом значении: *гу'бницу свари'ла; из оба'пкоф свари гу'бенку* – совершенно неизвестные во владимирских говорах (ср.: *грибная похлебка; грибной суп*).

Более сложные процессы номинации происходят во второй группе слов: ***дарью'шка, ду'ня, дуня'шка, ду'нька***, где отмечаются не только типичные для этой группы слов процессы омонимизации, но происходит также преобразование и самого лексического материала – имя собственное становится нарицательным, не утрачивая при этом до конца признаков, присущих этому слову – эмоциональной (ласкательно-пренебрежительной) окраски. В результате оказывается, что слова ***дарью'шка, дуня'шка, ду'ня, ду'нька*** при обозначении гриба свинушки являются не только своеобразными омонимами, но вместе с тем выражают и своё отношение (ласкательно-пренебрежительное) к предмету.

Лексические дублеты (абсолютные синонимы с диалектными корневыми морфемами) ***рубе'на, шушля'нка***, совершенно не мотивированные по значению, в говорах Владимирской области представле-

ны единичными образованиями, которые обычно употребляются вместе со словом ***свину'шка*** (как своеобразный перевод значения этих слов). Например: *В йе'тъм году' свину'х бы'лъ мно'гъ. У нас их по-ра'знъму зову'т:* ***рубе'нъ****, ду'н'къ, кто как ска'жыт.* Кольч. (Новосёлка). *Свину'шка, черну'шкъ, а то* ***шушл'а'нкъ*** *зову'т.* Селив. (Захарово).

Гриб-дождевик. Во владимирских говорах известно 14 названий (слов и вариантов слова) гриба-дождевика: ***бе'ль, белосне'жка, во'лчий таба'к, де'душкин таба'к, дождеви'к, дымови'к, дымо'к, медве'жьи ба'ни, пасту'ший таба'к, поддождеви'к, порохови'к, пухля'нка, пылеви'к, шапо'к.***

Из названного перечня прежде всего следует выделить два слова: ***дождеви'к*** – общенародное и ***поддождеви'к*** – диалектный словообразовательный вариант общенародной лексемы. Первое слово распространено на всей территории Владимирской области, второе – ограничено в своём употреблении (встречается лишь в нескольких говорах на территории Меленковского района).

Дожжывики' *по'сль дожжа' надува'йуццъ. Дожжеви'к по-хо'ш на бе'лай, по'сль дожжа' рост'о'т, когда' в лесу' сы'ръ, дож-жовико'ф мно'гъ. Дожжеви'к фс'а'кай зна'йьт, никто не бер'о'т. Дожжеви'к как бе'лай шар.* Соб., Суд., Сузд., Селив., Мел., Мур., Г.-Хруст., Ю.-Пол., Вязн., Ковр., Кольч., Кирж., Петуш., Камеш. *Пъддождеви'к – наве'рнъ пътому' посль дожжа рост'о'т.* Мел. (Злобино, Б. Приклон).

Остальные слова – диалектные. По основному значению, заключенному в них, их можно разделить на две группы.

1. Слова, связанные с обозначением молодого гриба-дождевика: ***бе'ль, белосне'жка, шапо'к.***

Дожжеви'к, ***бел'****, как нъзов'о'ш.* Кольч. (Новосёлка). *Дождеви'к,* ***белосне'шкъ****, пофс'а'цки зову'т.* Кольч. (Новосёлка), Кирж. (Хмелёво). *Дожжеви'к похож на бе'лай.* Соб. (Бузаково, Брызгуново, Перебор, Колокша*). На пол'а'не после дожжа'* ***шапки'*** *пойави'лис'.* Мел. (Б. Приклон).

Названия – мотивированные: молодой гриб-дождевик по цвету (белый) и по форме шляпки (шапочкой), действительно, похож на белый гриб.

2. Слова, связанные с обозначением старого, переросшего, высохшего гриба-дождевика: ***во'лчий таба'к, де'душкин таба'к, дымови'к, дымо'к, пасту'ший таба'к, порохови'к, пухля'нка, пылеви'к***.

Во'лчий таба'к. *На йово' насту'пиш и пыл' во фсе' сто'роны*. Кольч. (Новосёлка). *Дожжеви'к. Кто* ***де'душкин таба'к*** *ска'жът*. Соб. (Алфёрово), Мел. (Лехтово), Вязн. (Сергиевы горки), Ковр. (Ручей, Ст. Заря), Петуш. (Болдино). *Дожжеви'к,* ***пасту'ший таба'к***. Соб. (Колокша). ***Дымъвико'ф*** *в овра'ге-тъ ста'лъ ма'лъ, а ра'н'ше ид'о'ш то и де'лъ пъпада'йуцџъ*. Соб. (Колокша), Сузд. (Тарабаево). ***Дымо'к***. *После дожжа их мно'гъ*. Селив. (Драчёво). ***Пылеви'к*** *говори'м, ал' дъждеви'к пътому', насту'пиш на йово, а там пы'л' жо'лтъ ал' ч'о'рна ид'о'т из н'ово'*. Соб. (Федурново), Сузд. (Спасское).

Как видно из примеров, эти названия тоже мотивированные («Дождевой гриб – шарообразный гриб, мякоть которого при высыхании превращается в темную пыль»[1]. В самом деле, высохшая мякоть внутри гриба-дождевика кому-то представляется похожей на пыль (***пылеви'к***), на пучок пуха (***пухля'нка***), на дым (***дымови'к, дымо'к***), на табак (***во'лчий таба'к, де'душкин таба'к, пасту'ший таба'к***), а какой это табак – зависит от фантазии говорящего человека. Последняя группа названий в говорах Владимирской области ограничена в своем распространении. Все эти слова во владимирских говорах употребляются не только редко, но обычно наряду, даже вместе с общенародным словом – *дождевик*.

В заключение следует остановиться еще на одном названии гриба-дождевика в говорах Владимирской области – ***медве'жьи ба'ни***. Название диалектное, относящееся к собственно диалектной лексике, к разряду лексических дублетов (абсолютных синонимов), немотивированное, встретившееся всего в одном говоре на территории Селивановского района. *Дожжови'к, медв'е'жйи ба'ни. Пошто так зовут', не зна'йу.* Селив. (Драчёво).

[1] МАС. Т. 1. – С. 416.

Библиографические ссылки

1. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров : науч.-метод. пособие. В 2 ч. / отв. ред. И. А. Попов. СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 1994. Ч. 1. 212 с.

2. *Марков В. М.* Народные названия грибов // Синонимия и смежные явления в русском языке : межвуз. сб. / отв. ред. В. М. Марков. Ижевск : Изд-во УдГУ, 1988. С. 9 – 25.

3. *Канунова Р. С.* Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области. Владимир : ВГПУ, 1999. Вып. 1. 61 с.

4. *Маслов В. Т.* Названия грибов на территории Ивановской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1992. СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 1994. С. 117 – 127.

Глава 5
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Цель диалектологической практики, которую проходят студенты I курса филологического факультета, − научить их вести беседу на избранную тему, фиксируя при этом все особенности (фонетические, грамматические, лексические) живой разговорной (диалектной) речи.

В последние десятилетия в связи с задачами, стоящими в настоящее время перед русскими диалектологами, – созданием ЛАРНГ и изданием областных словарей, основное внимание при изучении говоров русского языка уделяется лексике.

«Наша ***задача*** − сохранить для истории те названия (и места их распространения), которые имеются (или имелись) в народном языке в наше время, но постепенно уходят из языка в силу различных причин».

«В ***задачу ЛАРНГ*** входит показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров – лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования»[1].

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Для решения поставленных задач студент, проходящий диалектологическую практику, должен прежде всего решить для себя:

1) где, в каком селе, деревне он будет собирать необходимый лексический материал, т.е. определить населенный пункт;

2) кто должен быть его информатором.

Выбор населенного пункта. Это должна быть деревня (село) со сложившимся исконным (местным) населением. Если в деревне есть переселенцы, то нужно указать – много ли их, откуда они, причем ко-

---

[1] Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров : науч.-метод. пособие. В 2 ч. / отв. ред. И. А. Попов. СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 1994. Ч. I. С. 5, 7.

личество переселенцев не должно преобладать над местным населением.

Исходя из сказанного, при определении населенного пункта как места изучения местной (диалектной) лексики не желательно выбирать рабочий поселок, так как население таких поселков чаще всего формируется не за счет местных жителей, а переселенцев из самых разных мест.

Определение информатора. Информаторами должны быть лица, родившиеся в данной деревне или прожившие в ней большую часть своей жизни. Желательно, чтобы это были лица, *постоянно проживающие* в данной деревне, чтобы не только они, но и их родители были уроженцами этой деревни. Необходимо учитывать также и род деятельности информатора: желательно, чтобы это были лица, относящиеся к оседлому крестьянскому населению. Лица, связанные с отхожими промыслами, уходящие на сезонные работы, для опроса не годятся.

Желательно, чтобы среди информаторов были мужчины и женщины, так как лишь при этом условии гарантируется полнота информации по всем разделам программы. Возрастные ограничения при выборе информаторов обычно не ставятся: информаторами могут быть представители не только старшего, но и среднего, и младшего поколений.

Однако, учитывая, что стоит задача – «…сохранить для истории те названия…, которые имеются (или имелись) в народном языке в наше время, но постепенно уходят из языка…», становится очевидным, что в качестве основных информаторов должны быть представители (представительницы) старшего поколения, потому что только в их живой разговорной речи еще сохранились местные диалектные особенности.

СБОР И ОФОРМЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Сбор лексических материалов в период прохождения диалектологической практики осуществляется студентами по Программе, специально разработанной для ЛАРНГ в ИЛИ РАН[1].

---

[1] Программа собирания сведений … СПб., 1994.

Программа содержит традиционные вопросы двух видов:

1) «*как у вас называется*» (например, *мелкий лес, мелколесье: мелкач, мелятник, подрос, посадка…*– Л 16);

2) «*что означает у вас слово*?» или *«употребляется ли и в каком значении слово?»* (например, *букара?*). Обозначает ли это слово: а) насекомое; б) личинку насекомого; в) сказочное страшилище… – см. 365.

Все вопросы каждого раздела программы имеют сплошную нумерацию (см.: «Растительный мир» – с 1 по 176; «Животный мир» – со 177 по 387; «Ландшафт» – с 388 по 529; «Метеорологические явления, астрономия, календарь» – с 530 по 682).

На полях (перед вопросом программы) поставлены индексы[1], которые имеют следующие значения:

Л – лексический вопрос;

СЛ – словообразовательный вопрос;

ЛСЛ – лексико-словообразовательный вопрос;

СМ – семантический вопрос.

Сокращение о.н. в тексте программы означает «общее название», например, *лес* (о.н.).

Сбор лексического материала ведется по Программе ***методом направленной беседы.*** Лишь в исключительных случаях (для проверки, уточнения значения слова) может быть поставлен прямой вопрос. Например, *«Называют ли у вас какую-нибудь ягоду «комоника»? «Есть ли у вас такая ягода»? «Есть ли у вас такое слово»?*

Изучение местной лексики целесообразно начать с беседы с информатором на общую тему: ***о целях и задачах изучения*** истории нашего древнего края, о значении всего, что связано с жизнью нашего народа, уходящего своими корнями в далекое прошлое. Нас интересует все: не только то, как они жили, но и как говорили по-старинному, «по-бывалому». Что сохранилось из старых слов, прежних названий, что ушло, заменилось новыми, современными словами? Важно подчеркнуть научное и общественное значение собираемых таким образом лексических материалов.

---

[1] Индекс – условное обозначение, обычно сочетание цифр или букв, присваиваемое книжным разделам в библиотечной классификации (МАС).

Далее беседу следует вести по определенной теме Программы (см. «Растительный мир», «Животный мир», «Ландшафт», «Метеорологические явления, астрономия, календарь» и т. д.).

Успешность проведения беседы зависит от знания собирателем Программы, свободного владения ею. Например, при сборе лексического материала по теме «Растительный мир» необходимо выделять следующие семантические группы: лес (виды деревьев, части дерева), ягоды, травы, грибы. То же по другим темам.

ОБРАБОТКА МАТЕРИАЛОВ ПОЛЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

При сборе лексического материала важно записать хороший иллюстративный материал.

Если собиратель получает несколько ответов на один и тот же вопрос, следует выяснить, чем обусловлено различие названий (этнографическими причинами, объемом значения, особенностями употребления и т. п.). Собиратель должен определить эти различия и соответствующим образом прокомментировать их.

Особого внимания заслуживают ***разносуффиксальные корневые образования*** (см.: *кислика, кислица, кисленка* − для обозначения одной и той же реалии). Необходимо пронаблюдать, как они употребляются в речи представителей разных социальных и возрастных групп, есть ли разница в их значении. По ***собственно словообразовательным вопросам*** собиратель должен привести как можно больше примеров данного словообразовательного типа. Если же данный словообразовательный тип отсутствует, то желательно привести его эквивалент.

Особого внимания требуют ***семантические вопросы*** (СМ). Для достоверности ответов следует вести работу с несколькими информаторами. При ответах на семантические вопросы необходимо ***определять значение слова:*** можно привести его литературный эквивалент или дать определение самого информатора, процитировав его в определенном контексте.

Значение слова должно быть обязательно подтверждено контекстом – примером, раскрывающим значение слова. Пример (соответствующая цитата) должен быть небольшим, но в семантическом плане ёмким.

Особого внимания при оформлении собранных материалов требуют *дублетные формы*.

Для дублетных форм рекомендуются следующие способы обозначения:

1) ***полностью совпадающие по значению и употреблению*** дублеты разделяются двумя параллельными линиями: *бере'зник // березня'к;*

2) дублеты, ***различающиеся лишь частотой употребления***, передаются тем же способом с дополнением: менее употребительная форма подчеркивается прерывистой линией: *бере'зник // березня'к;*

3) дублеты, различающиеся ***степенью и сферой употребительности*** (один из них в основном отмечается в речи представителей старшего поколения, а другой − более новый) – передаются также через две параллельные прямые, но форма, характерная только для лиц старшего поколения, передается знаком $^{+}$, а новая форма, возникшая под влиянием литературного языка, − знаком $^{\circ}$, например: $^{+}$*бере'зник //* $^{\circ}$ *березня'к.*

ОФОРМЛЕНИЕ КАРТОТЕКИ (КАРТОЧЕК)

На карточке необходимо указать следующие данные:

1) ***слово*** (ответ на вопрос Программы) в орфографической записи, с обязательным обозначением ударения;

2) ***значение слова*** (можно привести его литературный эквивалент или дать определение самого информатора);

3) ***иллюстративный материал***, раскрывающий значение слова, причем цитаты текста должны быть небольшими, но в семантическом плане емкими.

Примеры (цитаты, раскрывающие значение слова) должны быть записаны в транскрипции, отражающей особенности живой местной речи.

Картотечная карточка заполняется следующим образом:

В левом верхнем углу обозначается ***индекс*** и ставится ***номер вопроса*** по списку вопросов в Программе.

В правом верхнем углу – ***номер населенного пункта*** в соответствии с нумерацией районов по Владимирской области на карте ЛАРНГ (прил. 2), в нижнем левом углу карточки − ***населенный пункт*** (место употребления слова).

В правом нижнем углу – ***год записи*** материалов.

Объяснения собирателя, в том числе грамматические и оценочные пометы, даются в круглых скобках, объяснения информатора – в квадратных.

Отсутствие ответа на вопросы оформляется следующим образом:

1) пустая карточка с номером вопроса и населенного пункта означает отсутствие ответа (не удалось узнать);

2) пустая карточка с номером вопроса и населенного пункта и прочерком (–) означает отсутствие требуемого названия (слова) в данном населенном пункте. Для того чтобы избежать пропусков при сборе материалов для ЛАРНГ, собиратель должен выявить его эквивалент: попытаться узнать, какое другое слово употребляется в данном говоре вместо требуемого;

3) пустая карточка с номером вопроса и населенного пункта и знаком (о) означает отсутствие реалии в данном населенном пункте (прил. 3).

Дополнительные сведения

Картотека начинается с карточки (карточек), на которой собиратель оформляет *«паспорт» населенного пункта*, в котором он отмечает:

1) официальное название населенного пункта с указанием его административной принадлежности к району и области;

2) приблизительное число жителей (если среди них есть переселенцы, то выяснить, сколько их и откуда они прибыли);

3) занятие жителей (если часть жителей работает вне деревни, то указать где);

4) наличие школы с указанием количества в ней классов.

Сведения об информаторах

1) фамилия, имя, отчество (если есть прозвище, то его также указать);

2) год рождения;

3) место рождения;

4) образование;

5) профессия (род занятий данного жителя).

В паспорте населенного пункта должны содержаться также сведения о собирателе:

1) фамилия, имя, отчество;

2) образование;

3) дата обследования;

4) адрес (домашний).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Курс «Говоры Владимирской области», тесно связанный с дисциплиной «Русская диалектология», знакомит студентов с региональными разновидностями общенародного русского языка.

Особенностью владимирских говоров (которые относятся к Владимирско-Поволжской группе восточных среднерусских окающих говоров) является их «срединный» характер, наличие черт и северных, и южных, и центральных диалектных зон, причем это проявляется как на *фонетическом*, так и на *грамматическом* уровнях языка (неполное оканье, полное различение /о/, /а/, /е/ в I предударном слоге после мягкого перед твердым и частичное неразличение их перед мягким согласным, произношение на месте ст. Ѣ под ударением перед твердым согласным /е/, перед мягким – /ê/, различение аффрикат /ц/ и /ч'/, последовательный переход /е/ в /о/ под ударением перед следующим твердым согласным; склонение существительных *дедушка, батюшка* по типу I склонения, различение форм дат. п. и тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных, наличие стяженных форм прилагательных и глаголов, употребление согласуемых постпозитивных частиц и др.). *Лексический* состав владимирских говоров включает в себя преимущественно диалектные варианты общенародных слов (лексико-семантические, лексико-морфологические и лексико-фонетические). Собственно диалектные лексические единицы составляют всего около 14 − 16 % от общего словаря.

Освоение курса «Говоры Владимирской области» способствует формированию собственно лингвистической и лингвокультурной компетенций филолога, будущего учителя русского языка и литературы, готовности продуктивно решать профессиональные задачи в аспекте лингвистического анализа диалектного текста в вузе и школе (владеть основными методами и приемами интерпретации языковых фактов с учетом полученных знаний). Формирование навыков фиксирования диалектной речи поможет успешному прохождению диалектологической практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аванесов, Р. И.* Очерки русской диалектологии / Р. И. Аванесов. − М. : Учпедгиз, 1949. − 334 с.

2. *Блинова, О. И.* Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса / О. И. Блинова. − 2-е изд., испр. и доп. − Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. − 258 с.

3. *Дурново, Н. Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков // Труды Московской диалектологической комиссии. − М. : Синод. тип., 1915. − Вып. 5. − 140 с.

4. *Захарова, К. Ф.* Диалектное членение русского языка / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. − М. : Просвещение, 1970. − 168 с.

5. *Калинин, А. В.* Лексика русского языка / А. В. Калинин. − М. : Изд-во МГУ, 1971. − 231 с.

6. *Канунова, Р. С.* Говоры Владимирской области: фонетические, морфологические и синтаксические особенности (краткая характеристика) : учеб. пособие по курсу «Русская диалектология» для студентов филол. фак. / Р. С. Канунова. − Владимир : ВГПУ, 2001. − 54 с.

7. *Канунова, Р. С.* Говоры Владимирской области. Диалектное членение русского языка. Место владимирских говоров среди других говоров русского языка : метод. рекомендации к проведению семинаров по курсу «Русская диалектология» / Р. С. Канунова. − Владимир : Изд-во ВГПУ, 2007. − Ч. III. − 34 с.

8. *Канунова, Р. С.* Диалектологическая практика : метод. указания для студентов I курса филол. фак. / Р. С. Канунова. − Владимир : ВГГУ, 2009. − 19 с.

9. *Кузнецов, П. С.* Русская диалектология / П. С. Кузнецов. − М. : Учпедгиз, 1960. − 156 с.

10. *Мельниченко, Г. Г.* Региональная лексикология и лексикография: Избранные работы / Г. Г. Мельниченко. − Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2007. − 260 с.

11. *Овчинникова, Р. С.* Говоры Владимирской области : метод. разраб. для студентов фак. рус. яз. и лит. / Р. С. Овчинникова. − Владимир : ВГПИ, 1981. − 33 с.

12. *Овчинникова, Р. С.* К вопросу о синтаксических функциях постпозитивных частиц в говорах русского языка / Р. С. Овчинникова // Вопросы русского языкознания : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Русский язык и его диалекты / отв. ред. Е. С. Скобликова. − Куйбышев : КГУ, 1976. − С. 115 − 127.

13. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. − 2-е изд., стер. − М. : Наука, 1965. − 306 с.

14. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. − М. : Просвещение, 1989. − 224 с.

15. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. − М. : Высш. шк., 1972. − 302 с.

16. Русская диалектология / под ред. П. С. Кузнецова. − М. : Просвещение, 1973. − 279 с.

17. *Сороколетов, Ф. П.* Очерки по русской диалектной лексикографии / Ф. П. Сороколетов, О. Д. Кузнецова / под ред. В. В. Колесова. − Изд. 2-е, стер. − М. : ЛИБРОКОМ, 2010. − 232 с.

18. *Филин, Ф. П.* Проект словаря русских народных говоров / Ф. П. Филин. − М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. − 198 с.

19. *Шанский, Н. М.* Лексика современного русского языка / Н. М. Шанский. − М., 1964.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Образцы диалектных записей

Текст № 1

I. *Прийёхала’ сноха из Владимира // она за диверем // вон привезла дрожжей // здис не воз’ут / перога некак испечй нел’з’а // мы дрожжы сушым / де-нито ф т’омнен’ком месте // сноха / она шйот хорошо // суды прийедут / к н'ой и ташшат шыт’-ту // Вофка-тъ здоровай / красношшокай / а Райа-тъ худайа // нарот говор’ат / не пара / он йейо не по сийе вз'ал // ход’бы Райа поправилас’ // поправицца / буд’от врем’о // говорит // мама / йа нынче поправилас' на тилограм // йо фс’о говор’у / жывите вы хорошен’ко / и к йой ходйте / к йен’ ке-ту //*

II. *Л’он посейут / вырост’ от / йово пол’ут // полиш йово / вет’ он травной // выспейот он / йово б’ орут // выстоицца он ф поли-те / в’озут домой / гълович’ки колот’ат // гълович’ки кълотили вал’ками // дерев’анны вал ’кй // на доске кълотили // за им много работы-ти / за л’ ном-ти // помногу сейели // конопли сейели ф поле / вер’офки вили // сим’а оч’ен’ хорошо / конопл’аннъ-тъ // ис сем‘а-тъ / бывалъ иово натолк’ош / блины пекли / называлос’ с переп’окай // блины грешневы пекли // ран’ше-ти много сейели / гречи-ти // девеноста мер намолач’ивали на крупу // обдирну-ту / на муку мололи //*

1966 г. Андреева А.С., 66 л.
д. Овсяниково Судогодского р-на

Текст № 2

У мужыкоф-тъ пара была / куст’ум // пал’то зимно / тужерочка осен’н’а / пинжак ношатый // йес’ли вдалес’ пойедут / надевайут тулуп // халаты были / чосаны / куплены / а кто ткали сами // а то ис шынелей шыли / из двух / з башлыком / долгай // ноги-ти фсе укуташ // зав’азывали къшаки //

у мамы-ти были и суконны шупки и дубл’оны // дубл’оны из офчинак // шали бол’шыйо были / об’ажуцца шал'йу // мама / она у нас не хажывала ф кофтъчках / а фс'о в рукафчиках и ф китайке // китайка длиннайа / шестиклиннайа // они збориста была и на мышках /

а тут кокетъчка // рукава пришывали к станушке // рукава-тъ из матер'йалу / сиццовы / а станушка-та была ис холста / свой холст / свойскай // ступни носили // из лык плели / как лапти // ступни-ти были / как глубоки калошы // их так носили / не на порт'анки / на босу ногу / ли на чулок //

1966 г. Новикова М.В., 85 л.
д. Овсяниково Судогодского р-на

Текст № 3

За рекой у нас д'уп йес' / по лесу ретко рост'от // много былъ / тепер' фс'о срубили // жолуд'йа / как орехи грызовыйе / крупны // кп'он де-тъ йес' // кл'оновы трепалки делали / они прочныйо // л'он тр'опали // как лопатъчка / длиннен'ка трепалка-тъ // шаб'ор делъл // он гожь злелат // л'охки и хорошы // осинник йес' // почти сумежнъ сосн'ак // йолшн'ак // топол' у нас не рост'от // р'абина / калина // йес' калина-тъ / она по речке рост'от // не ходили севодне (нынче) за калиной-ти // чернига на лозах рост'от / малина на малиннике // кост'анига и бруснига на лозочках / тожо кустом // кл'уква / как на ниточках / какийе-тъ чутел'ныйе листочки // в л'осу грибы разны ростут // масл'аты / белых нос'ат // бъровики-ти по бугру ростут // у бъровикоф шл'апки-ти красныйе // рыжики нос' ат / боровыйе // по лугам / луговыйе / они рохлыйе / ропкийе // боровой / йес' краснай / завитой / здоровай // ч'олышы йес' // бер'озовай ч'олыш / осинъвай ч'олыш //

1967 г. Андреева Е.С., 68 л.
д. Овсяниково Судогодского р-на

Текст № 4

Кулиманы

Кулиманоф принесут // насейиш муки / и соладу // соладу помене // и разважывам жыден'ка // и п'ат' д'он парим // потом ф квашн'у клад'ом // кладут туды гушшы (закваски) *// закисн'от // розделывам на жолобу леп'ошки // леп'ошки посад'ат / исп'окут / вынайут ис печы / в воду кунайут и кладут тесно ф чугун // и пар'ат до вечора в вол'ной пече // попар'цца они и зделайуцца бардовы / скусны //*

Солодушки

Ну тестъ завариваш нъ кип'атку // кладут сольт / да муку // а сольду не была / св'оклу клали // а потом йево (это тесто) *ставиш ф печ // ф чугуне в бол'шим париш / път съкърадой / дна два // кто скол' // опариш и ф квашн'у клад'ош // заквашываш йово поткваcъм // а утрът фстайош / мёсиш / как хлебы // ну помесиш / они взойдут / и стелиш настол'ник / розваливаш // они взойдут // ф пече зам'отайош пом'олом и пр'ам ф печ на лопату сажаиш / хыш на протвен' // потом вын'айеш ис печы / кунаиш в вар* (в кипяток) */ потом ф чугун / штобы они упарилис' // укуташ трапкъй или белым платком // а вечером оии чорны-чорны / красны // много хлопот с им'а / с солодушкими-ти // да ран'ше ни шшыталис' / делъли //*

1972 г. Бабаева А.Ф., 67 л.
с. Денятино Меленковского р-на

Текст № 5

При мне вина не было / варили с'о брагу // брагу свойску свар'ат / куфшыноф п'ат' // по два ведра // ис солоду // намоч'ат ржы / оттинут / штобы выросла / хош на печку / хош где / штобе потепле // потом выраст'от / высушат / да молот' будут // буд'от как мука / т'омнайа / коричнева // етъ солат // смел'ут солат / заваривут брагу / став'ат ф печ' парит' // отвар'ат картошки / намнут // кипет'ат воды / завар'ат картошку-тъ / зал'ут / солоду добав'ат и постав'ат ф печ' / таки куфшыны были глинены // постав'ат ф печ' / замажут заслон / штебы т'оплб не уходило / она там упрейот // с утра до утра стоит // утром ф печ постав'ат / с утра до утра ф печ' некто не лаз'ат // вынут брагу / ети кофшыны / сливайут ф кадушку / спускник какой-то // соломы уделъйут / штобы свежа текла / а густота устайоцца // спускайут в другу кадушку, уддел' на // вечером заквас'ат / а утром можо укисн'от // клали хмел'у // хмел' придайот горчыны // как укисн'от / хмел' вес' наверху буд'от // тогда укисла (брага) *// складывут ф къфшыны //*

1971 г. Васильева М.И., 65 л.
с. Денятино Меленковского района

Текст № 6

Дома-ти у нас стройат кто как / кто планной / а кто флигерем // флигер' / как салаш крыша строицца / а планнай / крыша с напускам // у нас дом быкновеннай // по лицу (с выходом на улицу) *дом планной / а ф проулок флигерем // ран'ше строили дома-ти / задн'а изба / передн'а // передн'а-та изба / горница / по зимам-ту в н 'ой не жыли // а задн' а / куфн'а // у печы одгоражывацца чулан // тут фс'а посуда / фс'о / ч'о надо по хоз'айсву / чугуны стойат / ведра // зънавесъчкъй зад'орньш / вес' страм-тъ и не видат'// как из ызбы итти / калидор / ран'ше мост называлса // етъ переклат / а по-старому матица // окна-ти / къс'аки / а внизу подушка // рама // угла-ти в ызбе смотри каки // называцца срубленъ в угъл / а то бывайит в лапу // у нас токо погреби так став'ат // рус'ка печ / а етъ лежанка // у нас сызроду так // у печы опечак / шосток / чоло / а вверху-тъ свот // заслонка / а внутре пот // ран'ше хлеб-ат на поду пекли // зам'отут пом'олом и посад''ат // а потом жаровни пошли / протевен' по-нонешному // етъ печурки* (выемки в боковой стене русской печи) *// осен'йу / да зимой носки да варешки сушыт' //*

1974 г. Молова А.В., 69 л.
с. Татарово Муромского района

Текст № 7

Сем''йа-ти у мен'а была бол'шайа / две золофки и два девер'а было // один жыф / один убитай // золофка одна пом'орла / а одна жыва // они здёс' перво-тъ жыли // золофка / етъ сестра мужыка-тъ мово / а брат йово мне девер' // у золофки мужык-ат з'ат' мне / а дети йейо плем'анники // у девер'а жена сноха мне // а дети тожо плем'анники // мат' и отец у мужа-тъ мне св'окар и свекроф // св'окара звали бат'ушка / а свекроф матушка // свово родител'а т'атен'ка / да мама // мои родители мужыку мому тест' и т'ошша // родители мои и мово хоз'аина / сват'йа // мой брат мому-ту хозаину шурин // а сестры мои мому хозаину свойаченицы // у мами сестра была и два брата // сестра матери мне т'отка / йа н'аней звала // сестру хоз'аина дочкой звали // и ван'ушка (сын) тожо // кока (крестная мать) *она была тока ван'ушке / а звали оба //*

1975 г. Малова А.А., 69 л.
с. Татарово Муромского района

Текст № 8

Были подд'офки // ран'ше шыли зборами / а мы стали шыт с къстыл'ами // шыли портныйе // спина-та цел'на / а на боках костылики // наш подрос носил // мы еть захватили // жакетки были // сак носйли // бывалъ не пал'то / а сак носйпи // покрой уддел'най // ф талийу / с лентами // в ленты фс'у спину розр'ад'ат // сукно тонко / хорошо / бывалошно // придано шыли // кореннайа од'ожа у нас была полусак // как сак шылса / токо короче // пугофки вот так / до сих пор // рукаф был / тут ман'ен'ка пошыре и с пыжом // на вате / на потклатке // шубы дубл'оны / с фантами // ч'орной дупки / краснай // камлотовы кофты носили / со зборами // наш подрос не носил /мы не захватили / етъ фстарину // старики носили кафтаны // ткали сукно свойо / свойско // катили сами йово // кафтан-ат з запахьм // до сих пор зборы / а тут (спереди) *збор не была // заст'ошка набоч'ок // кручки пришывали // халаты были суконны у брат'йоф // халат широкай / бол'шой воротник // на потклатке // холаты так / дл'а красы носили // тепер' пал'ты / а бывалъ халаты / вместъ пал'та // обувалис' в лапти / в онучы / а летам пор'т'анки // онучи-ти ис свово сукна / а порт'анки-ти ис свойой пр'ажы // плели ступни / ступен'ки / бол'но красивы // лапти на верофке носили / а ступни / как тапки / укуратны спл'ет'от // праздничны батинки / высоки калбуки // туфли были / полботинки // а то суконны были / у роб'ат и у девак / назывались' камашы // зимой-тъ чосанки / валены събоги // да зимой-тъ и лапти с онучами носили // лапти с нок не скодили //*

1974 г. Судакова М.Г., 65 л.
с. Татарово Муромского района

Текст № 9

I. *Сак / он ускай был / и ленты нашывали фпереде // а полусак по ету мес'* (показывает до колен) */ не долгай // върътнички были барашковы // сак был сквозной / шоф тбко по бокам / спереденич' ово не былъ // пугофки по сер'отке // рукави с пыжами // у ково опшыты / у ково простъ так // кто как побогаче / опшывали / а победней-тъ не опшывали // рукаф-тъ был с пыжами / а здёс'-тъ* (показывает у кисти руки) *ускай // ис сукна саки шыли // и полусики празнишны ис сукна / а такийи* (для постоянной носки) *матер'ски //*

II. *Два сына у мен'а / без оцца выросли // мужыка-ту на войне ф первой гот убили // йа их ф клешшах држала // они были не одбойныйе // один сваршыком робатайот / а другой шоферам // сем клас-*

съф кончыли / не учылис’ бол’ше // старшай-ат визде был / вес совец-кай сойус обйездил // жена базистам роботат / на базе в заводе // у млатшева-тъ бугахтером // жывут гожа / убижацца нел’з'а //

1974 г. Садкова А.Г., 69 л.
с. Татарово Муромского района

Текст № 10

I. *Солодиха.*

Солът завариш гор’ач’ай водой / и три дни ф печку ставиш / она малейит и слатейит // малейит / краснейит // да ишо кл’укофки клали // калину добавл’али // и на квас можно делат’ / и так можно йес’ // как повидло / не так густайа // кунайеш хлебам // она пристай-от // квас ставили / солодишны пр’аники пекли//

II. *Дефч’онкой была / ворочет’ сена ходила // надел’али пайами // детей у мен’а п’ат’ человек // один ф ставрове // один в лакине // тот тол'ко вино л’убит // хърошо / кода твер’озовай // дочка / она в заводе работайит // фторайа работайет в институте // и з’аттъ работаит / он шоферам // а одна дочка здёс' / ф колхозе работаит // усат / дом и постройки / две сотки под угорот // дом у мен'а / пе-рёдн’а и задн’а изба / кухонка // у печи-тъ / чулан называцца // ска-жут / ф чулане / то у печки // печ’-та / опечак / ч'оло 1 заслон / свот / пот // на бок жар загр’обайем // печурки // у нас две печурочки // бо-роф* (часть русской печки) */ он там / иа накиите делацца //*

III. *Стан / навой ззаде / на нево навивайут основу // она с навойу протегайецца фпер’от // спереди пришва // основу прод’овайут ф це-ны // от цен она продевайецца в ремизы / или ф цепки // в ремизы проде-вайем кр’учком / а из ремизоф-тъ продевайем в б’ордо / оно в набилки фставл’алос’ // к набилкам приделывайуцца подношки // у нас не ткот уш некто / а вот за собинкой / там ткут половики // тр’апки мойе / ос-нова иха // ран’ше попоны ткали / удевалис’ ими // бываль у ково бол ’шийа семйа-тъ / скоко холста-тъ надъ // постели ткали / полога / холст ткали / полотенца / столешники // рубашки ткали / полбумажны / си-нен’ким / краснен'ким учили // и штаны были сини / белыми полосами // кафтаны шыли // ис шерсти ткали / кака-тъ пр’амушка //*

1979 г. Васильева А.Д., 73 г.
д. Глухово Собинского района

Текст № 11

Плуги дерев’анны были // рул' дерев’аннай /ручки // жолезнай отрес / отвал и лем’ох // бороны бьли дерев’анны // брали ч’отыре межжевел’овых прутка / между ими фставл’алса дубовай зуп / и он св’азывалса // триццет’ шес’ зуб’йоф была борона // после заменила жылезнайа // рамка дерев’анна / а зубйа жылезны // сейели из лукошка // из лыку делъли лукошка // на ленте ли / на верофке ли / надевали черес плечо // сейили руками // молотили цепами // цеп / палка круглъйа такайа / цепник / дыбовый / на конце возвышеннай / штоп удар’ал пошыпче // а бол’шайа-тъ палка (вторая часть цепа) */ забыл как называцца // опашки были / картошку опахивали // посер’отке лем’ох / два крыла* (отвала) */ на обе стороны / лем’ох посер’отке / изогнутай // рош жали серпами // серп на дерев’аннай ручке // ов’ос косили / коса была з грабел’цами // к лубой косе можно пристроит’ грабел'цы-тъ // шес' / восем зуб’йоф // бер’озовы быкновенно делълис’ // они тонкийе // косит и приваливат косой // ов’ос клали в бапки // десет’* (снопов) *став’ат / два сверху закрыват’ // ов’ос клали в оден’йо* (скирд) *// подинку* (подстилку под скирд из соломы) *розложыш / потом снопы клад’ош // п’ат’сот снопоф / а то и бол’ше // крыли соломой / ключ’онкой // рубили паузи / молодыйе бер’оски // прит’агивут паузи / штобы ветром не здуваль //*

1979 г. Зайцев А.С., 78 л.
д. Глухово Собинского района

Текст № 12

I. *Держали короф // мълоко сливали в дерев’анны кадушки // оно там кисла // нъзывали йово толсто мълоко // говели // посты /великай / успенскай / никол'скай / петрофки // в ети посты йели тол'ка горох с квасам / парили св’оклу / тыкву // хлебы пекли свой // которы клали ф плошки / а которы ф пече зам’отали пом’олом и сажали на чисты кирпичи // ети хлебы называли ситны //*

II. *Изба была одна у фсех // стойал коник / да две лафки // стол ни покрывали // как обендат' / слали столешник ис холста / потом йово убирали // на коник слали т'уф'ак соломай набитай // у стены стойал камот съмодел'най да и то нь у фсех //*

III. *Бывало л’он сеили руками // брали тожа вручнуйу // потом кълотили йовб вал’ком / слали на слишша // как уложыцца / будит*

м’ахкай / йово загр’обали грабл’ами мальн’кими кучкими // дал’ше / кто на печ’ йово слал / кто на бан’у сажал / дажа бан’у прън’ово топили // потом л’он м’али в м’ал’ницу / тр’опали тр’опальм // из н’овб костер’у выбивали // толкли ф ступи / дал’шы л’он мыкали на гребен / делали мочками / потом пр’али // пр’ажу нъ мотушки мотали // а потом ети мотушки били об лафку // сновали на воробы / розматывали / потом ткали // пълуч’алса холст//

1980 г. Гордеева П.М., 79 л.
д. Степанцево Муромского района

Текст № 13

Йа / кода мълодайа была / стр’апат’ страс’ как л’убилъ // помну / бывалъч' / с матир’йу зач’ ном печ’-тъ / дак йа фс’о колъ нийо снуйус’а // вот ч'о йа л'убилъ печ‘-тъ / дак етъ кл’уковник / пирок с кл’уквой // йиво и пёч -тъ дело нихитръйь // а фкуснай пирок / с кислинкой // на ниво тестъ нужно / а нач’инку-тъ потом / кода с тестом *управисс’а // ф плошку мълока т'оплен'ковъ стакан волйош и дрожжей туды малост' / шоп набухло тесто- тъ / а потом стаканъ два-три мучки добавиш // йа фсигда два с пъловиной биру, шоп ни густь было // етъ фс’о помишай хърошеничкъ / пълотенчком покрой и чиса на два ф типло // потом два йица взобйош / писоч’ку лошки две-три / солич’ки и мишай с маслицем // потом оп’ат’ ты тесто-тъ ф типло постаф / оно у т’а помахч’ъ буит // ты йиво достаниш и начни лип’ошычки котат’ // накотаиш и на стр’апник // стр’апником у нас называцца такайъ чугунна бол’шайь посудинъ / вроди торелки // на ией ран’шы и пироги пикли / и блины / и творожники / да фс’о // кода котат' буиш / ты кройа у лип’ошки загни / ф косу / шоп начинкь потом ни потикла // загн’ош и смаш йих йицом // потом за начинку бирис’ // кл’укофку пирибири / промои да опсушы маннн’ко // ты в нийо ишо писочку фсып’ / м’оду можнъ / и помишай // потом ты ету кл’укву вылош на лип’ошку / маслицым смаш и ф пёчку // минут на десит’ // ф печки-тъ пожарчъ буит / чем в духофки вашей / пътому и печ’-тъ буит скорей // да смотри / шоп ни подгорелъ / а чай гост’ам и сибе плохайь хоз’ айкъ буиш // остуди манен'къ и на стол пьдовай ш ч’айъм // такой пирок и с чирникай хорош / и з гълубикой / йежыли кл’уквы нету // но йа фс’о врем’ъ такой пирок с кл’уквой и делъла / уш бол’но мне он нравилса // йа / скоко сибе помн’у / первой стрипухой в диревни фсигда слыла / вот те крест // да и другийь говорили / сама*

про то слыхала // етъ мин’а мойа мат’ ишо научила // бывалыч' / фстанит поутру / тимно ишо / а она уш у печи возицца / на вес’ден' готовит // вот и йа тоже / как из девок-тъ вышлъ / тоже по хоз’айсву пошла // нич'о / справл’альс // а теперич’ вот внукоф и правнукаф свойих уч’у / к хоз’айсву принoравливайу //

1999 г. Копылова А.П., 85 л.
д. Крюково Гусь-Хрустального района

Текст № 14

Ране-то свад’бы / как ноне / фс’о по осене играли // как урожай-то собер’ом / так бывалаче и за свадепку // у нас ф сосед'ах Мар’йа замуш выходила / ийо на лошади з бубенцами и колоколами / да с лентами ф повоске розур’аженай ф церкву повезли // а ф церкве народу-тъ т’ма-тмушшайа собралос’ на нивесту погл’адет’// нивеста-та молоден’ка / шеснацът'' годоф отроду / а жоних-тъ постарше буд’от / из бол’шой сем’йи / работник гожай / да хоз’айсво крепкъ // жоник-тъ завиднай // така пара хороша была / ус’о село восхишшалос’ // апосл’а венч’анйа-тъ нивеста жженихом пр’ам с венцами прийёхали // их / как положоно / хлебом-сол’йу фстретили // вот реб’атишкам-тъ весел’йе было / и пр’аничек перепадал // и запотылик давали / шобе не мешались’ под ногами // гул’али-тъ фсем мирам // гостей на славу поччевали / на столах-то чево тока не былъ // свад’ба ента шумна была // с песнами да пл’аскими // до утра гул’али // ноне-тъ у мар’йи уш правнуки йес’ // сем’йа бол’шайа да дружна // василей-то йейо недавно пом’ер / тужыла шыпко / вет’ фс’у жыс’ вмёсте прожыли / душа в душу // вот ран’ше лубоф-тъ кака бьла на фс’у жыс’ //

1999 г. Крошкина О.И., 75 л.
пос. Новый Быт Селивановского района

Текст № 15

Бывалыч’а в годы войны мы мел’узга събиралис' ватагъй и шли в лес по йагъды / пъцаны и дефч’аты от шести до десети лет / с собой кузов’йа да набирки // обутка колошки ф сорък четыри клеточки (лапти) *// их берегли // километръф п’ат’ - шес’ пехтуръй и босичишшем / лапт’онки берегли //* в *лесу онуч’ки с плет’онкъми обуйем и пошли събират’ йагъды /* а *они крупнуш’ш’и ! краснуш’ш’и / пъкрыва-*

ло соткано из йагот // штобы нас кто ненарокъм не услышъл / бер'ом йагоды молча / сопим // кузов'йа и набирки набраты / сами обйёлис' йагъдами // начинам думат / што нам ишо здёлат' // находицца лофкач / бер'от йарку тр'апицу и / как кошка / карапкъцца на высоченно деривъ / прикручиват как флак и начинат играт' ф пр'атушки / а вес' наш скарп стоит под йетим деривъм / штобе нам иво не потер'ат' и самим не затер'аццa // наиграфшыс' / отправл'айемс'а домой // лапт'онки на крошенки и снова пехом топъм // а дорогъй и жут' бер'от / особеннъ / когда серый ис кустоф выскочит и дорогу перебежыт // а домъ матери / пр'ед'а нъ обет с работы блъгъдар'ат своих сърванцоф помошникъф // а с первым крикъм кочитоф мама пъднимаицца / штобы приготовит нам - шл'оп нъ шл'оп / леп'шки ис т'ортъй сырой къртошки без муки // мы были ш'ш'исливыми дит'мй / когда мама скажът / што напишът папи на страшну войну / што мы уже кормил'цы и поил'цы //

1999 г. Миронова А.А., 65 л.
д. Вековка Гусь-Хрустального района

Текст № 16

Зима у нас л'убима пора была // тут празникоф многъ / вот уш былъ нам весел'йе // зимой о св'аткъх на улицъ вечером темен' / метел' мет'от // страх // а погул'ат'-тъ охотъ / в соседн'у избу загленут' // там уш празник вофс'у // но уш бол'но трудно от мамки-тъ уйти // тол' ко шубейки накинем / а она уш нам иричйт / вы куды на ноч' гл'ад'а / вот ужо тамо вас кулешы похватайут // мы кулешей йетих не видели / но росказывъли много нам страшновъ // а нам страс' как л'убопытно / да и пошалйт' хоцъ // выберем минутку / да и скорей иа улицу // собер'омсъ воташкой / шубейки вывернем / шапки надвин'ом и пойд'ом по избъм // фперот на пл'аски заб'ожым / попл'ашем / да и в другу избу // по веч'орам далече не ходили / бойазно // зато дн'ом по фсей деревне бегам / нарот веселим // хоз'ава тожо пл'ашут // вот уш веселйе нам былъ // ш'ш'ас уш таких гул'анък и не устраивъйут //

1999 г. Пузырева Н.Я., 70 л.
с. Кидекша Суздальского района

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Нумерация районов по Владимирской области в Лексическом атласе русских народных говоров (ЛАРНГ)

Район	Номер
1. Александровский	337
2. Вязниковский	392
3. Гороховецкий	346
4. Гусь-Хрустальный	437
5. Камешковский	342
6. Киржачский	338
7. Ковровский	344
8. Кольчугинский	340
9. Меленковский	472
10. Муромский	438
11. Петушинский	388
12. Селивановский	391
13. Собинский	389
14. Судогодский	390
15. Суздальский	341
16. Юрьев-Польский	339

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Образцы оформления картотеки

Л 1 437 Леʹс (о.н.) Лесоʹф-ти у нас мноʹго / кругом лесаʹ // Добрятино 2006	СМ 2 437 Дуброва У нас зъ сʿелоʹм дуброʹва // Бʿерʿоʹски там ростуʹт // Окатово 2004
СЛ 123 437 Берёски (бʿерʿоʹски) Ёлочки (йоʹлочкʿи) Дубкиʹ (дупкʿиʹ) Лиʹпки (лʿиʹпкʿи) Соʹсенки (соʹсʿенки) Окатово 2004	СМ 150 389 __________ Глухово 2001
Л 123 383 О Ларионово 2004	СМ 409 388 Головаʹ – исток, верховье реки Гдʿе рекаʹ начʿинайеца / говорʿаʹт еʹто гъловаʹ // Ларионово 2004
ЛСЛ 389 390 Уваʹл – небольшая возвышенность. Дерʿеʹвня наʹша на уваʹлʿе стоиʹт / так уш построʹилʿи // Овсяниково 2001	ЛСЛ 533 390 Испёка – засушливая погода. Ныʹнчʿе испʿоʹка / дышаʿт нʿеʹчʿем / фсʿо в угороʹдʿе посоʹхнʿет // Вяткино 2004

Л 4 437 Иго′льник – хвойный лес. У нас лʿеса′-тʿи / йо′лкʿи / да со′сны расту′т / иго′лʿник называ′ем // Добрятино 2006	Л 178 389 Зве′рь – дикое животное. В лʿесу′ звʿерʿа мно′гъ / да мы нʿе бои′мсʿа // Алферово 2006
СМ 187 341 Бирю′к – прозвище человека. Да вон сусʿе′да у нас зовут бирʿу′к / сʿердʿи′той он с лʿудʿа′м нʿе разгова′рʿиват // Внуково 2006	Л 117 388 Гонобо′бель – голубика. У гонобо′блʿь кусты′ высо′кʿийь / йа′гъдь въдʿанʿи′стъйь // Ларионово 2004
СМ 432 390 ———— Вяткино 2004	Л 390 68 Ø Вяткино 2004
Л 158 472 Кубы′шка – валуй. Кубы′шка / а кто холу′й зовʿо′т // Б. Приклон 2005	СМ 163 391 Масле′й – масленок. Маслʿе′й / маслʿо′нък / пофсʿа′цки зову′т // Драчёво 2006

Л 164 338 Мухоя′д – мухомор. Мухомо′р / мухойа′т / как назовˁо′ш // Имейкино 2004	Л 165 472 Опёшка – опёнок. Опˁо′шки / мы зъйеду′ нˁе шыта′ли // Папулино 2005

Учебное издание

КАНУНОВА Римма Сергеевна

ГОВОРЫ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Учебно-методическое пособие

Подписано в печать 30.10.14.
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 8,37. Тираж 70 экз.
Заказ
Издательство
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.